

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Андрей
КРУЗ

ПОСЛЕ

Annotation

1999 год, пятнадцать лет прошло с тех пор, как мир разрушила ядерная война. От страны остались лишь осколки, все крупные города и промышленные центры лежат в развалинах. Остатки центральной власти не в силах поддерживать порядок на огромной территории. Теперь это личное дело тех, кто выжил. Но выживали все по-разному. Кто-то объединялся с другими, а кто-то за счет других, превратившись в опасных хищников, хуже всех тех, кого знали раньше. И есть люди, посвятившие себя борьбе с такими. Они готовы идти до конца, чтобы у человечества появился шанс построить мирную жизнь заново.

Итак, место действия — СССР, Калининская область. Личность — Сергей Бережных. Профессия — сотрудник милиции. Семейное положение — жена и сын убиты. Оружие — от пистолета до бэтэра. Цель — месть. Миссия — уничтожение зла в человеческом облики.

- [Андрей Круз](#)
 - [Предисловие](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Андрей Круз
ПОСЛЕ

Предисловие

Я не хотел писать предисловие, чуть раскрывая сюжет, но выложенная в открытый доступ часть текста вызвала так много споров, что я все же вынужден предварить книгу этим коротким текстом.

Действие в романе происходит через пятнадцать лет после ядерной войны. Не тотальной войны, стороны не выпустили друг в друга весь арсенал, но все же того, что вылетело, хватило для почти полного разрушения инфраструктуры и, как следствие, нанесения чудовищных потерь. Однако в этой книге не будет ни навечно зараженной земли, ни двухголовых мутантов и «чудовищ ядерных пустошей», а также злодеев в шипах и коже в стиле «Безумного Макса» или игры «Фоллаут». Почему? Да просто потому, что хоть эта книга и фантастика, но все же не настолько.

Наиболее наглядным примером местности после ядерных ударов является полигон на Новой Земле, где было произведено за довольно короткий отрезок времени множество ядерных взрывов, включая наземные и огромной мощности. В результате зоны долгосрочного заражения местности изотопами с длительным периодом полураспада заняли не больше шести квадратных километров, в районе четырех наземных взрывов. На всей остальной территории полигона даже в разгар периода испытаний радиационный фон был в рамках допустимого. Шлейф растянулся на тысячи километров, но в результате этого концентрация радиоактивных осадков была настолько низка, что и в местах их выпадения фон также не превысил допустимый.

Чернобыль? Чернобыль выбросил в тысячи раз больше радиоактивного дерьма, чем любой ядерный взрыв. При взрыве используется куда меньше материала, и он банально сгорает. Во время же аварии на АЭС по факту «сорвало крышку с кастрюли» и механически разбросало содержимое. То есть моделью ядерной войны чернобыльская зона или та же Фукусима никак служить не может, они — модели аварии на реакторе и ничего больше.

Зато она начисто опровергает другой миф — о мутантах. На территории зоны живут самые обычные животные, и вообще, в силу закрытости, там полный расцвет флоры и фауны. Мутации в подавляющем большинстве случаев ведут к смерти мутанта, это уродство, а не усовершенствование. Те самые первые безглазые рыбы в Припяти вымерли еще в первый год, больше их никто не видел.

Вечная ядерная зима? Тоже не получается. Накопление углекислоты и выбросы сажи приведут к потеплению после не слишком долгого холодного периода. Климат станет более влажным, немного теплей, чем раньше, вот и все. Так что постъядерный мир будет просто миром разрушенным, не более. Остальные подробности в тексте.

В кузове трясло, громыхали дощатые борта, мелкий дождь барабанил по брезентовому протекающему тенту. От мешков с картошкой, лежавших навалом впереди, пахло землей и сыростью. Дорога долгая, ехали уже пятый час, поэтому тянуло в сон, но уснуть тоже не получится из-за болтанки. Да и не стоит спать, потому что со мной в кузове еще четверо попутчиков, и никого из них я не знаю. Поосторожней лучше быть. Метрах в двадцати за нами еще машина, зилот с голубой кабиной и когда-то белой, но теперь грязной и покрытой пятнами ржавчины решеткой. Время от времени было слышно, как вздыхают его пневматические тормоза. За нами оставалась полоса разбитого шоссе, сейчас больше состоящая из ям и колдобин, чем из остатков асфальта. За зилотом — еще машина, такой же «газон», как и у нас, с кабиной, грубо выкрашенной кистью в серый цвет, и треснутым лобовым стеклом.

— Слышь, друг, курить не дашь? — в очередной уже раз спросил меня сосед, худосочный мужик лет под сорок, одетый в брезентовую штормовку поверх свитера.

Он то у меня стрельнет, то у других, так и едет. Правда, сам яблоками всех угостил. Хорошими яблоками, зелеными и кисловатыми, какие как раз и люблю. Я вытащил из кармана куртки штампованный портсигар, протянул ему, откинув крышку. Тот худыми пальцами выудил оттуда папиросу, смял мундштук, щелкнул бензиновой зажигалкой с крышкой.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Тут машину тряхнуло особенно сильно, так что я портсигар чуть не выронил. Пожалуй, что и сам закурю. Сколько еще ехать? Я глянул на часы, прикинул — не меньше часа еще, но большая часть пути позади. «Стрелок», увидев, что я сам курить собрался, щелкнул зажигалкой, поднес огня, прикрыв его ладонью с татуировкой. Якорь у него там, может, даже служил на флоте до Этого Самого.

— Откуда ты сам? — спросил «матрос».

— Издалека, — не стал я излагать подробности. — Сам местный?

— Почти. Пять лет в Торжке.

— Чем занимаешься?

— Механик я. И всякое, — он неопределенно махнул рукой с папиросой. — Починить, поделатъ.

— А что из дома носило?

— Да так, закупились всяким. Наша машина впереди идет, тут просто сидеть удобней, на картошке-то, — он постучал по мешку, на который опирался. — Доедем уже скоро, вон на Золотиху поворот был уже. А к нам по делу?

— Да вроде бы. — Я затянулся, выпустил дым. — Остановиться-то есть где у вас?

— Гостиница есть. Можно комнату снять. Соседка у меня сдает, бывает. Знаешь город?

— Нет, откуда? Я в первый раз.

— На Белинского это, почти центр, считай. Надолго?

— Сам не знаю, как получится. Может, и надолго.

— Занимаешься чем по жизни?

— В охране работал, — приврал я на всякий случай. — Теперь все, больше не работаю.

— Новое место ищешь или что?

— Почти что. Там видно будет.

— У меня зять в охране обозов работал, — вступила в разговор грузная тетка, сидевшая у противоположного борта. — Убили три года назад. Тут как раз, у Лихославля.

Сидевший рядом с ней мелкий мужичок с заросшей длинной щетиной физиономией кивнул, не сказав ни слова. Точно муж с женой.

— Бандитов у вас много тут?

— Да кто их знает? Бандитствуют. Всякой сволочи хватает.

— Но в городе тихо, — добавил «матрос». — И рядом. Нормально у нас.

Разговор как-то сам по себе увял. Всех уже растрясло, все устали от долгой дороги. Колонна продолжала вилять между ям, плеская грязной водой из-под колес, громыхали борта кузовов. Серое небо, серый дождь, зеленый лиственный лес по сторонам дороги.

Папираса докурилась до мундштука, я выбросил ее за борт, в грязь. Как ни ворочаюсь на сложенной плащ-палатке, а все равно задницу отсидел давно. И так сядешь, и эдак, и ногу под себя подложишь, но доски и есть доски, мягкости в них никакой. И это если бы я так первый день ехал, а ведь уже неделю мыкаюсь. Доедешь докуда-то, а там очередного обоза или попутки ждешь. Но просто попутки случайных людей брать не любят. И в кузовах ехал, и на телегах, и даже раз под дождем на прицепе-платформе катил. И вот доехал вроде бы. Почти.

Оперся на левую руку, меняя положение, в плечо отдало болью. Новая

напасть, в последний год началась. Болит плечо, несильно, но тупо и постоянно, немеет сама рука. Назад ее завести уже не получается, даже чтобы себе спину почесать. Спрашивал у врача, что это такое, тот плечами пожал, сунул какую-то мазь. Даже не знаю, действует мазь или нет, да и заканчивается уже. Пробую разминать каждый день, но опять не знаю, помогает или нет. Старею. Была бы жизнь получше, может и старел бы не так быстро, но «получше» уже нет. Не про нас это самое «получше». С Этого Самого осталось только «похуже» и «совсем никуда».

Лес сменился ржаными полями, навстречу прошла пара грузовиков, а потом, переваливаясь по кочкам, прокатил обшарпанный «москвич». Ближе к Торжку уже, похоже. Пару деревень проехали, пустых и разоренных. Почти не живут люди в деревнях теперь, к городам жмутся, безопасней в них. Разве совсем в глуши, где и городов близко нет, и куда всякой сволочи специально забираться лень. Мы вот тоже городком жили, а вокруг пустота, леса да поля.

Слышно было, как машина во главе колонны забибикала. Увидел кого или подъехали? Из-под тента ни черта не видно вперед, так и разглядываю морду идущего следом зилка. Подъехали, похоже, скорость скинули, машины сзади почти вплотную подтянулись. Шофер зилка, молодой парень в серой спецовке, перехватив мой взгляд, большой палец показал. Ну да, ему радость, работа опасная, а теперь он на месте и отдых впереди.

Вот наш «газон» чуть тряхнуло, проехали блок, затем справа показались кирпичные пятиэтажки нежилого вида, разве что на крыше одной разглядел мешки с землей и наблюдателей под навесом. Тут нас остановили, в голове колонны послышались голоса, а затем кто-то загорланил в мегафон, обращаясь уже ко всем, да так, что ни слова не понятно. Но «матрос» сказал:

— Проверка сейчас будет. От автомата, если есть, магазин отстегнуть и патрон из ствола, только так в городе и носить. Если пистолет есть, то тоже разряди.

Сам он сноровисто откинул щелкнувший пружиной магазин своего СКС, высыпал патроны в ладонь, выбросил тот, что в стволе, а потом, вытащив из кармана обойму, взялся этими патронами ее заполнять. Ну что, у нас такие же правила, так что и удивляться нечему. Я отстегнул от автомата магазин, выбросил патрон из патронника, убрал все в подсумок. Полез под куртку, вытащил из оперативки ТТ, разрядил. А потом из внутреннего кармана достал документы, завернутые в потрепанный полиэтиленовый пакет, приготовил к проверке.

Минут через десять проверка подошла к нашему «газончику». По

званиям и не поймешь кто, все в караульных плащах от дождя, какой-то командир — мужик средних лет с усами щеткой, с ним двое бойцов с автоматами, помоложе оба. Заглянули в кузов, потом старший сказал:

— Сначала местные, потом приезжие. Документики готовим, пожалуйста.

Кроме меня все местными оказались, «матрос» так еще и поздоровался со старшим патруля. Их проверили быстро, потом до меня очередь дошла. Усатый взял паспорт, покрутил в руках зачем-то, затем открыл.

— Бережных Сергей Павлович... Грязовец... Вологодской области. Издалека к нам, — он даже хмыкнул удивленно. — С какой целью?

— Транзит скорее. Дальше попутки искать буду.

Раз я проездом, то и любопытства немного. А я пока и сам не знаю. Усатый вернул мне паспорт, затем сказал:

— Оружие есть? В городской черте носить без магазина и патрона в стволе.

— Просветили уже, спасибо.

— Да на здоровье. На КПП еще запишетесь и дозиметристов пройдите. Лучше сейчас вперед идите, как раз успеете, покуда машины проверяют. Все, пошли дальше, — скомандовал он своим.

Везде одно и то же, так что даже подсказывать не нужно. «Матрос», видя, что я собираюсь лезть за рюкзаком, сказал, сидя на краю борта:

— Тут оставь, никто уже не сопрет. После КПП снова приглядывай. — Он усмехнулся. — Там опять подсядешь.

По-быстрому мой мешок обшарить любой запросто сможет, но, сам не знаю почему, сделал, как он сказал, махнул рукой да и пошел вперед, к железным воротам, встроенным в стену ежей, и пристройке к ним из серого силикатного кирпича.

Прошел всю колонну, пять грузовиков, «ниву», уазик и старенький БТР-40 охраны, возле которого курили и разминали ноги трое солдат.

У дверей собралась небольшая очередь из таких же приезжих, как я. Четверо, если точно, три мужика, явно одна компания, и довольно молодая, лет тридцати, женщина, худая, с короткой стрижкой и глубоким шрамом справа, рассекающим скулу сверху вниз, а на половине лица почти уже стершиеся следы старого ожога. Почему-то подумалось, что это *тогда* ее. Сколько ей *тогда* было? Лет пятнадцать?

Никто не разговаривал, двое курили, встав под грибок. В дверь, открывая ее изнутри, запускали по одному, только сначала боец проверял каждого на «свечение». Но дураки давно вымерли, а люди научились не лезть куда не надо, так что все были в норме.

В будке КПП тоже все как обычно. Какая-то женщина в платке и ватнике взяла у меня паспорт, переписала данные в амбарную книгу, потом выписала временный пропуск.

— На выезде сдать надо, — пояснила она. — На неделю он, потом в комендатуру, если задержитесь.

— Понял, спасибо.

Я убрал квиточек из серой бумаги в пакет вместе с паспортом, а потом, аккуратно завернув, сунул все во внутренний карман куртки.

Снова ожидание в той же компании, но уже по другую сторону ворот. Машины пропускали быстро, разве что у «колуна», в котором, как оказалось, эти трое мужиков и ехали, задержались дольше — приезжие. Но тоже пропустили, а следом и наш «газон».

— Залезай, на тот берег с нами доедешь, — позвал «матрос».

Я вскарабкался в кузов, покосился на свой рюкзак — не трогал его никто, похоже. Как промят моей спиной и в угол втиснут, так все и осталось.

— Так где тут ночлег найти можно?

— Я же сказал, соседка сдает. Нам разгрузиться надо, потом домой пойду, ты со мной можешь. Познакомлю. Сашей меня зовут, если что, — он протянул руку с якорем.

— Сергей. Будем знакомы.

Вскоре колонна тронулась снова. Опять пятиэтажки, на этот раз жилые. Из окон трубы буржеек, стены закопчены, прямо у домов кучи угля. И городская жизнь уже видна, по грязным обочинам люди идут, телеги и машины едут. Почти все эти городки в средней полосе друг на друга похожи так, что и не отличишь. И жизнь везде одинаковая, ну, почти одинаковая. Вышний Волочек, что тут же, в Калининской области, он другой, такие тоже есть, но вот таких, как Торжок, все же большинство. Поездил, пришлось посмотреть. Сбиваются люди в уцелевшие места, огораживаются, принимают над собой власть, в надежде, что та их защитит и позволит выживать дальше хоть немного спокойней. И да, в основном получается. Я сам кусочек такой вот власти, пусть и отколотый уже, как щепка от бревна, поплывшая по течению куда несет.

— На Володарского едем, к самому рынку, — вдруг пояснил наш маршрут Саня. — У нас там гараж, мастрячим всякое. Если чё, можешь в гостиничку, у рынка есть, но там больше денег оставишь. В столовку сходи, пожуй чего-нибудь, а я подойду, и двинем дальше. Нормально так?

— Да нормально, — кивнул я. — Спасибо.

— Эти картошку везут, им как раз на базар. — Саша постучал по

мешкам. — Дай еще папироску, а?

Я повернулся к рюкзаку, вытащил из кармана пачку папирос, протянул ему.

— Держи.

— Да я куплю, не вопрос, просто сейчас нет. Одну дай.

— Как хочешь. — Я полез за портсигаром.

Сначала где-то высадили тетку с мужем, что с нами ехали, затем и колонна начала разъезжаться в разные стороны, а бронетранспортер так и вовсе сразу за КПП в сторону свернул, тут охранять никого не надо. Только «сто тридцатый» ехал следом, в нем как раз весь товар Саши и его коллег и лежал. Там в кабине еще трое сидели. Потом мы свернули к каким-то воротам, и голос водителя «газона» скомандовал:

— Санек! И пассажир! Вылезай, мы приехали.

— Давай, выходим, нам чуть дальше.

ЗИЛ и вправду объехал нас, расплескав колесами широкую мутную лужу, и покатил дальше. Я выбрался, Саша поочередно подал мне рюкзак, который я сразу накинуд на плечи, автомат, винтовочный чехол. Вот и все мое имущество, собственно говоря. Все, что от него осталось. Затем он и сам спрыгнул, с собой у него только рюкзачок небольшой да карабин. «Газон» сразу же фыркнул двигателем и поехал на рынок, в распахнутые дощатые ворота.

— Гля сюда, — Саша показал пальцем на двухэтажный барак из неизменного серого кирпича, на этот кирпич и похожий, — гостиничка это. А прямо за ней столовка. Там нормально, могут и налить, если чего. А как разгрузимся, так я за тобой и зайду. Лады? — протянул он руку.

— Лады, Саш, спасибо.

Луж было немного, почва тут больше песчаная, так что потопал я по обочине дальше. У входа в гостиницу две машины стоят — уазик и белая «копейка». За гостиницей потянулся полузаваленный деревянный забор, который уперся в еще один двухэтажный барак, на этот раз деревянный. И над крыльцом того обнаружилась вывеска «Столовая». Поднявшись на гулкое деревянное крыльцо, я потянул обитую дверь на тугой пружине, зашел внутрь.

Раньше место столовой точно не было, но вот мебель в нем столовая точно. Стулья трубчатые с крашенными фанерными сиденьями и спинками, столешницы из покрытой пластиком ДСП с обгрызенными краями. Столов с десяток, занято сейчас только два. За одним два мужика в гражданском, но с красными повязками «милиция» на рукавах, обедают с компотом, за другим столом поддатая компания, два мужика и женщина, у тех еще и

водки бутылка стоит. Кухня отгорожена стойкой-доской, оттуда варевом пахнет, тут же есть захотелось. Но за стойкой никого.

— Покушать или так зашел? — из двери сбоку вышел тучный немолодой мужик в белом переднике, вытирающий руки полотенцем.

— Поел бы, — улыбнулся я ему. — Чем покормишь?

— Суп куриный есть, с лапшой. Пшенка с мясом. Картошки пожарить можно, тоже с мясом. Компот сегодня сливовый, ну и просто налить могу. Ты садись давай.

Я прикинул, куда лучше сесть, выбрал угол слева от входа. В этот самый угол и имущество свое могу сложить, чтобы не мешало никому и под ногами не валялось.

— Давай тогда суп и картошку. И компот. И сто грамм налей, пожалуй.

На столе даже пепельница обнаружилась, глиняная поделка в виде утки. Как ребенок делал. Может, и вправду ребенок, кабатчика, например. Я свалил с себя тяжелый рюкзак, поставил стоймя винтовку в чехле, на рюкзак автомат пристроил. Расстегнулся, стащил с головы брезентовую панаму. Доехал куда-то. Точнее, доехал куда хотел, просто не знаю — туда ли я хотел и куда мне на самом деле нужно. Милиционеры покосились на меня, один, молодой и белобрысый, чуть дольше взгляд задержал, но вскоре потерял интерес. Я закурил в очередной раз, выпустив дым в потолок.

Да, если Саша не обманет, попутчик мой нечаянный, то я лучше комнату в частном секторе сниму. Не знаю, насколько я тут задержусь, но пока какая-то база нужна. Начинать откуда-то требуется. А дальше видно будет, я не загадываю. Может, мне и вообще на край света ехать придется, хоть и сомневаюсь. Не ездят те, кто мне нужен, так далеко. Да и вообще люди теперь далеко не ездят, вон как патрульный поразился, когда документы мои проверял. А до этого всего разве расстояние было? Да так, ерунда, а тут сколько добирался. Незачем далеко ездить, нет никакого смысла. Никому смысла нет.

Неожиданно блондин с повязкой поднялся из-за стола, подошел ко мне, остановился у стола. Одет в штормовку, сейчас половина мужиков в них ходит, под ней офицерский ремень с кобурой вижу.

— Милиция, — вроде как представился он. — Пистолет у тебя вижу. Предъяви к осмотру.

Вот оно что. Я аккуратно достал ТТ из оперативки, показал отсутствующий магазин, оттянул затвор, демонстрируя пустой патронник. Тот вроде разочаровался немного, кивнул. «Штрафа» захотелось, похоже. Когда он было направился к своему столу, я спросил:

— Товарищ сотрудник, вопрос позволите?
— Чего? — обернулся он.
— Райотдел где находится, не подскажете?
— На Девятого января, дом три. Рядом со сберкассой, — ответил он.
— А что?

— Да ничего, зайти мне к вам нужно.
— Заходи, — пожал он плечами.

Ждать пришлось недолго, кабатчик с супом пришел через пару минут, я едва затушить окурок успел. Выставил передо мной тарелку, сняв с подноса, затем блюдец с четырьмя кусками черного хлеба, рядом расположил граненый стакан, до половины налитый, и, к удивлению моему, там же появилось блюдо с нарезанным соленым огурцом и таким же зеленым мятым помидором.

— О, спасибо, — обрадовался я.
— Картошку жарим, чуть позже будет.
— Хорошо.

Дождь так и продолжал моросить за окном. Серый бревенчатый дом напротив, серый забор. Через открытую калитку видно, как тетка в военной плащ-палатке несет дрова из поленницы, а в окне сидит рыжий кот и за ней наблюдает. По улице проехал грузовик, оставив след сизого солярного дыма. А вот зелень за серым забором прет сочная, яркая, перебивает тоскливую картину, словно старается показать, что не весь этот мир умер.

Наколов на гнутую алюминиевую вилку кусок огурца, я глотнул из стакана, поморщился от теплой водки, но проглотил, закусил. Взялся за суп, вполне себе съедобный. Когда покончил с ним, кабатчик принес картошку со свининой. Тоже неплохо, и пожарена на совесть, с луком, и мяса пусть и немного, но тоже хватает. К гарниру еще один мятый соленый огурец, прямо роскошь.

Я успел доесть и не только водку, но и чай допить, когда с улицы послышался звук подъехавшей машины, и тут же в столовую вошел Саша. Он огляделся, приметив меня, по ходу поздоровался за руку с кабатчиком, потом кивнул ментам. На пьяную компанию внимания не обратил, ну а те его никак не отметили. Подсел напротив.

— Как покормили?
— Хорошо, — кивнул я. — Будешь что-нибудь?
— Нет, я уже дома покушаю. Пойдем тогда, покажу тебе все.
Я подошел к стойке, спросил:
— Сколько с меня?
— Рубль десять, — сразу ответил толстяк.

Пошарив в кармане, я выудил несколько монет на ладонь, отсчитал, отдал ему без сдачи.

— Спасибо.

— На здоровье, заходи еще.

— Зайду.

Подхватив все свои вещи, вышел следом за Сашей на улицу. Прямо у входа в столовку стоял бежевый пикапчик «москвич». Перехватив мой вопросительный взгляд, Саша сказал:

— Садись, прокачу. Барахло в багажник кинь, брезентом накроем.

У него там и вправду нашелся рулон палаточного брезента, которым он аккуратно накрыл мое имущество. В кабине машины пахло машинным маслом и застарелым куревом, папиросные окурки ежом торчали из перекошенной и переполненной пепельницы. Саша заодно и закурил. Затем повернул ключ, «пирожок» зафырчал и поехал.

— Широко живешь, — я постучал по панели.

— Так что за механик без машины? — удивился он. — Да есть машины в городе, просто мало кому нужны. Бензин дорогой, от легковушек пользы мало, грузовики нужны всем. Или трактора. Нужна машина — враз найду, только скажи.

— Бензин откуда у вас?

— Из торфа гонят, и бензин, и соляру. Торфа у нас тут до следующей войны точно хватит.

— От радиации не загнетесь?

— Тут чисто, даже болота чистые. Не достало, только на Калинин и упало, на выезде на Москву. Вот там да, говорят, еще и химии всякой разбросано до хрена. Чисто тут, чисто, — повторил он.

Ехали совсем недолго, минуты три, наверное. Пара старых купеческих особняков с осыпавшейся желтой штукатуркой, «немецкая» четырехэтажка, из тех, что строили пленные, пара довольно новых панелек, затем частный сектор пошел. Даже не сворачивали никуда, так на Белинского и выехали. У крашеного «половой» бурой краской дома с четырьмя окнами на улицу Саша остановился.

— Приехали, — объявил он. — Сюда нам. А я вон там живу, — он показал на дом прямо напротив, ухоженный и даже с кирпичной пристройкой. — Домов много, если бы ты остался, то тут рядом несколько есть. Почини и живи.

— А много народу в городе?

— Тысяч пятнадцать.

— Много, столица, считай, — удивился я. — А раньше жило?

— Тысяч сорок жило. На Пятый Год вымерло много. Ну и всякое. Пошли.

Он толкнул калитку, зашел во двор, я следом.

Крыльцо чуть покосилось, но дом выглядел вполне добротно. Саша постучал в дверь, за которой почти сразу послышались шаркающие шаги. Слышно было, как откинулся крючок, а затем я увидел невысокую худую женщину в бабьем платке. Рука, которой она придерживала дверь, сплошь была покрыта старыми ожоговыми струпьями, левый глаз закрывала катаракта.

— Сергеевна, здравствуй. Возьмешь постояльца?

Женщина посмотрела на меня оценивающе, затем спросила:

— Надолго?

— На недельку пока, наверное.

— По два рубля в день возьму, если на неделю, — ответила она сразу.

Сколько ей лет? Сорок? Пятьдесят? Шестьдесят?

— Наталь Сергеевна, побойся бога, — засмеялся Саша. — Не дорого?

— Я согласен, — прервал я попытку торга. — Комнату посмотреть можно?

— Обувь снимайте, — кивнула та, пропуская нас внутрь.

Я стащил сапоги, разматал портянки, оставшись босиком на крашеном полу. Сергеевна провела меня через дом в маленькую комнату, где я увидел железную кровать с панцирной сеткой, стол со стулом у окна и старый поцарапанный шкаф. Над кроватью коврик с оленями, на столе керосинка. На стене умывальник с раковиной, под ней ведро. Под гостей комната, значит.

— Хорошо, мне нравится, — кивнул я. — За неделю заплатить?

— Давай за неделю, если можешь, — ответила она. — И заселяйся.

— Курить тут можно?

— Окно открывай и кури. Только чтобы в доме дышать можно было. И пепел на пол не тряс. По ночам не орешь? — спросила она пристрасно.

— Нет, даже не храплю. — Я полез за кошельком, выудил из него две монеты по пять рублей и две по два. — Пожалуйста, вот, — передал я ей деньги.

— Ну вот, заходи и живи. Кота моего не обижай.

— А где кот?

— Гуляет Васька мой, где он еще быть может, ирод, — она неожиданно светло улыбнулась. — Живи на здоровье, в общем. Завтра я работаю до вечера, а так через день кормить могу, если хочешь.

— Спасибо, подумаю. Не воруют у вас? По домам не лазят?

— Нет, таких давно расстреляли, — ответила она по-простому. — Тихо в городе, разве что мужики по пьяни подерутся, но им положено так. Не бойся за вещи, ничего не случится.

Хозяйка быстро застелила мне свежую постель и вышла. На огород пошла, как я через окно увидел. А сам начал вещи разбирать. Поставил в шкаф винтовку в чехле, туда же автомат пристроил. Вещи из рюкзака вытащил и на полки разложил. Пару книг, что взял с собой, на стол выложил. Пусть вроде как дом тут пока будет. Вторую пару сапог к дверям выставлю, а тут босиком. На полу дорожка, по ней пройти приятно. Сел на скрипнувший стул, вытянул ноги, снял очки, чуть надавившие переносицу. Сменить? У меня с собой еще одни есть, совсем целые, а на этих одна дужка на эпоксидке, не складывается уже. Нет, эти пока поношу, те в резерве останутся, последние. Пока других не найду себе, в этих ходить буду, они легче. А та оправа неудобная что-то совсем.

Плечо разнылось, надо на ночь намазать. И вот баньку бы еще найти, тут во дворе не вижу. У нас была. В городскую идти придется, наверное. Ладно, покуда схожу в милицию местную, дело у меня там.

На выходе из дома столкнулся с хозяйкой, с ведром возвращавшейся с огорода.

— Наталья Сергеевна, а как мне на Девятого Января попасть отсюда?

— Да вот так и иди прямо, пока не упрешься, — она показала рукой. — Справа сберкасса будет, слева милиция и старый собес. Не заблудишься.

— Спасибо.

— Ты ключ возьми, — засуетилась она, зашарив по карманам ватника. — А то поздно придешь, и я спать буду. Или уйду куда, если рано.

— Спасибо, — повторил я. — Не думаю, что поздно, пораньше вернусь. А баня в городе есть?

— Это на Садовую тебе надо, на тот берег. А что с Сашкой не договоришься?

— С Сашкой? — немного озадачился я.

— Ну да. У него баня своя, во дворе. Пошли, позову его.

Не дожидаясь продолжения, она решительно направилась на улицу. Во двор соседский заходить не стала, забарабанила в окно, в которое почти сразу выглянула пухловатая круглолицая женщина с волосами, убранными в пучок.

— Лид, Сашка дома?

— Позову сейчас. Здрасти, — это она уже мне кивнула.

Звать не пришлось, Саша тут же выглянул в окно.

— Сань, друга своего в банюпустишь? — Сергеевна долгих вступлений не любила. — А то он на Садовую собрался.

— Да без вопросов, заходи попозже. — Саша, похоже, даже обрадовался. — У меня и выпить найдется, и закусочка. Посидим.

Женщина чуть вздохнула, но ни слова не сказала.

— Да неудобно, я в городскую схожу, — удалось, наконец, и мне вставить слово. — Отдыхай, ты с дороги.

— Так вот и отдохнем! — Он даже руки потер. — Сколько сейчас?

— Полчетвертого, — глянул я на свою «Победу».

— К семи подгребай, самое время. Протоплю как раз.

— Спасибо, коли так.

Вот ты глянь, как я друга себе нашел, а всего-то по дороге папиросами снабжал. Но так спасибо, конечно. Надо будет тогда на базар заглянуть, купить что-нибудь, чтобы не с пустыми руками. В общем, зашагал к центру. Подумал, что надо было бы ТТ в комнате оставить, но привык к нему, без оружия как без штанов. Пусть хоть так без патронов висит под курткой, три магазина в подсумке на другом боку. Не нарушаю ничего.

Дождик вроде прекращаться начал, еле срывался, да и хмурое небо светлеть начало понемногу. Навстречу дети попались, мальчик и девочка, лет по восемь обоим, с ранцами за спиной. Из школы идут, болтают о чем-то, со мной поздоровались, ну а я с ними. Проехала телега, которой правил дядек в брезентовом пыльнике, груженная чем-то в мешках, потом меня «нива» обогнала, чуть притормозив у лужи, чтобы не обрызгать. За рулем женщину разглядел, скуластую, крупную, с почти мужским лицом и папиросой в зубах. Почему-то сразу решил, что какое-то начальство городское.

Возле панелек народу на улице прибавилось. Компания детей разного возраста что-то у лужи делает, две бабки судачат, на углу в контейнер торф в брикетах с самосвала разгружают. Длинный пустовавший двухэтажный особняк, который я поначалу было принял за школу, оказался библиотекой для слепых, табличка так и висела у входной двери, забитой досками. Затем какое-то учреждение с проходной, воротами и гаражом, на территории несколько машин. Знакомого вида двухэтажный барак, над входом вывеска «Магазин». Что за магазин? Да бог его знает. Местные в курсе — и достаточно. Вполне ухоженный и с виду обжитой двухэтажный дом — наверняка какое-то местное начальство живет, или кто там еще. И тут же по дороге попала пара больших особняков, но таких запущенных, что сразу ясно — их еще с революции никто не ремонтировал. Пустуют, понятное дело. Жилья и прочего в городе куда больше, чем людей, вот и не возится

никто с такими.

Дальше пошла широкая улица с самым настоящим парком, даже кованые решетки ограды на месте. По левую руку старые купеческие дома, вот они явно заселены. А у некоторых еще и машины стоят, все больше «Волги». Тоже начальство или богатеи местные? А в парке дети играют и даже женщина с коляской прогуливается, держа в руке книгу. Да, дождь совсем прошел.

У выхода на площадь среди деревьев торчал памятник Кирову, а вот уже за ним я увидел вывеску сберкассы, на ступеньках которой стояли две бабки в платках. А слева, в типичном двухэтажном особняке, как раз райотдел. Перед ним два милицейских «бобика» в раскраске, дальше два зеленых уазика. Кирпичное крыльцо, явно позже пристроенное, козырек над ним, справа от входа стенд, еще с тех времен, «Их разыскивает милиция». И там правда несколько объявлений. Завернул, посмотрел, покачал головой. Не то. Не те.

Дверь оказалась тяжелой, обитой планкой снаружи и дерматином изнутри. В дежурке пахло какой-то дезинфекцией, вроде как в больницах. За стойкой сидел немолодой дядька в военной форме, но с милицейскими погонами на ней. Это обычно, это везде так. Милицейская сносила давно, а военной на складах на триста лет запасено. И на рукаве повязка «дежурный».

— День добрый, — поздоровался я, подходя к стойке. — Мне бы или к начальнику вашему попасть, или в розыскной, если есть такой.

— Оперотдел у нас есть, — хмыкнул он. — А по какому вопросу?

— По розыскному, — усмехнулся я. — Из Вологодской области я приехал, ищем кое-кого, — объяснил я без подробностей.

— Начальник в отъезде, опера на месте, — вроде бы удовлетворился дежурный моим ответом. — Вон, туда по коридору, вторая дверь направо. Документики ваши только дайте.

Я полез за пакетом, на этот раз вытащив из него не паспорт, а удостоверение. Нормальное, настоящее удостоверение, на котором даже нигде не написано, что его владелец на самом деле и не служит уже нигде. С именем и фотографией, и печатью Грязовецкого райотдела.

— Начальник ОББ? — немного озадачился дежурный.

Вот уже и до этого дошли. Вроде официально все милиция, органы внутренних дел СССР, а по факту давно уже в местных шерифов превратились, и все бывшее однообразие в названиях кануло в Лету. Каждый по-своему свои дела ведет, каждый отделы по-своему называет.

— Бандитский отдел, — пришлось пояснить. — Которые за городской

чертой действуют.

— У нас вояки этим занимаются, — пожал плечами дежурный. — Разве опера иногда с ними. Пожалуйста, — он вернул мне удостоверение, — проходите.

— Спасибо.

Все равно ведь хоть на КПП, но проверит, пока я в кабинете буду, по глазам вижу. Ну и правильно, служба такая.

В коридоре было темновато, но все же дверь разглядел. Постучался и вошел, не дожидаясь ответа. Без всякого удивления обнаружил в привычно казенной обстановке из сдвинутых столов и сейфа в углу тех самых ментов, что видел сегодня в столовой. Они синхронно повернули головы, блондин спросил, на этот раз перейдя на «вы»:

— Вы по какому вопросу?

Тут я сразу удостоверение предъявил, затем спросил:

— Присяду?

— Берите стул, — второй опер, что постарше, с усами и ранней лысиной, показал на один из трех стульев у стены. — По какому к нам делу?

Из все того же пакета появилось два сложенных листка, которые я аккуратно расправил и выложил на стол.

— Вот этих ищу. Имен не знаю, наш художник рисовал. Вот это Корень, — я ткнул пальцем в портрет мужчины лет тридцати с бритой головой. — Приметы тут. Вот это Шига, — я выложил еще один портрет. Парня помоложе, с длинными волосами, выбивающимися из-под вязаной шапки-олимпийки. — С ними еще трое было, приметы неизвестны, по оперативным данным устойчивое преступное сообщество. Разыскиваются за убийства.

— Рост около ста восьмидесяти, сутулый, на пальцах татуировки-перстни, на лице множественные шрамы от прыщей... — быстро бормоча, начал читать блондин. — Так сразу не приходит ничего на ум. К нам тут близко давно никто не подходит, а в городе таких вывели, в Лихославле тоже тихо, но можно тамошний отдел запросить.

— Знаю, что уехали с колонной на Торжок из Данилова Ярославской области. Своей машины у них не было, поехали с попутным грузовиком, госномер одиннадцать — двадцать три, Казань — Астрахань — Ростов. Ваш грузовик?

— Может, и наш, глянем, все номера у нас есть. Только время займет, в городе машин четыре сотни.

— Могу сам поискать.

Блондин выдвинул ящик стола, достал оттуда журнал с наклейкой «Регистрация транспортных средств», подвинул ко мне. Да, теперь не так, как До Того, в каждой деревне своя регистрация. Зато найти проще.

— А если с вашей машиной ехали, могли раньше сойти?

— Могли. Но водитель на КПП сообщил бы. Если день примерно знать, то можно проверить. Но если бандиты, то ехали они в Вышний. А если в Вышний, то пошли на мотовоз и туда железкой.

— Мотовоз?

— У нас железка от Старицы до Вышнего Волочка целая. Раз в три дня мотовоз ходит с вагонами. Подождали бы здесь, посидели тихо, да и уехали. Если они у нас не в розыске, то что им.

— Машину нанять не могли?

— Без колонны? Сомневаюсь, туда никто не поедет. — Блондин почесал в затылке. — Железкой проще.

— Купить машину могли разве что, — добавил лысоватый. — Легковушек на продажу много, они дешевые. Только зачем?

— Машина у них была, «шишига», но у Грязовца осталась, спугнули их от нее. Грузовик забрали.

— Грузовик тут не купить, самим нужны.

— Могли и легковушку взять, в Вышнем их много, понтуются, — возразил блондин. — Так себе вероятность, но исключать нельзя. Иногда оттуда к нам специально за машинами приезжают.

— А где торгуют?

— Да на Энгельса, в военном городке, почти у платформы.

— Если я там похожу и вопросы позадаю — не удивятся?

— Удостоверение предъявляйте. Если кто борзеть начнет — дайте знать, сами подскочим.

Вместе походить не предложили, но хоть не уперлись, и на том спасибо. Сам потопчусь по городу.

— А ствол можете с патронами носить, — вдруг неожиданно добавил блондин. — Коллега все же. Дайте ваш временный. — И когда я передал ему квиточек временного пропуска, он вписал туда «с правом ношения оружия» и расписался «ст.о.у. Иванов С.М.». — У дежурного печатку тисните. Так проще будет. Хотя у нас тут тихо, — повторил он за остальными.

— Вывели громких?

— И вывели, и сами в Волочек съехали.

— А в окрестных городах ваша власть?

— Осташков, Лихославль, Старица, Селижарово, Кувшиново, села

вокруг, где люди есть, на восток до Святова озера — наше, да, наш район. Но не поедут они туда, точно говорю, смысла нет.

— Да я так, представление составляю. А в Ржеве что?

— А в Ржеве военного много было, прилетело туда, — ответил лысоватый, вздохнув. — Воздушный. Не сильно большой, но город все.

— Не светится?

— Нет. Пара пятен есть до сих пор, но они там обозначены. Так даже счетчик почти не трещит. Бологое тоже снесли, по узлу железнодорожному били, похоже. Там тоже все.

Я посмотрел на висящую на стене карту области, разрисованную пятнами разного цвета.

— А в Вышнем чисто, выходит?

— Ну да, как бы они там жили. За Калинином начинается в сторону Москвы совсем беда, лучше не соваться, а от Медного в эту сторону вполне жить можно.

— Понял, спасибо.

— Журнал тут посмотрите, или куда поспокойней вас отсадить?

— Могу здесь. Не мешаю?

— Да нет, еще и чаю дадим. Дим, за кипяточком сходишь? — спросил он у блондина.

— Твоя очередь вообще-то, — вздохнул тот. — Принесу сейчас.

Номер машины я нашел быстро. ЗиЛ-130, бортовой, частный, владелец Бутин Михаил Аркадьевич, домашний адрес — улица Пролетарская, 62. Переписал в блокнот, а блондин, который Иванов Эс Эм, объявления о розыске на подоконнике перефотографировал. Сказал, что себе в ориентировки добавят. На этом, воткнув магазин в ТТ, я пошел к дежурному, тот хлопнул на пропуск толкушку, и затем я вышел на улицу.

Конец рабочего дня, вон народ по домам идет, нет смысла сегодня свидетелей обходить. Поэтому подумал и направился на рынок, до него тут совсем рукой подать.

Рабочий день точно заканчивался, потому что на базарчикелюдно было. А так базар как базар, торговые ряды с навесами, сзади несколько маленьких магазинчиков и мастерских. Что до Этого Самого так все было, что так и после осталось. Покрутился, приценился к связке воблы, потому спросил у продавца:

— А пиво-то к вобле есть?

— Вон там возьми, — он показал на магазинчик «Продукты». — Только банку или канистру надо, у них в разлив только.

А, верно, вон два мужика идут, у каждого в руке по трехлитровке с янтарно-красноватой жидкостью.

— А где купить можно?

— Там же и купишь.

Ответ немного поразил, но я решил не реагировать.

— Тогда дай связочку. — Я вытащил из кармана брезентовую авоську, развернул.

— Рублик с тебя.

— Не грехи, полтинник цена самая высокая, — не повелся я.

— Да ты глянь, что за рыба!

— Рыба как рыба, больше полтинника не дам. Пересушена к тому же.

— Ладно, уговорил, — вздохнул мужик, опознавший во мне приезжего и решивший поправить дела за мой счет. — Пересушена она ему.

Закинув рыбу в сумку, направился в магазин. То, что там торговали пивом, по запаху чувствовалось. Но с виду пиво вроде ничего было. На бочке, из которой разливали, имелась надпись белилами «Пиво ржаное». Ну да, а каким еще ему тут быть? А так магазин как магазин. Колбаса какая-то, мясо на прилавке, домашний сыр, что-то еще. Соленья в бочках, ими тоже пахнет, даже не знаешь, чем сильнее — ими или пивом. На полке водка и еще что-то в пивных бутылках с сургучом, папиросы и табак в пачках.

— Баночка найдется? — спросил я у грузной тетки в грязноватом белом халате, как раз закончившей отрезать кило колбасы девчонке-подростку.

— Банка рубль, — тетка посмотрела на меня выжидающе.

— А закрыть будет чем?

— Крышка тридцать копеек.

— Ну вот налейте мне банку под крышку как раз, — я ей улыбнулся, но тетка оставалась мрачной.

Впрочем, пива она налила, дала отстояться и еще долила. Требуйте долива после отстоя пены, все правильно. Вытащила из какой-то коробки пожелтевшую полиэтиленовую крышку, положила рядом, предоставив возможность запечатать банку самостоятельно. Банка пошла в ту же сумку. Рыба бы не намокла вот так рядом лежать.

— И папирос пять пачек дайте, пожалуйста. Еще полбуханки хлеба и колбасы копченой колечко. И вареной грамм двести.

Она так же молча выложила папиросы, отрезала хлеб, кинула колбасу, ту и другую, потом, к удивлению моему, завернула все в толстую бумагу, пощелкала костяшками на счетах и сказала:

— Шесть восемьдесят.

— Пожалуйста, — вложил пятирублевку и досыпал мелочи.

Хоть не с пустыми руками теперь. Подумав, достал банку из сумки и решил нести в руках. Тут недалеко и недолго, ничего с ней не сделается. Потом прошелся по рядам, хотел купить уже там соленых огурцов, да сложить не во что, потекут. За покупками люди со своей тарой ходят, у кого какая есть. Тут хоть в магазинах бумага была, а так ведь все, бумага в дефиците. Если и есть какая газета местная, так ее никто не выбрасывает, идет на растопку да в уборную. Заворачивать в нее что-то — уже роскошь. Историю слышал, как с какого-то склада туалетной бумаги вывезли несколько машин. И не проверили, а та пыли набрала, светится. Вот и наподтирались ею люди на свою голову. Не голову, если точнее. А вот тут гля, заворачивают. Роскошь, цивилизация. Надо было еще листочек попросить, для воблы, тогда и банку тащить в руках не нужно было бы.

До бани долго еще, но все равно к дому пойду. Там посижу, расслаблюсь. В последний момент, спохватившись, вернулся в магазин и «чебурашку» водки купил. Пусть будет. Мне она нужна иногда. А про бумагу опять забыл.

Все же что-то с плечом делать нужно. Пока шел, банку с руки на руку перекидывал, так вот в левой и минуту нести трудно. И не только плечо, вся рука болит. Плохо это, некстати. Хотя удивляться чему? Пятьдесят два. Даже раньше возрастом уже считалось, а вот теперь, после всего и при такой жизни... Надо физкультуру какую-нибудь попробовать, может быть, разрабатается или что. А то как вообще откажет? У меня еще дел много, а насколько они затянутся...

Сергеевны дома не было, ушла куда-то. Зато на поленнице сидел полосатый кот с таким видом, будто он во всем городе главный. Здоровый кот, прямо зверюга.

— Чего уставился? — спросил я, отпирая замок. — Живу я здесь теперь. Соседи будем.

Ваське, если это именно он, было все равно, похоже. Солидный, важный, небось или мышей наловил, или соседским котам навалял.

— Сейчас выйду к тебе, Василий, дело есть, — сказал я ему.

Стянув сапоги ногами, сбросил их за дверь, прошел в комнату. Банку сразу на стол, пусть стоит, водку же в шкаф убрал, туда же папиросы. Колбасу с хлебом не знаю куда... на кухню? Ладно, потом Сергеевна

скажет, пока в сумке все полежит. Открыл окошко, придвинул стул. Пепельницы нет, куда трясти-то? А, нет, ты глянь, на умывальнике стоит, причем именно пепельница, да еще и хрустальная, из дорогих. Не было, когда уходил, хозяйка позаботилась, дай Бог ей здоровья.

Так, сперва дело. Развернул колбасу вареную, отрезал ножом толстый кружок, порубил его на кубики. Потом вынес все во двор и коту под нос сунул. Тот не отказался, тут же трескать взялся так, что за ушами затрещало. А я обратно вернулся, чтобы не мешать.

Сел к окну, закурил. Не курил ведь до Этого Самого, и потом несколько лет держался, здоровье берег, а дальше... оно как бы и не до здоровья стало, что ли. Может, сейчас бросить? По утрам кашляю, ни к черту не годится, а вот сейчас здоровье нужно как раз, дело у меня. Нет, не смогу.

Взял книгу, раскрыл на заложенной странице. Вроде и все время читаю, и никак не могу отделаться от странного ощущения — как будто сказки, все, что в книгах написано. Про другую жизнь, которой нет и никогда не будет. У меня вот мемуары военные в руках, так и войн таких не будет больше. То, что случилось с нами, и войной не назовешь, в один день все закончилось, или началось, тут каждый по-своему считает. Но воевать стало некому и не с кем. Нет, народ после Этого Самого озверел и одичал, смерть не то что обыденностью стала, а чем-то таким, без чего и жизни нет. И люди теперь поделились на людей, не очень людей и вовсе нелюдей, потому что выжили все по-разному. Кто по совести, а кто и людоедом натуральным. И нет такой сильной власти, чтобы могла всех в узде держать.

Власть вроде и есть, от нее вот у меня деньги в кармане, но только не видно ее особо на самом деле. Городами люди живут, районами, каждый сам по себе. Нет у власти сил, чтобы всех к единому знаменателю привести. Страна велика, пути долгие, силы малые. Без власти бы Пятый Год и вовсе мало кто пережил, она спасла, открыв хранилища Госрезерва, а кому-то и мобсклады, но дальше-то что? Сказали спасибо ей, но нет у власти возможности такую территорию под контролем держать. Так, радиogramмы идут, кто-то какие-то планы спускать пытается, им даже в ответ поставки из районов вроде как в счет плана какого-то идут, да и все. В обратную сторону кормим теперь, получается. Ну, еще колонны Центроснаба ходят, перекидывают разное нужное из тех мест, где это делают, в те места, где не хватает. В нормальных городах власти и рады были бы, да нечем ей себя проявлять. Может, координируют людей как-то. Тут нацелят хоть какую-то медицину производить, без нее и вовсе беда

была бы, от эпидемий бы передохли, тут еще что-то, но... понятно все, в общем. Вроде Деда Мороза, который раз в год с подарком заглянет.

Поначалу власть центральная заметней была. Видели их везде и часто. Но потом... потом все в упадок пришло, и они тоже. Ресурсы техники, запасы топлива, не поездишь уже так на бэтэрах по областям, «броня» долго не бегают, капиталки хочет. А как все это у них закончилось, так и сил особых не стало. Живут где-то сами своими районами, а в чужие не очень и суются. Хотя им даже рады, это как символ теперь, знак того, что мы еще вместе.

Ведь те люди, что к нормальной жизни стремились, пытались создавать хотя бы иллюзию существования в едином обществе. Пусть большинство из них и за десять верст от своего городишки не отъезжало никогда, но осознавать все же, что ты часть чего-то большого... для них это важно. Поэтому у районных «войск» или ополчений оставались военные уставы, милиция пыталась тоже прикидываться «органами», а не шерифами, и так далее. Но в реальности районы соединялись разве что торговыми путями, потому что именно без торговли, как очень быстро выяснилось, жить не получится. Даже табак вот в этой папиресе, что я сейчас курю, привозной с юга. По Волге ехал баржой или чем там, от самой Астрахани вроде. И вот торговцы, которых уже начали величать купцами, и стали и главной связью, и новыми богатыми. Власти не могли и не умели организовать все сами, а кто оборотистый был, тот сумел. Приволок грузовик или теплоходик где-то нашел, прикинул, чего где не хватает, и рискнул, и повез, и вот он уже в этом Торжке купеческий особнячок освоил, но зато в город и табак привезли, и фрукты, и запчасти оттуда, где они есть, и все остальное.

Легковушки тут дешевые, говорят. Они и у нас дешевые были. Вот уазик свой дорого продал, чтобы на дело мое деньги были, и вообще все, что у меня было, продал, потому что не держит больше ничего меня на месте, а надо мне ехать, и не знаю как далеко, но вот как можно мне привязанным к железке и колоннам быть? Посмотреть хотя бы нужно.

Стащил с себя пояс с тайными кошельками, открыл, просмотрел пачки купюр. Больше трех тысяч есть у меня, вроде и много, но только на первый взгляд. Тут отдашь, там оставишь, и текут, текут деньги. Вытащил пятерку, посмотрел. Почти как в старые времена, даже картинка та же, но другая все же, не перепутаешь. Не синенькая, а красная. Помню, долго мучился вопросом о том, где же такие качественные деньги печатают, а потом рассказал заезжий человек из «центральной власти» о том, что деньги были напечатаны заранее, на всякий случай. Даже об этом думали до того, как

все случилось. Понимали, что как разнесет все в щепки, многие доберутся до всяких мест, где деньги до потолка навалены. Только думали о многом, а результат... да вот он, результат, вокруг меня. Ну хоть деньги сделали такие, что и не подделаешь. Ну и да, за Пятый Год спасибо, выжили.

Спохватившись, собрал к бане свежее белье и два полотенца. Из старых полотенца, китайские махровые, набрал один знакомец на целый магазин, поделился. Даже не потрепанные совсем, теперь это тоже дефицит. С тканями плохо, со всем плохо, если честно. Гигантские вещевые склады военных, разбросанные по всей стране, только и спасают. По ним не били, нет в этом никакого смысла, вот и уцелели в большинстве своем. Все армейское имущество уцелело почти что, потому как войны и не было, был просто конец света. Били по командным пунктам друг друга, били по военным базам и пусковым установкам, били по союзникам врага, добились того, что мир если и не в труху, то на карачках еле ползает, а вот склады все остались. Не дошли до них руки, да и на кой черт они кому нужны. У нас вон люди съездили проверить арсенал ГРАУ, вдруг уцелел, а он и правда целый, потому что рядом никаких стратегических объектов. И нашли там только пулеметов больше десяти тысяч. Не новых, с ремонта, мобрезерв, но сама цифра... Из другого склада патроны вывозили несколько дней грузовиками, а патронов там всяких... еще с Великой Отечественной лежат. И ТТ мой оттуда же, он вообще тридцать четвертого года выпуска, и патронов к нему там хранилось невероятно много.

В соседскую калитку зашел ровно в семь, с узелком со свежим бельем, банкой пива и связкой воблы в руках. Саша, одетый сейчас только в старые солдатские бриджи и майку, стоял на пороге бани.

— Пришел? Проходи, — махнул он рукой. — Ты гля, и пивка взял. А у меня водочка. Одно с другим... да ладно, все полезно, что в рот полезло.

В предбаннике пахло запаренным веником. Я сложил добро на стол и лавку, приготовил полотенца, а у Саши еще и простыни нашлись, вообще роскошь. Баньку саму просторной назвать было сложно, но нам места хватало, и пар она держала хорошо. Саня же обнаружил на себе еще немало татуировок, тоже сплошь морской тематики.

— По молодости, дурак был. На Балтике служил, вот и набил партаков, — объяснил он со смехом. — А бляху с якорем так и посеячас ношу.

— Это тебе на Балтике прилетело? — я показал на явный след сквозного пулевого на правом боку.

— Не, это уже потом, семь лет назад. На колонну напали. Так отбились, но меня уже еле живым привезли. Я тогда в Кувшиново жил, родом оттуда.

— А как сюда перебрался?

— Женился сюда, к жене переехал. А потом с мужиками гараж открыл, вроде как деньги появились. Живу, нормально все. Я и в Кувшиново в гараже работал, на бумажной фабрике.

— Это оттуда бумага здесь?

— Оттуда. Там фабрика старая, оборудование от царя-батюшки еще, вот и работает до сих пор. Из торфа. Тут у нас все из торфа. Торфом топим, из торфа бензин, из торфа бумага, только жрать его еще не начали. Я все, упарился, пошли по чуть-чуть примем.

— И то, — согласился я. Пару поддали неслабо, потом еще зайдем.

На столе стояла уже открытая «чебурашка», в алюминиевой миске навалом соленья, хорошо, что покупать не стал, хлеб порезан и кралька колбасы копченой, пахнувшей чесноком. Саша быстро разлил по половине стопки, придвинул одну ко мне, сказал:

— Ну давай, за знакомство.

Я взял очки со стола, надел. Затем чокнулись, выпили, захрустели огурчиками. Саша быстро разрезал колбасу на толстые куски, положил пару на хлеб, откусил, кивнул:

— Ты угощайся. Заодно и ужин.

— Спасибо, — не стал ломаться я. — Расскажи про Вышний. Что там у вас за дела творятся?

— Они сами по себе просто. На районную власть болт поклали. Но мы к ним не лезем, ну и они... хотя, как сказать. Там бандитов много, есть вообще беспредельные. По воровским понятиям город живет.

— И до войны не дошло?

— Тут, видишь, какое дело... — Он пригладил мокрые волосы. — Так они где живут — не гадят. Только если совсем беспредельщики. Но с такими их старшие тоже разбираются. Если и ходят грабить, то далеко. А так город как город, торгуем, даже железка к ним идет. От нас торф берут, бензин, от них лес, рыба. Вобла вот точно от них, — он пихнул пальцем связку. — Они ее там вообще разводят, в Тверце много не наловишь. Доска оттуда идет, там лесопилки две работают. Много чего.

— А что говорят, что туда поодиночке никто не ездит?

— Это на машине если, отнять могут. Я точно не поеду. «Зеленые» все

больше вокруг по деревням живут, чтобы не нарываться, так вот на них самих и нарвешься. Лес большой, и не найдут. А машина уйдет и с концами.

— А поездом?

— Поезд прямо дотуда, там спокойно более или менее. Народ отсюда ездит, ничего.

— А что за «зеленые»?

— Да погнали так самых диких, кто в деревнях прячется. Не знаю, откуда пришло. С революции еще, говорят. Давай еще? Между первой и второй перерывчик небольшой, сам понимаешь.

— Ну давай.

Наливал он понемногу, не напиться, а растянуть бутылку хотел, так что не страшно. Опять подняли, чокнулись.

— Ты говорил, что тут легковушки дешевые. Почему будут?

— Да что почему. Натащили их много, целая стоянка. Со всего района вывозили, даже из Калинина. Грузовики берут, но как удержишься? Легковушку на жесткую сцепку и сюда. И вот те результат: грузовики в дефиците, а легковые стоят. Машина нужна, что ли?

— Да взял бы что-то, если совсем недорого.

— Тебе где кататься? Ну, я в смысле — по городу или как?

— «Или как» хотелось бы.

Вот прямо сейчас у меня подозрение возникло на то, что те, кто мне нужен, как раз «зеленые» и есть. Пешком по таким делам не находишься. Я знаю, я за такими десять лет гонялся, сперва опером, затем начальником.

— А ты откуда сам? — спросил Саша.

— Калининский я, что интересно. Военный. Служил в Теплом Стане, в мотострелковой бригаде, перевели из Афгана за год до Этого Самого. Когда шарахнуло, были в отпуске с семьей, у родителей жены, за Рязанью. Никуда не успел, да и вызвать тоже не успели. Хотели сперва в Калинин, но ни через Москву, ни мимо ее никак. И Рязань снесли. Поехали вокруг, да не доехали, в Вологодской области сослуживца встретил неожиданно, тот из Грязовца. Вот он к себе и затащил, там осели. В Калинин смысла не было, все одно не жилой.

— На Калинин две упали. Наземный был на пятьсот тринадцатом и воздушный над Мигалово, над аэродромом рванул. — Саша чуть помолчал. — Мы ездили туда, вывезли очень много. Карабин мой как раз из Мигалово. А так вымер город. Кто разбежался, а так погибли больше. Туда и сейчас заезжать страшно. И за Волгу лучше не лезть, хоть новый мост цел остался, там и радиация до сих пор, и химия местами какая-то, говорят.

А у Мигалово чисто почти везде. Семья жива?

— Нет, погибли. Все погибли.

Я подробности рассказывать не стал, а он спрашивать постеснялся, хоть и понял, что пережили они удар. И хорошо, что постеснялся, спасибо. Не хочу я об этом ни с кем.

— А что-то для проселков найти можно все же?

— Можно. Знаю одну. Но за нее заломят штуки полторы, не меньше. Хочешь, покажу завтра.

Три у меня есть. Половину за машину? А с другой стороны, что мне с этих денег? Проживу как-нибудь.

— Что за машина хоть?

— Луазик, — он усмехнулся. — Зверь машина. Не вру, серьезно, народ не втыкает просто. И жрет немного, это тебе не «козел». Движок запоровский, подвеска железная.

— Ломаются там движки, я слышал.

— И на коленке чинятся. И запасные есть у нас, поснимали. Так «запоры» вообще не берут. Кому понтоваться, то смеяться будут, кому для дела, так на фиг не нужен. А этот ездил мало, побегает пока.

— Ну, покажи завтра. Попарюсь еще, с веничком.

— Давай. А я тебя тогда подниму, как на работу соберусь, в восемь. Годится?

— У меня будильник есть, встану. Ты бибикни просто.

— А у меня бибика сломана, — засмеялся он. — Свистну.

Напарился, опьянел малость, потому что мы и водку выпили, и пиво до капли. Пошел к себе в чистом. Вечер прохладный, но после баньки хорошо даже, приятно. Я на крыльцо вышел, а ко мне Васька подсел.

— Не куришь? — спросил я его. — Ну и правильно, здоровье дороже. А я покурю, — и полез за портсигаром.

Тихо вокруг, только собаки где-то брешут. Небо уже в закат раскрасилось, тучи разошлись, дождем не пахнет даже. И ветра нет почти. Так вот смотришь и кажется, что вроде как даже нормальная жизнь кругом, и не было ничего, а все приснилось. И теперь ты проснулся, и дальше все будет хорошо. А про то, что ничего нормального не будет, думать не хочется.

— Это тебе, Василий, хорошо, — сказал я коту, выпустив дым в небо. — Как были тут все дворы твои, так и дальше будут. Статус-кво. Ладно, пойду я спать, что ли.

Хозяйка уже точно спит, в ее комнатку дверь закрыта, да и тихо в доме

все время. Прошел к себе, закрылся. Подумав, достал бутылку водки, сдернул пробку, и просто приложился к горлышку на несколько глотков. Отломил от так и лежащей на столе колбасы кусок, зажевал. Может, так уснуть получится. Потому что как лягу, так все сразу и вспоминается. И как днем ни пытаешься жить, а к ночи все кошмары возвращаются. Не сны, настоящие кошмары, реальные.

Маленький походный будильник разбудил меня в восемь. Не открыв еще глаз, нащупал очки на полу у кровати, надел, потом оттуда же взял ковшик с водой, что с вечера приготовил, приложился, чуть не весь выпив разом. Поднялся, надел офицерские галифе, пошлепал на кухню горячей воды попросить. Сергеевны дома не оказалось уже, но к радости своей я на плите нашел кастрюлю если не с кипятком, то с еще вполне теплой водой. Набрав в тот же ковшик, вернулся к себе в комнату, достал из шкафа коробку с зубным порошком, щетку, мыло с помазком и бритву. Намылил физиономию, глядя в маленькое помутненное зеркало, попробовал бритву. Можно еще бриться, хоть и дерет уже, но лезвий мало в запасе осталось, так что лучше потерпеть. Черт бы побрал эту «Неву», тупится почти сразу. Машинки вот я видел для заточки безопасных бритв, хвалит народ, но редкость. Найти бы такую.

После бритья одеколоном побрызгался, «Шипром», тем еще, со старых времен. Кожу защипало, но как-то легче стало, а то после такого бритья вся она огнем горит. Постричься надо бы, поищу парикмахерскую.

Когда Саша свистнул за воротами, я был уже одет и готов. И даже Ваське вареную колбасу дорезал и честно отдал. Едва я сел, «пирожок» тронулся с места.

— Поехали, сразу покажу машину, посмотришь.

— К платформе?

— Не, она в другом месте. Мужик из мародерской бригады, он ее себе взял, да поранился до гангрены, правую ногу отняли, водить теперь не сможет. Как раз продать решил, а тут ты. Так бы хрена она застоялась, забрали бы уже. На Демьяна Бедного поедem.

А, теперь понятней становится. Так я тоже удивился, что машина для бездорожья задержаться могла. Там, в Грязовце, такая же картина, легковушек вокруг много, да не нужны. Свой уазик я сам в рейде нашел, в гараже заброшенном, так потом и ездил, и то начальство несколько раз намекало, чтобы я его городу продал, но я упирался. Ссылался на то, что я на нем только по службе и гоняю на самом деле. Но бензин с города брал исправно.

— Не продал он ее еще?

— Не должен. Посмотрим.

Саша провез меня уже знакомой дорогой, но рядом с райотделом

свернул правей. Проехали длинное старинное здание торговых рядов с вывеской «Универсам центральный», следом второе, уже двухэтажное, но закрытое.

— Универсам работает, что ли?

— Ага, мародеры снабжают. Там все подряд. Если мелочь какая нужна, то тебе туда.

— А оружейный есть?

— Есть, конечно, где его нет. Рядом с райотделом.

— А я не видел, был там рядом вчера, — удивился я.

— Дом где сберкасса, другой подъезд.

— Не обратил внимания, спасибо.

Оружия много, куда больше чем людей осталось, наверное. В нормальных городах им власть торгует обычно, все в бюджет идет. Как в том же Вышнем Волочке — даже не знаю.

— А что нужно?

— Патроны, может быть. Как с этим?

— Есть. И заводские, и передел. Передел дешевле, конечно, но сам понимаешь...

Патроны у меня есть, но не то чтобы очень много с собой. Все в одном рюкзаке тащу, сколько там унесешь на три-то ствола. Полезно знать.

Дорога обогнула бюст Пушкина на постаменте, вывела на мост через Тверцу. Там покрытие вообще кошмарным было, ям куда больше, чем асфальта. Да это и понятно, на мосту еще и вибрация, и снизу он промерзает. Теперь любой мост — чистый кошмар, и радуешься, что вообще на месте стоит. На том берегу показался ряд особняков, обшарпанных и грязных от сажи, затем опять потянулся частный сектор, утопающий в кустах сирени и заросший вдоль дороги старыми березами. И на дрова их, гля, не пустили. Впрочем, если тут торф всегда был, то им проще.

Пятиэтажек пятно, и опять частный сектор. Все маленькие городки средней полосы похожи друг на друга как две капли воды. Торжок еще древний, тут со старых времен попадается много, но если исключить, то разбуди тебя в таком городе, выпусти — нипочем не догадаешься, где ты сейчас есть.

Повернули несколько раз, выкатились на узкую улицу, похожую на Белинского, где живу, только без канав у обочин. Зато луж вдоль заборов со вчерашнего дождя хватает. «Пирожок» остановился у зеленого дома с забором из крашенного суриком железного листа, Саша сказал, глуша двигатель:

— Погодь, проверю, дома он вообще или как.

Зашел в калитку, затем я услышал стук в дверь, после чего мой проводник снова возник в калитке и махнул рукой:

— Заходи, Гена дома.

С крыльца застекленной веранды мне навстречу спустился мужик лет под сорок, крепкий, с подвернутой штаниной и опирающийся на костыли.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Сергей.

— Геннадий, — протянул он мне руку. — Саня говорит, что луазика взять хотите?

— Посмотрел бы. Есть такая мысль.

— Ну вот и у меня есть мысль продать, — вздохнул он. — Лишний теперь. А по городу ездить — жигуля возьму. Пошли, — он повел нас к кирпичному гаражу в глубине двора.

Инвалид, но во дворе порядок полный, почти военный. Да и сам Гена чисто выбрит, стрижен, одет чисто и опрятно. Видно, что не сломался мужик, жизнь у него продолжается. Сам открыл замок, только ворота ему Саша помог распахнуть.

— Смотрите, — он вытащил из кармана брюк ключи и передал мне.

Серенький маленький автомобиль с брезентовым тентом. Дверка водительская заперта. Я отобрал на колечке ключ поменьше, отпер машину. Втиснулся за руль. Да, инвалиду тут уже не очень будет: и порог высокий, и дверной проем как-то подрезан спереди, ноги поднимать и высоко задирать приходится. И посадка чуть странная, ноги высоковатого, а задница низко. Сиденья знакомые, от жигулевской «копейки», с вертикальной простежкой. А панель от «запора», похоже.

Вытянул подсос, повернул ключ в замке. Мотор затарахтел неожиданно громко и звонко, особенно в гараже. Гена с Сашей отступили в сторону, хозяин махнул рукой, крикнул:

— Выезжай!

Поддав газу, чтобы на холодную не заглохнуть, выгнал машину на улицу, чуть убрав подсос, снизив обороты. Так потише стало, зато вибрация никуда не делась. Огляделся. Места сзади на удивление много для такой машинки, зато вбок посмотреть проблема, перед носом оказывается стойка. Похоже, что из-за сдвинутой назад передней оси такая вот малость дурацкая компоновка получилась.

Посмотрел мотор, посмотрел под машину снизу. Так вроде все нормально, она и суриком с днища обработана, и все полости явно мовилем залиты, по всей водительской мудрости. На счетчике чуть больше пятнадцати тысяч.

— Почти новая машина, — сказал Геннадий. — Под себя тащил, не ожидал вот, — он покачал культей. — Хрень получилась, вроде и рана маленькая была, и мы далеко, лечил как мог, а когда вернулся, то уже все, отпилили. Теперь только по городу жизнь.

— Ты завмагом теперь? — спросил Саша.

— Да вроде как ребята выдвинули. Вы бы прокатились, попробовали на ходу, — предложил он мне.

— Да, спасибо, — кивнул я.

Саша распахнул ворота, и я, убрав уже подсос окончательно, выехал на улицу. Остановился. Так, рычаги... отключение заднего моста, блокировка межосевого. Все как у больших машин. Недаром эту тарахтелку для армии делали на самом деле.

Проехал вокруг квартала, поражаясь вибрации, от которой даже изображение в боковом зеркале расплывалось, и раздражаясь необходимостью наклоняться вперед на каждом перекрестке. Но при этом машинка ехала, пусть и не слишком плавно глотая ямы, а подвеска все толчки точно держала. Она тут дубовая, а сам экипаж легенький.

— Ну что? — спросили меня хором, когда я заехал обратно во двор.

— Да отлично, — кивнул я, с трудом выбираясь через странную дверь и стараясь не измарать брюки о порог. — Сколько за нее?

— Тысяча шестьсот.

— За полторы прямо сейчас бы взял.

Гена подумал пару секунд, затем кивнул.

— Лады. Нормально. Но вот именно сейчас, так?

— Деньги с собой. Как у вас с этим дальше? Что регистрировать?

— В милицию подъехать надо обоим, там в книгу запишут нового владельца, да и все. Поехали? Сань, подвезешь? А то мне в этот и не влезть уже, нога пока плохо гнется.

— Вообще не вопрос, — решительно заявил Саша. — И туда отвезу, и обратно.

— Обратно не надо, у «Центрального» высади, мне туда нужно. Подождите тогда, мне собраться нужно.

В общем, через час я уже стал владельцем этого луазика, а мои запасы денег уменьшились почти что вдвое. В подарок получил пустую канистру и целый фанерный ящик запчастей. И вместо одной запаски целых две. Одна

на заднем борту висела, а вторая лежала в багажнике. Потом выпросил у дежурного райотдела, как доехать до Пролетарской, дом шестьдесят два. Оказалось, что совсем недалеко и опять на тот берег. Перебрался туда через узкий мост, пропустив встречную машину, потом поехал через старый район, слева река, справа косогор, и кругом привычный уже купеческий стиль. Торговал раньше городок со всеми, перекрестком был, недаром и название такое торговое. Попалась большая и к удивлению моему еще и побеленная церковь, возле которой собралась стайка бабок, потом вдрызг разбитая дорога привела опять в частную застройку. Нашел нужный дом, постучался, из окна выглянула молодая женщина, представившаяся женой Бутина Михаила Аркадьевича и страшно разволновавшаяся, увидев удостоверение, но я ее сразу успокоил, сообщил, что муж ее гражданин достойный и никто никаких претензий к нему не имеет. И тогда она направила меня на вагонный завод.

— Там он сейчас, на складе. Проходную увидите, но там открыто всегда. Вот как в ворота въехали, так вот так, — она показала рукой, — и вот так потом. И прямо склад и будет, там вывеска «Горснаб».

— Понял, спасибо большое.

Может, и хорошо, что машину взял. Походить пришлось бы, я чувствую.

Вагонный завод даже как-то работал, похоже, потому что из цеха доносились характерные звуки работы по металлу, а по подъездным путям цеха катил маленький маневровый с двумя платформами металлоконструкций. Гражданин Бутин, оказавшийся высоким и худым мужиком лет тридцати, нашелся, где жена и сказала, у склада, сидящим на бампере своего зилка. Он с любопытством посмотрел на подъехавшую машину, а когда я из нее выбрался, сразу спросил:

— Гены Дроздова машина, нет?

— Точно. Была. Продал он ее. Вопрос у меня к вам есть. — Я предъявил удостоверение.

— Что за вопрос? — Бутин насторожился.

— Примерно четыре месяца назад, в апреле, у вас был рейс до Данилова Ярославской области и обратно, так?

— Вроде был, — ответил он осторожно.

— На обратную дорогу подсело шесть человек, одна компания, только мужчины, — я сказал это утвердительно, не в форме вопроса.

— Помню, подсели.

— Они с вами до Торжка доехали или сошли по дороге?

— До Торжка, точно.

Это уже хорошо, они там паспорта предъявляли. Это мало что значит на самом деле, бланков паспортов в любом пустом городе в милиции набрать можно, но все равно зацепка. Хотя бы узнаю, как они представляются там, где нужно быть осторожными.

— После КПП они с вами ехали или пешком пошли?

— До площади Воробьева довез. Там я сюда свернул, а они дальше пешком пошли. А в чем проблема?

— Проблема в том, что бандиты это, убийцы. Ищем их.

— Ох ты ж... — Бутин крикнул и в задумчивости почесал затылок. — Прямо чувствовал, что брать их не надо, бандиты натуральные, просто я бы не взял, они бы к другим подсели. Восемь машин шло в колонне.

— Да к вам никаких претензий и нет. Вы сами с ними не разговаривали?

— Нет. Я же за баранкой, они в кузове. Даже и не видел, считайте. Но с виду точно бандиты, все с «калашами».

Я вытащил объявления о розыске, показал ему:

— Этих среди них видели?

— Вот этого видел, — он уверенно ткнул пальцем в портрет Шиги. — Был такой волосатый, в «петушке» олимпийском.

— Еще кого-нибудь помните?

— Худой такой был, лет... ну не знаю, как вам, наверное. Нос сломан, прямо сплюснен, и вот так шрам в углу рта, в серой кепке такой простой. — Он показал на себе пальцем. — Он у них за старшего был, точно. Он и договаривался. Да, все пальцы в перстнях, аж синие. Вот на этом, — он показал средний на правой руке, — «дорога на малолетку». Видел такие раньше.

— Как они его звали, не помните?

— Нет, может, и вообще никак не звали.

— Приметы других?

— Нет, — покачал он головой, — не присматривался особо. Только этих двоих запомнил.

— Понял, спасибо за помощь. — Я протянул ему руку. — Всего хорошего.

— Вы извините, что так вышло, — развел он руками.

— Да что вышло? — отмахнулся я. — Не вы, так другой подвез бы. Все нормально.

От вагонного поехал на КПП, где пришлось минут десять ждать сначала начальника смены, а потом ждать, пока тот дозвонится до оперов и те подтвердят мои полномочия. Но дальше уже знакомая тетка достала

журнал регистрации и довольно быстро нашла нужную запись.

— Вот эти, похоже, все вместе записывались. Как раз шестеро подряд, — она ткнула пальцем в несколько строчек, выписанных почти каллиграфическим почерком. — Перед ними женщина, за ними тоже. А больше так чтобы подряд и нету.

Разумно.

— Я выпишу данные?

— Пишите, не жалко, — она подвинула журнал ко мне.

На всякий случай и данные соседей по списку взял. Пусть будут. Мало ли что.

— У вас на мотовоз как садятся? По паспорту?

— Да, только по паспорту, все как здесь.

— То есть записывают все? — уточнил я.

— Обязательно записывают.

— Спасибо. А где платформа у вас?

— На Энгельса, где переезд. Раньше за городом была, но перенесли. Знаете, где Энгельса?

— А подскажите.

— Где вагонный завод, знаете?

— Знаю. Был там.

— Не доезжая дотуда немного, там такой дом длинный, весь первый этаж магазины, а потом поворот направо. И там упретесь.

— Еще раз спасибо.

Тогда на платформу, попробую там уточнить. Дату заезда уже знаю, так что смотрим ближайший мотовоз с нее. Ничего сложного.

Опять втиснулся в свою коробчонку. Когда-нибудь привыкну, наверное, но пока очень уж странная посадка. Вытащил папиросу, смял, закурил, открыв ветровичок. Луазик весело затарахтел двигателем и бодро повез меня от КПП в сторону города. Да, удачно я его взял, так бы весь день пришлось пешком топать. Городишко хоть и маленький, но туда, сюда — и до вечера прогуляешь, а заодно и опоздаешь везде.

На улице асфальта уже почти что и не осталось, считай, что по грунтовке еду. Опять смесь пятиэтажных хрущевок и частного сектора. Свернул направо, покатил по очередной улице. Заметил мебельный, в котором, кажется, именно мебелью и торговали. Как у них со сбытом, интересно? Только на новых богатых рассчитано? Тут половина мужиков точно предпочтет мебель самим сделать, да и стоит она потом долго, что покупать? Или это мастерская? Ладно, раз открыты, то кто-то покупает. Парикмахерскую надо бы найти, кстати, давно пора. Длинная кирпичная

пятиэтажка поновей, вот она явно плотно заселена. Наверно, планировка получше, вот народ и расхватал жилье.

А вот и длинный дом с магазинами, как женщина с КПП и сказала. За ним направо. Пятиэтажки, затем слева стоянка попалась, действующая, со сторожем или кто там у них на воротах. Вот тут и можно, получается, машину оставить. Ну вот, как раз переезд, а справа от него платформа. Деревянная, на кирпичных столбиках, уже «новой», так сказать, работы. Мимо неторопливо протащился какой-то железнодорожный экипаж вроде платформы с кабиной и стрелой, груженный рельсами. Рельсы не новые, явно откуда-то сняли. А за платформой штабель деревянных шпал, пропитанных креозотом. Или чинят, или даже строят где-то ветку. У лестницы на платформу вагончик, на нем написано «Касса», а под листом стекла бумажка какая-то. Не расписание, часом?

Свернул с дороги, остановился, вытащил себя из кабины. Ну да, так и есть, расписание. Когда мотовоз на Вышний? А послезавтра, в восемь утра отправляется. Вполне нормально, мне подходит, все равно туда ехать придется. Максимум, что я смогу еще тут выяснить, так это где банда останавливалась. Хорошо если в гостинице, тогда можно будет о приметах расспросить, если помнят их там.

За главного в кассе сидел какой-то дедок в потрепанной железнодорожной форме. Я показал ему свое удостоверение, на что он кивнул и сказал:

— Предупреждали меня, опера наши с утра заскакивали. Даже портреты оставили, — он показал два снимка с лицами.

— Вот список из шести человек и дата, — я протянул ему выписку, взятую на КПП. — После этого дня когда первый мотовоз был? Мне бы проверить, отправлялись такие или нет.

— А глянем сейчас, найдем. — Он выдвинул ящик стола и вытащил оттуда журнал. — У нас порядок, все ходы записаны, не сомневайтесь.

Я и не сомневался, глядя на солидного дедка.

— До этого всего где работали?

— Да здесь и работал, на электричке, машинистом. Не совсем здесь, ну ты понял. Так, вот нужный день, — он нашел страницу. — Были такие. Все шестеро. В Вышний Волочек отправились, прямо так, хором.

— Сами их не запомнили, часом?

— Нет. Не помню, — дед покачал головой. — Совсем не помню.

— Ладно, спасибо за помощь.

Теперь в гостиницу. Их в городе две, одна знакомая уже, у рынка, вторая вроде как поприличней и подороже, «Торжок» называется, на Карла

Маркса. Вот, кстати, такое ощущение, если по названиям улиц судить, что до революции в Торжке жизни и не было. И самого Торжка не было, даром что это один из самых древних городов в России, тут всегда жизнь ключом била. Пока только что улицу Пушкина видел, так Пушкина в каждой деревне имеется. Или имелась. А Маркс про Торжок отродясь не слышал, а поди же ты, улица. И Энгельсу отдельную выделили.

Так и поехал, с Энгельса на Маркса через Дзержинского. И вскоре подкатил к обшарпанному двухэтажному старому зданию, на первом этаже которого, тем не менее размещался «Ресторан „Торжок”». Не тут ли местное купечество по вечерам собирается? Перед гостиницей сразу четыре машины, «нива», серый уазик и сразу две черных «Волги». Это уже точно свет местный, потому что «Волга» — только по городу и кататься, а кататься по городу, как я уже говорил, смысла нет. Исключительно себя показать. Я приткнул свою тарахтелку к крайней машине и направился, затушив папиросу каблуком, в подъезд.

Внутри гостинца выглядела... как любая запущенная провинциальная гостиница для командировочных. Стойка с табличкой «Администратор», за стойкой тетка с высоченной прической «вшивый домик» и огромными серьгами. Широкое лицо, яркая помада, яркий лак на длинных ногтях толстых пальцев. Это порода такая специальная, наверное, подобные всегда гостиницами и правили. Сразу захотелось сунуть червонец в паспорт, чтобы номер нашелся, даже если в гостинице половина номеров пустые.

— День добрый. — С ней я сразу начал с удостоверения. — Вопросы к вам имеются.

— Ко мне? — она чуть опешила. — За что?

— Вопросы, я сказал, не претензии покуда. Вот этого числа вот эти люди могли заселиться в гостиницу. — Я показал ей список. — На два дня. Проверьте, будьте так любезны.

— А что они натворили? — тетка насторожилась.

— Бандиты это. Убийцы. Так что давайте регистрацию постояльцев проверим.

Гостиница городская, так что тут правила должны быть железные. Но тетка смутилась. Сильно.

— Что? — спросил я.

— Не было у нас таких! — та вдруг чуть не рывкнула. — Не заезжали.

Понятно. Так заселила, просто денег взяла. Но сейчас упрется, если с ней спорить начать. Так что я просто сказал:

— Как хотите. Дальше будете объяснять понятно кому, да? Свидетели

есть их заселения, я сюда не просто так пришел. А учитывая, что это особо опасные преступники, на этом можете с работой прощаться. Всего хорошего, — я развернулся и пошел к выходу.

Окликнет или нет?

Окликнула.

— Сергей Павлович!

Ты гля, запомнила даже отчество с удостоверения, даром что мельком глянула. Если она их помнит, то может и полезной оказаться.

— Что? — обернулся я.

— Потерялся у нас старый журнал регистрации, — тетка зачастила, — но я их вспомнила, вот прямо сейчас вспомнила.

— Да? — переспросил я недоверчиво. — Вы уверены?

— Совсем уверена, с места мне не сойти!

Я вернулся к стойке.

— Вас как зовут?

— Тамарой. Тамара Сергеевна, Поляшова. Можно Томой звать.

— Тамара Сергеевна, вы без регистрации заселили особо опасных преступников, — проигнорировал я предложение перейти на дружеский стиль общения. — Деньги положили себе в карман. Тихо! — я поднял руку, прервав ее, когда она собралась возразить. — Но я хозяйственными делами не занимаюсь, так что вам лучше дать самые подробные показания. Постарайтесь.

— Не брала я денег, — сказал она упрямо. — В кассу положила. А журнал потерялся.

— Вы к делу давайте.

— Было такое, заехали. Шестеро. И вот эти двое были, — она ткнула пальцем в портреты.

— Главного как у них звали?

— Прокопом они его звали. Как в книгу записала, не помню, — добавила она на всякий случай. — А так все Прокоп и Прокоп.

— Руки в татуировках, около пятидесяти лет, сломанный нос и шрам в углу рта?

— Он! Он самый. Еще молодой был, рыжий, уши такие смешные, круглые, торчком, они его Чебуром звали. Вот он и вот этот, — она показала на портрет Шиги, — у них вроде как младшие были, их везде гоняли, подай-принеси. Еще один был черненький такой вроде кавказца, худой, маленького роста, шустрый, звали Саидом. У него еще родинка вот тут большая, — она ткнула ногтем себе в толстую щеку. — Нет, вот тут, — другой ноготь теперь ткнул в щеку противоположную. — И последний...

— Она задумалась. — Последний был высокий, здоровый, видный такой мужчина. Прапором они его звали. Точно, Прапором.

— Опишите его.

— Ну, высокий такой, видный, вежливый даже. Волосы светлые, так вот набок зачесаны, — она рукой показала. — Нос... крупный такой нос. Прямой, но крупный. Голос сильно хриплый, да, как простуженный. Да, мизинца на левой руке нет. Не совсем, а половинка осталась.

— Татуировки?

— Нет, никаких татуировок. Ну, где их видно.

— Что они делали?

— Пили в ресторане все время. А так не буянили, не мешали никому, тихо себя вели. Так пьяными и съехали.

— К платформе как они двинули? Пешком? Подвез кто-то?

— Повар наш их отвез, Коля. На рафике. Заплатили ему.

— А Коля здесь сейчас?

— Позову, — с готовностью подкинулась она с кресла.

— Да я сам с ним поговорю, — остановил я ее. — Вы мне вот что скажите: они с кем-то из местных общались?

— Если в ресторане только, а так все сами.

— А в ресторане с кем могли?

— Не скажу, не знаю. Сюда каждый день одни и те же ходят, поэтому не запомнишь.

— Я понял. Пойду с вашим поваром поговорю. Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, — Тамара Сергеевна испустила вздох откровенного облегчения, хоть я ей пока ничего не обещал.

Ресторан был... вот как и гостиница, такой типичный провинциальный ресторан. Но на столах скатерти и даже салфетки в полосатых пластиковых стаканчиках. На стенах картины, все больше пейзажи, наверняка из краеведческого музея какого-то вывезли, потому что все больше средняя полоса изображена, церкви на фоне леса и все такое. На потолке знакомые по старым временам люстры из пластика «под хрусталь». А вот стаканы и бокалы хрустальные, чешские, я такие помню, дефицитом были, признаком благосостояния, можно сказать. Пахло жареным мясом. Заняты три столика. За двумя небольшие компании, причем одна с женщинами, за третьим один мужчина с газетой сидит, пиво пьет. Радио включено, играет музыка какая-то.

Что не совсем типично — барная стойка, причем явный новодел, больно уж не в стиль. За ней на высоком табурете сидит то ли бармен, то ли официант — средних лет мужик в белой рубашке и даже с бабочкой. Он

вскользь посмотрел на меня и снова уставился в окно. Не знаю, что он там увидел, потому что окно почти полностью кусты сирени закрывают. Навстречу мне вскакивать не стал, не счел клиентом, наверное, по одежке встретил. Ну да, на мне офицерские брюки в сапоги и брезентовая куртка, а купечество местное, как я посмотрю, сплошь в «новоделе», в костюмах индпошива, так сказать. Ткань, кстати, сейчас чуть не самый ценный товар из всех, что мародерам находить доводится.

— Вы куда? — вскинулся официант, когда я направился на кухню.

— Туда, — я показал пальцем на дверь с окном и тут же махнул удостоверением. — Милиция.

— А-а, — протянул тот и плюхнулся на свое место.

В кухне я нашел двоих. Молодая женщина быстро резала овощи, а мужчина лет тридцати задумчиво смотрел в кастрюлю, из которой валил пар.

— Супчик? — спросил я с порога.

— Борщик, — в тон мне ответил он. — Сюда только персоналу вход разрешен.

— Милиция, — я показал удостоверение. — Есть пара минут на вопросы ответить?

— Прямо сейчас нет, занят очень. Дайте десять минут, чаю в зале попейте, например. Хорошо?

— Как скажете.

— Базиль! — повар, высунувшись в окошко, окликнул официанта. — Кофейку сварь пока товарищу из милиции, хорошо?

Базиль, в миру наверняка откликавшийся на Василия, с готовностью кивнул:

— Не проблема, сейчас сварю.

Кофейку. Интересно, когда я в последний раз пил настоящий кофе? Если считать настоящим растворимый, то лет пять назад, натащили тогда его в город во множестве, в герметичных банках, завалившихся на уцелевшем складе. А так цикорий, который мне сейчас Базиль и сварит. Но зовем мы его «кофе». То ли по инерции с былых времен, тогда тоже такой продавался, сверху «кофе» написано, а ниже маленькими буквами «цикориевый», а может быть, просто хочется думать, что вот у нас и кофе есть, совсем жизнь почти что нормальная. За второе голосую.

Базиль быстро сварил турку кофе, перелил в чашку и принес ее мне на маленьком блюде, выставив рядом фаянсовую сахарницу с цветочками.

— Сколько с меня?

— Да вы что, не надо денег.

— Сколько? — повторил я.

— Тридцать копеек.

Я отсчитал, сколько сказано, высыпал ему в ладонь. Не надо, лишнее это все.

Да, цикорий как цикорий, но все равно приятно. Может быть, самому купить? Вроде бы видел в магазине пачки.

Мужская компания говорила негромко, а та, что с женщинами, смеялась постоянно. Там крепкий такой круглоголовый мужик в черном свитере все какие-то байки рассказывал, но я не вслушивался, больше оглядывался. Да, создало местное купечество себе какой-то личный мирок. Общество, не сдерживаемое рукой советской власти, все равно расслаивается. Впрочем, оно и раньше расслаивалось, при этой самой советской власти, просто по другим принципам. Начальники в одну сторону, «работники советской торговли» в другую, ну, а масса — в третью. Теперь просто принципы чуть изменились.

Повар ровно через десять минут и подошел, как обещал. Сел за стол напротив меня со стаканом холодной воды, спросил:

— О чем вы поговорить хотели?

— Вы шестерых людей отсюда отвезли на платформу к мотовозу. — Я выложил портреты. — Среди них вот эти еще были.

— Да, было такое, — сразу же ответил он. — А в чем преступление?

— Ни в чем. Отвезли и правильно сделали. Мы людей этих ищем, вот поэтому у меня вопросы. Они же здесь два дня в ресторане сидели до этого, верно?

— Верно, почти не выходили.

— С кем-нибудь из местных общались?

— Тут лучше у Базиля спросить, я же на кухне все время.

— А рафик ваш?

— Гостиничный. Или ресторанный. Продукты возим, белье из стирки и все прочее.

— Они по пути о чем-нибудь разговаривали?

— Ну... вроде бы. — Он задумался. — Так всего не припомню, хоть и прислушивался...

— А почему прислушивались?

— Да какие-то они такие... — Он сделал неопределенный жест. — Бандиты они, короче. Неприятно рядом с ними. Поэтому и так... настороже был.

— И что-нибудь из разговоров запомнилось?

— Да. Они собирались встречаться с каким-то Монголом, это кличка,

как я понял, и идти в «Сказку».

— «Сказку»?

— Это бордель в Вышнем, про него все слышали. И даже казино.

— А Монгол кто такой?

— Тут ничего не скажу, не знаю. Они много трепались, вообще бухие были, допоздна сидели в ресторане и потом до утра керосинили в номере, закуску с водкой с собой взяли.

— У платформы как все было?

— Никак. Я их высадил и тут же уехал. Даже не видел, как они пошли дальше.

— В гостинице не шумели?

— Нет, они довольно тихо сидели. Я еще тогда подумал, что точно стараются внимания не привлекать. Как-то они... ну вроде как случайно сюда попали, что ли. Вот такое впечатление.

— Что-то еще запомнилось?

Он задумался. Потом сказал:

— Сумки у них с собой были большие. Одна такая, синяя с белым, сбоку «СССР» написано, и две брезентовых. Это кроме рюкзаков.

Да, сумки совпадают. Сумки у них с собой быть должны. Они с этими сумками ушли. И ведь дотащили, хотя пешком им пришлось пройти порядочно.

— Хорошо, спасибо.

— Не думаю, что они с кем-то у нас связаны могут быть, — вдруг сказал повар. — Купечество наше все больше приличное. Был тут один, Ставицкий такой, раньше, давно уже. Вроде и купец, но собрал вокруг себя шоблу, про грабежи на дорогах слухи пошли, потом попробовал торговцев на базаре налогом обложить. Это при старом начальнике райотдела было.

— А потом?

— А потом взяли их всех ночью из постелей, судили и через неделю расстреляли возле кремля. Потом еще нескольких, за разное.

— А кто купцов сопровождает в поездках?

— Вневедомственная. Они в бюджет оплачивают. Тут так теперь стало, что если кто-то начинает свою охрану слишком большую заводить, то его сразу на карандаш. В городе тихо, на хрена тебе здесь охрана? А за забор сопровождение дадут, не вопрос.

— Может, и разумно, — кивнул я.

Даже точно разумно. Как лакмусовая бумажка на намерения. Если живешь в тихом месте и ничего плохого не планируешь, то зачем тебе бойцы с автоматами? Как завел таких, так сразу и подозрительно. У нас

такого жесткого закона не было, но к тем, у кого слишком много «телохранителей» образовывалось, мы тут же присматриваться начинали. И, кстати, обычно не ошибались. Двое таких было и оба погорели на нехорошем. Один поехал лес валить, а второму так и вовсе из пистолета в затылок выстрелили на городской свалке. Было за что. И двоим его людям. Сам одного из них стрелял.

Парикмахерских в городе было две: одна на Луначарского, а другая на Володарского. Если честно, то такие названия уже раздражать начали. Кого-нибудь из деятелей мирового коммунистического движения здесь забыли помянуть? Разве что проеханная мной улица Торговые Ряды чуток утешила, а потом еще и Новгородскую увидел. Парикмахерская на Володарского оказалась маленькой, на два кресла всего, обитых потрескавшимся дерматином, зато единственным работавшим мастером была совсем молоденькая и симпатичная худенькая девчушка, даже обрадовавшаяся появлению клиента. Подозреваю, что народ тут еще и друг друга стрижет.

— Садитесь, — сразу же пригласила она меня в кресло, расправляя вполне свежую простыню. — Как стричь будем?

— По-военному коротко, красавица. Сзади по нижней, так сказать, кромке ушей, с боков коротко, сверху чуть подлиньше оставь, если не трудно.

Хорошая девочка, правда. Русые волосы, заплетенные в косу, лицо с сочными губами, аккуратным носиком и большущими серыми глазами. И голосок приятный.

— Ну а что трудного? — Она накрыла меня простыней, ловко завязав ее на шее. — Ничего нам не трудно, жениха сделаем.

— Старый я для женихов, так что хотя бы уставной вид придай, — засмеялся я.

Снял очки, положил на столик.

— Ой, да ладно, старый. Вон какой крепкий. Не видела вас раньше.

— Не местный я, приехал недавно. Зарос в дороге, как дикобраз.

— А откуда приехали?

— Из Вологодской губернии.

Девушка прихватила сзади волосы расческой и решительно защелкала ручной машинкой.

— Электричества у вас вообще нет? Вроде в гостинице есть и еще кое-где.

— Обещают по всему городу дать. Разобрали где-то маленькую станцию на торфе, здесь теперь монтируют. К новому году обещают. Местами даже провода уже тянут.

— А, точно, видел сегодня, как раз мимо проезжал. Как живется-то в Торжке такой молодой и красивой?

— Хорошо живется, лучше, чем раньше, — улыбнулась девушка.

Ну да, сколько ей лет? Хорошо если восемнадцать. Когда все случилось, она совсем крохой была. И Пятый Год прожить ухитрилась. Если с теми временами сравнивать, то да, лучше уже намного, а если времен до этого не помнить, то и вовсе хорошо.

— Молодежи-то много в городе?

— Моего возраста не очень, — она вздохнула. — Детей вот много.

«Ее возраст» как раз в черные времена и вымер, все верно. Мало их. А детей на улицах хватает, да и в Грязовце за последние годы их сильно прибавилось. Правда, и проблемных детей много, хоть и не столько, как в свое время, до того как боеголовки рванули, говорили. У нас в городе тем, кто второго рожал, за городской счет и силами города новые дома ремонтировали и выделяли. Нужны люди, мало их осталось, если не рожать, то все, вымерем. А детский сад со школой в первую очередь починили.

— Сходить-то есть куда?

— Кино и танцы, — она пожала плечами, продолжая орудовать машинкой. — Только в кино иногда плакать хочется.

— Почему?

— Потому что там жизнь другая, хорошая. И книжки читать тоже тяжело бывает, но кино хуже.

— Но ходишь?

— А что еще делать? Хожу, конечно.

Стрижка обошлась в пятьдесят копеек, но справилась девушка хорошо. Вышел, закурил на крыльце. Куда пойти? Обедать не пора ли? Пожалуй, что и пора. В столовую к базару ехать или что-то еще поискать? Ладно, к базару, там я уже знаю все, хорошо покормили.

В столовой нашел уже знакомых оперов, сидевших за тем же столиком. На этот раз они сразу к себе позвали.

— Как у тебя дела? Проблем не было? — спросил лысоватый, который тогда, кстати, представился Михаилом.

— Нет, все нормально. Общаются люди, никаких проблем.

— Узнал что?

— Были они здесь, уехали в Вышний мотовозом. Два дня жили в гостинице, в «Торжке». Есть к вам пара вопросов, к слову...

К столу подошел кабатчик, и я заказал просто двойную порцию пельменей и компот. Давно пельменей не ел, очень кстати оказались.

— Что за вопросы?

— Такое погоняло, как Прокоп, не слышали?

Оба задумались.

— Он старый достаточно, за полтинник ему, похоже. А на пальцах перстни еще с малолетки. Если он из местных, то мог материал сохраниться, как думаете?

— Мог, — кивнул блондин. — Все архивы милицейские уцелели. Можно покопаться. С тебя пузырь тогда.

— Сень, мало требуешь, — усмехнулся второй. — Ладно, поищем.

— Такая погремуха, как Монгол, знакома?

— Знакома, — кивнул Михаил. — Есть в Вышнем такой фигурант. Он там даже не поймешь кто, то ли бандит, то ли купец, то ли банкир подпольный. Числится вроде таким... в понятиях. Но дорогу ему бы переходить не стал. У нас он постоянно проскакивал по скупке трофеев с их рейдов.

— «Сказка», которая бордель, не ему принадлежит?

— Нет, там Вася Бачило хозяин. Бордель держит, катраны местные, кабаки. Гибрид сутенера и кабатчика, один из тех, что масть в городе держат, положенец. Насчет контактов с Монголом не скажу точно, но вероятны.

— А персонал для борделя откуда? Местные?

— И местные, и просто воруют. Везут туда и дальше с концами. Тоже промысел. Но в нашем районе если и воруют, то редко, из других областей везут.

Есть банды, которые похищают людей. Специализация такая. Мужчин обычно продают на всякие тяжелые работы в глуши, откуда не сбежишь особо. Иногда «черные» мародеры используют таких в опасных местах. Женщин, если помоложе, продают в бордели в «зеленых» анклавах, причем всегда увозят далеко от того места, где похитили.

— Вот тут у меня приметы остальных. Никак не проверить, не проскакивали по другим делам?

— Проверим. Доедим, и перепишу. Но думаю, что не должны светиться.

— Почему?

— Они далеко в рейд пошли, в Вологодскую область. То есть не

отморозки, осторожные. А кто по местным безобразиям светится, те обычно просто «зеленые», без башки. Не хотят те, кто там масть держит, больших проблем с нами. Но проверим. Что они у вас сделали?

— Они ограбили больницу. Убили людей.

— Что взяли?

— Взяли медицину. От столбняка, бешенства, от радиации какие-то препараты.

— Сколько можно в больнице взять?

— Туда целый груз пришел. Часть должна была остаться, остальное повезли бы дальше. По наводке действовали.

— И кто навел? — спросил Сеня.

— Не наши. Кто-то из цепочки, много людей знало. Не знаем пока.

— Сколько убили?

— Пятерых они убили. Расстреляли машину и всех, кто был в ней. В городе расстреляли, где охраны не было. И убивать не обязательно было, там три женщины, случайный подросток и водила, из оружия только у шофера карабин, но он даже схватиться не успел.

— А ушли как? — спросил Михаил.

— На этой же машине до окраины, там пошли пешком, у них грузовик в тайнике был. Мы к грузовику вышли даже раньше, прикинули маршрут. Но они сменили направление, там мы их потеряли. Вычислили только в Данилове, и то с опозданием, местные менты чухнули. Правда, приметы мы тоже с опозданием выяснили, а документы они сменили. В Грязовец по другим зашли.

— То есть в город зашли легально?

— Да. Портреты уже потом, по показаниям, составили.

— Понятно. — Михаил вздохнул. — Тут мы сильно помочь не можем, в Волочек нам ходу особо нет. Ты же туда сам не собираешься?

— Собираюсь.

— Если вскрыется, что ты мент, угадай с трех раз, что с тобой сделают?

— Бланков паспортов много осталось. А тут я ментом примелькаться не успел.

— Мог успеть.

— Значит, судьба. Поеду.

— Это у тебя личное, что ли? — вдруг спросил Сеня.

— Личное, — кивнул я.

Бочаров, Сергей Петрович. Фотография моя, хоть и не такая, как в настоящем паспорте. Год рождения на пару лет отличается, теперь я старше, пятьдесят четыре. А с поправкой на день рождения, так на два с половиной года старше.

Въезд в Вышний прост, как мне опера рассказали, никто никого не проверяет, всем на все плевать. Так что на входе я на проблемы напоротся не должен. На оружие тоже никаких правил нет, кроме здравого смысла. Начнешь злоупотреблять — закончишь плохо и очень быстро.

Я там буду один, так что надо подготовиться. Сначала внешность. Меня здесь если кто и запомнил, то в полувоенном и панаме, какие многие носят из-за удобства. Поэтому поеду в кепке. Очки... лучше бы вообще без них, но не получится. Поэтому надену запасные. Те, что ношу, пластиковые и крупные, а эти чудные, круглые как пенсне, в тонкой металлической оправе, лицо сильно меняют. Усы бы неплохо, да отрастить не успею. Поэтому второй день не брился, пусть щетина будет.

Одежда другая с собой. Кожаная куртка новодельная, она просторная, под нее что угодно легко спрятать. Сейчас тепло, так что под нее просто майка трикотажная, но такие майки теперь роскошь. На ноги кроссовки. Тоже из старого, я их по тем временам помню, в Кимрах производить начали все к той же Олимпиаде. Серенькие такие, светло-серые с темно-серым. Тогда они с лицензионным московским «адидасом» даже равняться не могли, но сейчас невоенная обувь с *тех времен* за роскошь, так что нормально. Как и советские же джинсы «Орбита», от которых тогда плевались, а вот теперь на тебе. Оделся, глянул на себя в зеркало — бандит бандитом. Что и требовалось.

ТТ подмышку пойдет, с ним все понятно. И нож на пояс, мне его на заказ из рессорной стали сделали. Наборная деревянная ручка, лезвие не так чтобы длинное, но и не так чтобы короткое, с упором под пальцы. Теперь еще нож, маленький, по моему чертежу соорудили. Сталь хорошая, поэтому плоский совсем и как бритва острый. Просто полоска стали, ручка втиснута в резиновую трубку от бигуди. Он в брюки сбоку идет, там маленькие кожаные ножны вшиты. Такой нож даже при обыске найти мудрено, если охлопывать и ощупывать, а не раздевать. Идея не моя, с бандита одного взята, который этим ножом меня зарезать пытался. Зарезать не получилось, хоть на руке длинный шрам остался, но идею я скопировал.

Винтовка тут останется, она под другое дело, а «ксюху» возьму. И в рюкзаке к ней приبلуда одна, про запас, собственной работы. И там же еще ствол, спортивный «марголин», и к нему такая же. Вот этим бы лучше не светить, просто потому что запомнить могут, а мне это не нужно.

Машину решил вообще не брать, останется во дворе у Сергеевны. Потому что город маленький, информация о том, что Гена свой луазик продал, могла разойтись, а потом его кто-то увидит на стоянке у платформы... Так что с утра пешком пошел, благо багажа на себе немного, я даже рюкзак на маленький сменил, который у меня в большом в свернутом виде хранился.

Людей на улицах пока было немного, все только просыпаются к рабочему дню, так что пока шел, ни единого знакомого лица не встретил. Да их у меня тут и нет почти, на самом деле.

Погода разыгралась, солнечно, тепло. Кожаная куртка вроде как даже лишняя, но ничего страшного, кто из города едет — обычно теплей, чем надо, одевается, мало ли что.

У платформы собралась очередь человек из двадцати, я в середину затесался. Неподалеку машина милицейского патруля, сразу три сотрудника с автоматами и в форме, на всякий случай. К отъезду подтянулись.

Добрался до кассы, заплатил знакомому дедку семь рублей за билет, дал паспорт переписать данные. Он не удивился ничему, хоть и узнал, его опера должны были предупредить. Говорят, что надежный дед, такого специально на въезд посадили.

На платформе еще минут пятнадцать ждали, пока состав подойдет. Он из Старицы сюда чешет, по остаткам двух старых дорог, включая ту самую Октябрьскую, по которой из Ленинграда в Москву и обратно катались командированные и туристы. Октябрьская как раз из Торжка и начинается. То есть не Октябрьская, а ее уцелевшая часть. И до Бологого уцелела, а там весь узел наземным взрывом снесли.

Поезд состоял из странного небольшого локомотива с кабиной посередине, рычащего дизелем, и десятка вагонов. Два пассажирских, остальное платформы и теплушки, все чем-то груженные. Перед локомотивом платформа какая-то урезанная по длине, зато с пулеметным гнездом, причем на два пулемета, там же бойцы видны в форме и касках.

Состав замер у платформы, люди пошли в вагоны, как-то естественно поделившись на два. Кто-то сразу, заняв целую лавку, завалился спать, сунув рюкзак под голову, какие-то трое мужиков тут же, не откладывая в долгий ящик, отставив в сторону карабины и ППС, вытащили целую

канистру пива. Судя по лицам, праздновать отъезд они еще вчера начали. Один сноровисто развернул лист оберточной бумаги, на нем сразу появилась вобла и бутерброды с колбасой. А что, для людей поездка в другой город — событие, пусть до того и рукой подать. Три часа будем ехать, но это не потому что далеко, а потому что медленно. Пути берегут и технику.

Две средних лет женщины и какой-то здоровяк с ними достали карты и тут же в подкидного начали раскидывать. А я за книгу взялся. Знаю, что бандиту не к лицу, но все же нужно себя чем-то в дороге занять.

Состав неторопливо тронулся, платформа поехала перед окном назад, пошли заборы и дома Торжка. Открытый шлагбаум, возле него опорный пункт, справа дома бывшего военного городка при вертолетной части, несколько брошенных винтокрылых машин так и стоят вразброс, разобранными до остовов. Часть все же взлетела после ударов, куда-то ее перебросили, но не все машины могли летать.

А вот и старая платформа «30 километр», облупившаяся и заброшенная. Больше здесь поезда не останавливаются. Потом сразу лес с обеих сторон потянулся, смешанный, что для этих мест обычно.

И не читается как-то. Вытянул ноги на свободное сиденье напротив, откинулся как смог на жесткой деревянной скамье, повернулся к окну, глаза на проплывающие мимо деревья. Подумав, вытащил из рюкзака термос китайский, попугаями разрисованный, скрутил крышку-стакан, выдернул пробку. Запахло крепким чаем. Налил себе, развернул сверток с бутербродами, все та же копченая колбаса на хлебе. Не смог позавтракать, что-то от волнения кусок с утра в горло не лез.

Нет, это не от страха, я уже давно ничего не боюсь, если о себе думать. Страшно дело провалить, не совершить то, что совершить должен. И вот как так выходит, что вот тут вроде нормальные люди живут, а вот тут, совсем рядом, настоящий бандитский город? Почему до сих пор никто с этим ничего не смог сделать? Если та власть, что уцелела, пытается доказать, что она власть, то как вышло, что до сих пор не пришла армия и не разнесла там все к чертовой матери? На первую прикидку именно так и думается, и если только сильно мозгами пошевелить, то понимаешь, что вовсе не все так просто в этой жизни.

Вышний Волочек — бандитская вотчина, да вот эти самые бандиты именно с соседями стараются не конфликтовать. Даже торгуют. То есть зуб на них не у Торжокского района, а у кого-то другого, кто далеко. А если нет такого вот прямого повода для войны, то никто ее и не начнет. Потому что людей осталось мало, а погибнет в такой войне много. И удастся ли

погибших потом кем-то заменить? Вот очень сомневаюсь. И власти сюда послать войска... а сколько у нее теперь тех войск-то? И откуда им идти? И сколько техники дойдет? И насколько помогут им местные? И что делать с этим Волочком, даже если удастся победить? И не озвереют ли уцелевшие по лесам бандиты и не начнут ли устраивать проблемы уже здесь?

Вот и живут так по принципу «не тронь дерьма — вонять не будет». Те к этим не лезут, а эти к тем. И всех понимаешь, но вот... как быть с тем, что в такие бандитские города похищенных людей увозят? Что именно из этого места пришла та банда, которую я ищу? Которая вот так взяла и лишила меня любого другого смысла жить? Это же из-за них не могу теперь спать, убиваю кошмары водкой. А сюда, в Торжокский район, приходят банды из других таких мест, и как знать, не сотрудничают ли бандиты пришедшие с бандитами местными? Нет, это я даже сказал неправильно, потому что знаю точно, что сотрудничают. Эти тем здесь расклады подскажут, а те этим там.

Все равно это отложенная проблема, рано или поздно местным решать ее придется, так или иначе. Вот зачем эти люди из Торжка туда едут? Кто-то за товаром, а кто-то и развлечься. Веселей в Вышнем, жизнь привольней, есть доступ к запретному, развернись душа. Потом, глядишь, молодые и глупые туда и вовсе переедут, поведутся на сладкое и лихое, сначала по дурости, а потом уже и по захватившей душу гнуси. И от таких мест вреда куда больше, чем на первый взгляд видится. Они как раковая опухоль, жрущая тело. Еще только начало, метастазы еще не пошли, но она уже здесь и что-то поразила. И дальше она станет лишь больше, а весь организм от нее слабеет. И потом просто умрет.

Так понемногу дотелепались до Лихославля, поезд остановился, двое вышли, с десятков зашло в вагоны. Два мужика, прошедших мимо, говорили не по-русски. Тут карелов много, а если точнее, то большинство населения, из тех, которых переселяли с финской границы после финской же войны. Даже загадка-шутка такая в Калинин в свое время ходила: «Бежит, летит как бешеный, карелами обвешанный» — правильно, автобус на Лихославль. Но они тут и язык, и культуру сохранили.

Калашниково, можно сказать, что официальная граница Торжокского района. Опорный пункт, серьезный, целый дом-пятиэтажку окружили укреплением, за ним даже бэтээры видны. Техники много, вот ездит она мало. И жрет как не в себя, и пробег до капиталки никакой, так что берегут, максимум держат на опорниках на самый крайний случай. Причем совсем крайний, потому что РПГ-7 со складов тоже очень много по рукам разошлось, а с местными лесными дорогами шансы брони куда-то

прорваться через враждебную территорию даже комментировать не хочется. Всего много, людей мало.

В Спирово состав тоже остановился, посадил людей. Тут уже Вышнего территория, и по публике заметно. Компания из четверых молодых, что в вагон подседа, вполне себе шпана, по одежде, повадкам и базару. И что совсем нехорошо — шпана вооруженная, у каждого по АКМ имеется. Впрочем, в вагоне они не борзели, сели в угол, разве что слышно их было отовсюду, на публику работали, крутость показывали.

Ты глянь, а в Вышнем поезд прямо на вокзал приходит, настоящий, довоенный. Две платформы, над ними переход даже, только закрыт. И нечто вроде КПП, там трое мужиков всех проходящих проверяют, не «светится» ли кто. Но не завернули ни одного человека. Все опытные стали, да и не так много мест, где радиации нахвататься можно. Меня тоже проверили и ни слова не сказали, только махнули рукой, проходи, мол. А раньше да, раньше на каждом шагу проверки были, потом подуспокоились.

На платформе ларек с пивом и куревом, у выхода в город даже такси стоят, «москвич» и старая «Волга». И есть клиенты? Оказалось, что есть, те четверо из Спирово тут же машину взяли, радостно гомоня. Это они в столицу веселиться приехали, так что для пущего шика такси не помешает. И вторую машину тут же кто-то взял, а следом за ней рафик подъехал, встал. Ну и вон пара пацанов сидит на приступочке, разглядывает приезжих. Малолетние жулики или другого заработка ищут? А может, просто делать им нечего.

Гостиницу надо. Не то чтобы больше нигде не остановишься, но там расспрашивать начинать удобно, это нормально. Приезжий, что-то ему всегда нужно. Подошел к потягивавшемуся у машины водителю рафика, спросил:

— Извини, друг, поинтересоваться хочу. Гостиницы в городе какие приличные?

Он быстро окинул меня взглядом с ног до головы и, похоже, удовлетворился увиденным, потому что сразу сказал:

— «Березка» на Большой Садовой и мотель есть. Еще у рынка комнаты сдают, но ты вроде человек солидный...

— А какая лучше?

— Смотря что надо. «Березка» типа всегда главной была, даже до Херни, центр, считай, а мотель чуть не в лесу, но если там поиграть, или девочек, или еще чего...

— А «Березка» в центре?

— Ну да.

— Отвезешь?

— За чирик запросто.

— Не ломанул? — усмехнулся я.

— Тогда подождем давай кого-нибудь, пополам поделишь.

— Я тебе пятерку дам и никого не ждем.

К рафику и правда никто не бежал, всех клиентов те две машины увезли. Водитель почему-то посмотрел в небо, подумал, затем сказал:

— За восемь отвезу.

— На семи сойдемся, — сократил я процесс торга. — И то дорого.

— Ладно, садись.

Вышний на Торжок вроде и похож, но все же какой-то другой. В Торжке зелени больше и город заметно старинный. А здесь возле вокзала даже девятиэтажка панельная, из новых. Вроде как серьезней место. Но, судя по окнам, заселено в ней немного квартир.

— Тут еще жить можно, — водила показал пальцем на этот дом. — Только держи шмотки все время руками и смотри, чтобы не зарезали. Чуть не самая трущоба в городе, одни наркоты.

Тоже разница, да. В том же Торжке или у нас за торговлю наркотиками расстреливают.

А вообще тут вроде все и попроще, и даже пооживленней, такое ощущение, что меньше людей работает и больше по улицам шляется. И да, легковушки катаются время от времени. И улица вроде пошире, чем в Торжке, даже какие-то остатки тротуаров сохранились. Правда, чуть дальше отличия исчезли, когда хрущевки сменились старыми особняками. На угловом висела вывеска «Игорный дом „Удача“», а сразу за ним, по другую сторону перпендикулярной улицы, высилось четырехэтажное здание гостиницы «Березка» — типичный гостиничный проект для провинциальных городов, разве что время и обстоятельства внесли в него поправки в виде многочисленных труб буржеек, торчащих наружу, и закопченной стены.

— Приехали! — радостно объявил водила, демонстрируя понимание того факта, что развел лоха тряпошного.

— Молодец, быстро довез, — похвалил я его сквозь зубы.

— Так старался, — не полез он за словом в карман.

Подхватив рюкзак и автомат, потопал к «Березке». На первом этаже, естественно, обнаружил вход в ресторан. Что за гостиница без ресторана? Правда, этот, против ожидания, назывался не так, как «отель», а нес гордое название «Елисейские Поля». Вот как.

Обшарпанный вестибюль с полами из гранитной крошки, привычная

стойка администратора, но несколько непривычный вид сидящего в скрипучем кресле амбала с автоматом. Охрана, похоже. А за стойкой средних лет мужчина, одетый сплошь в джинсовое — брюки, рубашка «батник», такая же куртка поверх рубашки и даже джинсовая кепка на голове, призванная, как я заподозрил, для сокрытия лысины.

— День добрый, — поздоровался я. — Номера есть? Только мне бы отдельный.

— У нас все отдельные, — администратор усмехнулся. — Наплыва туристов давно не было, да и не предвидится вроде как. Есть номера.

— Тогда поинтересоваться хочу, по комнатам не шарят?

— Камера хранения есть у нас. За оставленное в номере не отвечаем. А из камеры не крали ни разу.

— Дорого?

— Тридцать копеек в час.

— А номер?

— Люкс за четвертной, полулюкс пятнадцать, обычный за десятку в сутки. Ресторан есть.

— Это я видел. А почему так называли?

— А кто его знает? — тот пожал плечами. — До меня это было. Берете номер?

— Да, возьму. На пару дней пока. Нет, на три.

Мне же все равно мотовоза ждать.

— Сороковник. Червонец вернем при выезде, залог за порчу.

Отсчитал. Тысячу я оставил в Торжке как последний резерв, а пять сотен с лишним с собой прихватил, мало ли за что платить придется.

— А сейчас камера открыта? Я бы вещи сразу кинул, а как вернусь, забрал бы.

— Открыта, пошли, — кивнул тот, пересчитав деньги и просто убрав их в карман. — Только от волыны магазин отстегни и патрон выкинь.

Почти рядом со стойкой две двери. За одной оказалась еще и решетка, которую мужик открыл ключом, после чего взял мой рюкзак с автоматом и положил на полку, выдав мне номерок театрального вида, на котором с обратной стороны было выжжено «Березка», а заодно и бумажку с печатью, на которой записал время.

— Минуту, я еще белье выдам, — сказал он, запер камеру хранения и отпер соседнюю дверь, за которой оказалась кладовка. И тогда мне досталась стопка серого и даже чуть влажного белья, пахнущего прачечной. — И ключ возьми, семнадцатый номер будет. Второй этаж.

— Благодарю.

Коридор второго этажа был темным, пол покрыт разбитым паркетом с ковровой дорожкой посередине, середина которой была вышаркана ногами до дерюжной основы. Дверь открылась с трудом, рассохлась, за ней оказалась небольшая комната с тремя кроватями и тумбочками рядом. Все кровати с матрасами, но без белья, понятное дело. Я выбрал ту, что от входа в дальнем углу, быстро застелил, не став накидывать одеяло — пусть все сохнет, точно же влажное.

Все, можно идти. Автомат пусть тут лежит, с длинными стволами народ по улице не ходит, как я вижу. Пока я с рюкзаком, то выгляжу нормально, вроде как только приехал человек или уезжать собрался, а так ходить не стоит, похоже. Ладно, ТТ вполне хватит в случае чего. Запер номер, спустился вниз, спросил у администратора:

— Такое место, как «Сказка», знаете?

— А кто его не знает? Только рановато для нее, — он посмотрел на часы, — туда если только часа через три идти имеет смысл. Угол Сиверсова и Казанского, длинный такой дом двухэтажный. И там же казино «Двадцать один».

— А где пока пожрать можно хорошо? Чтобы на воздухе, например?

— К рынку идти лучше, там шашлычка есть неплохая. И там же чебуречная. Не отравят.

— Спасибо, воспользуюсь. К рынку как идти?

— Вот как направо из подъезда и первая улица снова направо. Там его видно будет.

Рано пока в «Сказку». Но мне не веселиться, мне по другому делу. Вчера вечером опять с операми встретился, они новостями поделились:

— Прокопьев Николай Макарович, тысяча девятьсот сорок пятого года рождения, уроженец города Кимры Калининской области. Впервые осужден в возрасте четырнадцати лет по статье сто сорок пятой УК РСФСР на срок четыре года, с отбытием наказания в колонии для несовершеннолетних. Освобожден в возрасте восемнадцати лет, на путь исправления не встал, администрацией характеризуется отрицательно. Три года погулял, затем еще срок, статья сто сорок шестая, разбой, группа лиц, срок семь лет. Вышел в семьдесят втором, провел на свободе четыре года. Переехал в Осташков. В семьдесят шестом снова сто сорок шестая, группа лиц по предварительному сговору, срок двенадцать лет. То есть на момент войны находился в местах заключения. Такой вот красавец. На родину вернулся, можно сказать. Приметы совпадают, шрам присутствует.

— А про других что-нибудь есть?

— Есть ориентировка на Прапора. Бывший военнослужащий,

прапорщик, предположительно авиация, служил в Мигалово. Появился на военной машине с кучей оружия, сразу в Вышнем Волочке. Замечен в окружении Зураба, есть там такой авторитет, по неподтвержденным данным — вор в законе. По неподтвержденным же данным у него какой-то заскок по женской линии, а под людьми Зураба есть бордель. То ли убил он проститутку, то ли что-то еще, но дальше о нем слышно не было. Для того, чтобы его свои мочканули, косяк маловат, но какие-то меры приняли, выходит. По приметам совпадает.

Вот, собственно говоря, и все мои исходные данные. То есть лучше всего Прокопа искать, то есть гражданина Прокопьева Николая Макаровича, рецидивиста. И кроме той самой «Сказки» зацепок у меня нет.

Улица, на которую свернул, называлась Красных печатников, что хотя бы радовало разнообразием после Торжка, но шашлычная нашлась на Карла Маркса. Двухэтажный домик из красного кирпича с двориком, во дворике столы с лавками под навесом. Пахнет как раз шашлыком и дымом. И людно, половина мест занята, все на солнце выбрались. Тощий носатый кавказец орудует у длинного мангала в углу, кругленькая такая молодая женщина столики обслуживает. Выбрал место так, чтобы можно было за улицей наблюдать, сел. Женщина почти сразу оказалась рядом. Попросил пива и четыре шампура свиного. Пиво принесли быстро, в знакомой классической кружке вроде тех, в которые у бочек разливали в мирное время. А минут через пять и шашлык был готов, его тут впрок жарили, похоже, а не под конкретный заказ. И оказался он неплох, и мясо хорошее, и зажарили с корочкой.

За спиной рынок шумит, из окна шашлычной музыка слышна, лезгинка, пластинки крутят. Тут электричество есть. Откуда? Да оттуда же, откуда и у всех, с паровоза наверняка. Страна специально в особых местах накапливала отработавшие свое паровозы как раз на случай больших катастроф, а превратить его в электростанцию никаких трудов не составляет. Вот если по всему городу света нет, а только пятнами, то это и значит, что паровозы приспособили. Статистика уже такая. А так приходилось уже всякие видеть, паровые машины местами строят и от них генераторы крутят.

Сильно пьяный мужик вдруг поднялся из-за соседнего столика и пересел неожиданно ко мне.

— Здрав, — дыхнул он на меня перегаром.

— Привет.

Я решил в бутылку не лезть, потому как просто пьяный человек, обознался, может быть. А так колоритный персонаж — волосы космами,

бакенбарды и усы, такие на сельских танцах первыми кавалерами были в свое время. Замшевая куртка, на нее отложной воротник рубахи выпущен. Та чуть не до пупа расстегнута, открывая на забитой партаками груди золотой крест. При делах фигурант, не просто так. Может, и послушать есть смысл.

— Чё, как жизнь?

— Да помаленьку, как раньше.

— Не видел тя тут давно. — Мужик попытался на мне сфокусироваться.

— Уезжал, дела были. У тебя как дела?

— Да н-нормально. — Тот излишне резко кивнул, так, что чуть не завалился на стол. — Поднимаемся малехо.

— Чем сейчас занят?

— Да все на базаре. — Он качнулся назад, но удержался за край стола, благо тот в землю вкопан. — Бабки собираем с купцов. Н-нормально все, живем. Кантовка галимая, а не жизнь.

— А с утра чё празднуешь?

— У кента деньрождение, отметили малехо. Да нормально, — махнул он рукой. — Сима! Симуль! — призвал он фициантку. — Плесни нам с кирей по кругалю еще, л-лана?

— Сделаю, Петь, — кивнула та и пошла в шашлычную.

Петя тут пасется постоянно, что объяснимо, если он на базаре налог собирает. А Сима не просто так, а «чья-то», потому что держится уверенно, не боится, что Петя спьяну забыкует. Впрочем, тут все чьим-то должно быть, место торговое, денежное. Кстати, интересно, как Петю корефаны гонят? Не должен он быть погонялом Петя, звучать нехорошо будет.

— Потом чё думаешь?

— Да к шалавам потом, чё еще.

— В «Сказку», что ли? — попробовал я подвинуть разговор в полезном направлении.

— Да ты чё, — Петя снова покачнулся. — «Сказка» кучеряво, но не в мазняк, там все лавэ спустишь, Бачила цены ломит. У кири хаза, туда. В буру скатаем, кайфу шмыгнем, сосок привезут. — Петя утер тыльной стороной ладони слюни с губ, снова поймал меня в фокус. — Кент раз сам в «Сказку» пошел, датый был сильно. Там кругалю поднесли и он, прикинь, враз закинул. Зенки как открыл — а сам, прикинь, на улице лежит. Ни гаманца, ни волыны, калган трещит. Он к ним, а там ему типа чё кипишишь, ты тут бычил, мол, шмаре в нух втер, берегов не видел, в долг катать хотел, чуть не на фуфел божился, а он четко помнит, что кругаль —

и все. Так ваще кони шаркнуть мог, не предъявишь. В «Сказку» ходить — судьбу дрочить. Ну, если тока с кентами, тогда ладно.

— А, ну верно. Слушай, а ты Прокопа ведь знаешь? — наугад набросил, попутно открыв портсигар и предложив Пете папироску. Тот не отказался, заломил втройную по-блатному, прикурил с моей зажигалки, чуть хлопнув по руке в благодарность.

— Прокопа? Из этих, с Пригородного?

— Шрам еще тут, — показал я пальцем. — Прокоп, Прапор, Саид, Шига... эта вся шобла.

— Ну да, на Пригородном живут, — Петя опять опасно кивнул. — А чё за него?

— Да дело к нему, а дом его забыл.

— Не в курсе за дом, не был у них. Отморозки в натуре. В этом, в «Медведе» полукайся, они же там часто. Я бы не кентовался с ними, Прапор с города винта не зря нарезал, вообще не кажется.

— Я краем уха только... а чё там со шмарой вышло?

— Прапор их душить любил, когда шпарил, — Петя гыкнул. — Ну и удавил одну ваще для кайфа. Его на лавэ выставили, он башли зажал, беса гнал, короче, спросили, как с гада, взяли с него, что было, он потом год ливера лечил. А потом да, с Прокопом закентовался. А так сам прикинь, какой босяк такого подберет? Не, я бы... спасибо, Сим, — Петя отвлекся на две кружки, которые официантка выставила перед нами.

— Медицины они недавно взяли много, Монголу толкнули, слышал. Башлей взяли нормально.

— Не в курсе.

Петя вроде как чуть напрягся, поэтому тему развивать не стал.

Там за столом еще четверо сидит, на нас поглядывают. Такие же пьяные, а пьяный бандит вообще вещь опасная, не надо их на лишние мысли наводить. Но Петя, похоже, уже сам забыл, что гнал. Пива хлебнул и вообще о чем-то своем начал, я уже половину слов не разбирал. А потом один мужик, высокий и толстый, позвал его:

— Сивый, ну чё завис? Извини, чисто по-братски, — тут же повернулся он ко мне. — Ждут нас, а Сивый, если начал, то до утра пробазарит.

— Нормально все.

И действительно, заполучив Петю обратно, компания сразу поднялась и пошла к выходу из шашлычной. Сивого больше всех штормило, остальные вроде лучше держались.

Не знаю, за кого меня Сивый принял с пьяных глаз, но что-то полезное

сказал. Карту Вышнего я изучал перед отъездом, так что знаю, что такое Пригородный — поселок в паре километров от города, пригород и есть. То есть банда Прокопа там базируется. И «Медведь» этот самый... не знаю, что это, явно заведение какое-то, надо уточнить будет. Только не здесь, тут уже лишнее. И вообще тут лучше не маячить больше, потому что если Сивый назовет братве своей, за кого он меня принял, то те и удивиться могут, если кто-то в курсе реальности. Так что рассчитываюсь и валю отсюда.

И да, погулять пока надо по городу, посмотреть, как тут и чего, а заодно — куда бежать, если что не так пойдет.

«Медведь» оказался вроде как ресторанчиком на первом этаже старой трехэтажки на Казанском проспекте. Тут вообще все значные места собраны на довольно небольшом пяточке, как я заметил. Успел погулять, примерно прикинул, что здесь как. Окраины и частный сектор своей жизнью живут, развлечения все тоже более или менее на пяточке собраны, набережная Цны со всеми ее старыми особняками — вроде как «воровской куток», тут, похоже, все сильные мира вышневолоцкого живут. Заборы, ворота, охрана, каждый отгородился и жирует в персональном пространстве. Машины у домов все больше «Волги», а кроме них, даже «чайка» одна попалась. Не ошибусь, думаю, если предположу, что она раньше возила первого секретаря Калининского обкома Леонова. Других «чаек» в области не было. То есть сразу видно, что власть живет тут.

Никаких войск или милиции в городе видно не было. И, как опера просветили, порядок поддерживался «естественным образом», не было никого, кто не платил бы налог кому-то. А получатель налога защищал плательщиков. Беспредельщиков, которые гадили, где едят, вычисляли быстро и карали жестоко. Даже изобретательно подчас, поэтому хоть совсем тихо в Вышнем и не было, но все же и беспредел на улицах отсутствовал. Случались войны между бандами, но «гражданских» они обычно не касались. Впрочем, подобную структуру общества спасало еще то, что агрессивных соседей не имелось. А на мой взгляд, если правильно все сделать, всю эту бандитскую власть можно за один день к единому знаменателю привести. Как? Да очень просто: если ночью тихо зайти в город с неконтролируемых направлений, а под утро разом выбить всю бандитскую верхушку. Охрана у заборов не поможет, если решительно

взяться. А вот что потом будет... от многого зависит.

Но только не уверен, что приготовления к подобной операции незамеченными пройдут. Готов на что угодно спорить, но у бандитов в Торжке и районе агентуры хватает. Как только начнут силы там собирать, кто-нибудь даст знать. Милиции и вояк мало, все больше на ополчение ставка в случае большой заварухи, а ополчение за пять секунд в ружье не поднимешь и куда надо не перебросишь.

А нужно тут вот так сразу ополчение? Хватило бы нескольких групп толковых бойцов, если ударить неожиданно. Выставят городки района по паре взводов, и вот уже две роты набралось. Такие силы у них есть, и вот ими можно действовать очень оперативно. Или тамошней власти Вышний нужен зачем-то? Ну да, торговля, тут и стекольный, и лесопилки, и кирпичный, и хлебозавод, но ведь это все и без бандитов работать может? А вот развлекаться сюда точно ездят, те же купцы торжокские. Не могут не ездить, тут деньги веселей тратиться должны. То есть вот тебе и потенциальная агентура. И не обязательно сами купцы, их-то как раз купить сложнее, а человека простого, кто, например, приехал да в местном катране все свои пречистые спустил, можно и на крючок подцепить. Простенький такой, начать платить ему понемногу, он и рад будет.

Очень даже допускаю, что за такими, кто часто сюда ездит, и пригляд есть, просто опера торжокские не всем со мной делятся. Только что дальше там делать собираются? Я бы на их месте все же подумал о том, что местную вольницу разгонять нужно.

Сам городок обходился быстро, заселен он, наверное, не больше чем на треть от бывшего, так что окраины жались к центру. Много домов пустых, ветхих, развалившихся. Даже в центре вот дом жилой, а вот рядом пустой, натуральная руина. В многоэтажках, похоже, вообще не живут особо, стекла выбиты, разве местами окна фанерой или чем еще забиты. Лифты не работают, на девятый не поднимешься, а жить среди пустых квартир даже страшно, пожалуй. Те же хрущевки понаселенней выглядели, а так все больше частный сектор жилой. С деревянным домом со своей печью справляться теперь проще. Впрочем, это не только Вышнего касается, везде так. Торжок за счет того, что многоэтажек нет, даже менее запустелым выглядит.

В «Медведь» я не торопился. Решил, что если и появятся там нужные мне лица, то не раньше вечера. Подобная публика поздно встает и поздно ложится, а до того времени делать мне там нечего. Если не увижу никого, то аккуратно расспросить попробую, может, что и узнаю. Не узнаю — подумаю, как их найти в Пригородном. Даже не думаю, что так уж сложно

это сделать, потому что по карте поселок выглядит маленьким, а если там банда масть держит, то занимать они должны лучшее место и никак иначе.

Еще подумав, решил с Пригородного и начать. Еще даже пяти нет и если найти машину туда, то вполне можно позволить себе потратить пару часов на осмотр места. Осталось только сообразить, где машину взять. У вокзала таксистов точно нет, кого им там дожидаться? У рынка? Вот может быть, вполне, там и люди денежные обретаются, и им куда-то срочно понадобится ехать... если кто извозом занят, то рынок для него первейшим местом будет.

Или просто пешком дойти, не привлекать лишнего внимания? Сколько дотуда? Километров пять, если карту правильно помню? Час ходьбы. Но если еще потом в «Медведь» идти, то еще час. Нет, все же лучше машину взять. Пусть докинут не именно туда, но поблизости. Только куда? Как место назвать? Хоть карту я и изучал, но там больше названия улиц, а что на них... Ладно, пусть до конца улицы Шмидта довезет, дальше сойду и пешочком. А зачем мне туда — не его собачье дело.

У рынка я машину нашел сразу. Тот самый рафик, что вез меня со станции, чему совершенно не удивился. Водитель на этот раз курил, сидя в кабине.

— Как калым, друг? — спросил я, заглядывая в окошко. — Фартовый день?

— Только с тобой и пофартило, — ухмыльнулся он. — Могу за чирик в «Березку» подвезти, если хочешь.

— В «Березку» мне не надо, а вот за пятерку до конца Шмидта — вполне.

— Так туда дальше.

— Зато дешевле, — возразил я.

— Ладно, садись, — он показал на пассажирскую дверь спереди. — Хоть за бензин верну.

— У тебя что, рубль на километр уходит? — поинтересовался я, забираясь в кабину.

— Да почти. Страшные деньги. Паша, к слову, — вдруг представился он.

— Жора, — ляпнул я первое имя, что в голову пришло. — Поехали, Паша?

— А что там на Шмидта? Там в конце и не живет никто.

— Чуть не доезжая заправки, высадишь, — вспомнил я обозначение с карты.

— А чего там? — удивился он. — Там разве собаки бродячие бегают.

— Паш, это уже моя проблема, верно? Надо.

— Да я чё? Ничё, — водила стушевался.

Ехать тут кругом недалеко, добрались быстро. Паша пару раз пытался завязать разговор, но без особого успеха. Любопытный больно. А место тут и вправду безлюдное, и навстречу ни машины, ни телеги, ни человека не попало. И даже дорога не слишком разбита, потому что сюда и не ездит никто, наверное. Дорога отсюда на Максатиху идет, а там «цивилизованный мир», Бежецкий район, да и далековато.

Когда в поле зрения показался остов сгоревшей заправки, я сказал:

— Вот здесь.

Рафик остановился, Паша получил свою пятерку, спросил:

— Заехать, может, потом?

— Не надо, отвезут, — отказался я.

— И кому тут возить? — хмыкнул он, но я уже захлопнул дверцу и зашагал в сторону заброшенных деревянных домов.

Заросло все, крыши просели под снегом, заборы завалены. Стекол вообще нет, их просто вытащили отсюда, наверное. Оглянулся — рафик уехал. Ну и хорошо. Все же, наверное, стоило пешком идти. И уж меньше всего надо было ехать с этим самым Пашей, который знает, что я из Торжка приехал и в «Березке» остановился. Неудачно получилось, а я не дотумкал вовремя. Ошибка.

Прошел в сторону озерца, свернул на перпендикулярную улочку. До Пригородного отсюда рукой подать. Странно, что Прокоп со своими здесь обосновался. Хотя... как обоснуешься. Бандиты в городе, как я прикинул, живут кодами. Старшие, поблатней которые, в особняках обитают, похоже, с охраной или самыми семейниками. А какие под ними пониже, те тоже стараются селиться недалеко. А вот как можно в совершенно пустом и заброшенном месте жить? Занять целиком дом, лучше дом с территорией. Банда Прокопа не то чтобы в авторитете в городе, как я понял, так что им даже удобней так может быть, на отшибе, вроде как сами по себе. Есть банды, что и по соседним деревням живут, те самые «зеленые», беспредельные, им так проще, потому что в случае косяка очередного местный «воровской куток» их к ответу не подтянет. Могут просто и не узнать ничего. А эти, как я понимаю, где-то посередке между дикими бандитами и «мафией» местной существуют.

Через частную застройку вышел к двухэтажкам из серого силикатного кирпича. Тут таких с десятков, наверное, но все выглядят пустыми и заброшенными. Ну и размародеренными, даже шифер с крыш снят, окна с рамами выдернуты. Побродил между них, вышел к воде, где обнаружил такое же заброшенное автохозяйство. Гаражи без ворот, несколько грузовиков, от которых только рамы остались, в управлении ломаная мебель, как я через окно увидел.

Дальше надо идти или на ту сторону шоссе.

Нужное место я нашел на дальней окраине Пригородного. Шел через кусты вдоль дороги, чтобы не маячить, и увидел одноэтажный домик с вывеской «Почтовое отделение», в котором окна были кирпичом заложены. И рядом глухие железные ворота. Присел, присмотрелся.

Вот оно что... За почтой двухэтажка, и от почты к ней забор тянется из железного листа. По диагонали, то есть так не бывает, это потом пристраивали. И по верху забора, как и по воротам, «егоза» протянута. Дальше ворота упираются в кирпичный гараж на два бокса, а за гаражом еще какая-то административная двухэтажка видна. Скорей всего, это они и есть. Но лучше присмотреться.

Я прошел дальше, чтобы шоссе ввиду окон не переходить, там рощица, да еще и с густыми кустами, так что перебежал туда. Ну да, задняя стена гаража, там уже добротный бетонный забор, из плит, причем «прямым углом», то есть всегда тут стоял. Но тоже с колючкой сверху. В обеих двухэтажках все окна целы, некоторые открыты настежь. Ну да, тепло сегодня. Когда прошел дальше, то увидел, что окна конторского домика снаружи тоже заложены, несколько бойниц на втором этаже осталось. Ты глянь, крепость себе натуральную устроили. За конторой бетонный забор снова перешел в металлический, замыкавшийся на жилое здание. Полноценный периметр, разве что без ума строенный, потому что подступы толком ниоткуда не просматриваются. Или это не для обороны, а для того, чтобы изнутри кто-то не сбежал?

Забрав к самому берегу, я описал полный круг, обходя бандитскую крепость, и на этот раз засел за остатками еще одного бетонного забора, по этой же стороне дороги, откуда через щель и сквозь заросли репейника можно было наблюдать за въездом. Не самый лучший угол, но меня тут точно не обнаружишь.

И жизнь на территории есть. Стук какой-то раздался, потом два мужских голоса перекликнулись. Слов не разобрать, но не ошибешься. Я вытащил из оперативки ТТ, убедился в том, что патрон в стволе, сунул обратно. Автомат бы пригодился сейчас, на всякий случай, но автомат в

гостинице. Пойти за ним и вернуться обратно? Может, и не такая плохая идея, но все вместе километров десять получится, а я сегодня и так набродился. Устану. А с другой стороны, и черт с ним. И еды бы надо набрать, потому что сидеть мне здесь, скорей всего, придется долго. Да и позицию другую можно выбрать, хотя бы на чердаке вон того пустующего дома на той стороне дороги, поодаль. Даже не дом, а сарай какой-то кирпичный, но с чердаком. Как раз все просматриваться будет. А у меня и бинокль есть. В мешке, понятное дело.

Удачная мысль не всегда приходит опосля, иногда и пораньше. На этот раз она меня посетила, едва я дошел до Казанского проспекта, где увидел велосипедиста — молодого парня, неторопливо накручивавшего педали и еще что-то насвистывавшего попутно.

— Друг, извини! — окликнул я его. — Поинтересоваться хочу, где велик можно взять?

— Ну... на базаре, — чуть подумав, ответил он.

— Почему они там стоят?

— По полтосу. Ну или больше.

— За сколько этот сейчас прямо продашь?

— Сейчас? — парень поразился. — Не, самому нужен.

— Дойди до базара и новый себе возьми. Еще и наживешься. Сколько? Восемьдесят хватит?

Парень задумался, потом вдруг спросил:

— А стольник не дашь?

— За стольник я сам дойду.

— Ну... а, ладно, давай восемьдесят.

— Считай, — я сунул ему деньги. — И слезай с велика.

На том и разошлись. Парень потопал в обратную сторону, а я рванул к гостинице. И вскоре забрал из камеры хранения свой мешок и автомат, который в этот самый мешок и сунул, чтобы внимания не привлекать. Администратор, все тот же «джинсовый», меня ни о чем не спросил. Деньги вперед плачены, так что на все плевать, а за хранение я тоже отсчитал.

Закинув мешок на багажник и аккуратно привязав, я закрутил педали в обратном направлении, по пути заскочив в магазин, где купил хлеб, колбасу и налил воды во фляжку. И меньше чем через полчаса оказался на нужном месте, без шума мотора и почти не устав. Тут, к счастью, местность плоская, подъемов нет, так что этот самый «Минск», какой у меня еще до Этого Самого был, ехал легко, бывший хозяин смазывать его не ленился. Заехал за дом, который приметил, тихо вошел, поднялся на чердак по скрипучей разошедшейся лестнице, хорошо, что не развалилась подо мной.

Присел у торцевого оконца, открыл рюкзак, вытащил автомат. Скрутил с него пламегаситель и на это место накрутил длинную трубу глушителя. Не штатного, разумеется, у нас точили, но работает хорошо. Приложился

пару раз, заново привыкая к балансу. Как в кино про шпионов не будет, патроны у меня обычные, но глушит все равно неплохо.

Затем снял кобуру с ТТ, положив в мешок, а вместо нее нацепил другую, брезентовую, в которую всунул «марголина», причем тоже с глушителем. Вот с ним все как в кино, только слышно, как затвор щелкает, когда стреляешь. Патрончик слабенький, мелкашка, но это если не в голову. А если в голову, то все без разницы.

Ну и бинокль. «Без-П... звезды-Цейсс», БПЦ то есть. Теперь и понаблюдаем. Что за мной? Стропила, просевшие листы кровли, лохмы утеплителя. Нормально, на таком фоне и специально-то наблюдателя не разглядишь, мешанина.

Отсюда, пусть и всего лишь с высоты чердака, видно больше. Жилая двухэтажка задней стеной тоже в периметр выходит, не хотели окна закладывать, наверное, живут бандиты там. Во дворе грузовик, не пойму какой, из-за угла только край кузова торчит. Может быть, и больше машин, но здание закрывает двор. Да, голоса время от времени слышны, а пару раз к одному из окон подходил человек, курил, сидя на подоконнике. По приметам я его не опознал, кстати. Худощавый, жилистый, без рубашки, видны татуировки, хоть и не слишком обширные. Может, даже и не блатные, не разглядел.

Плечо с рукой опять некстати разболелось. Опираюсь на него, забываю, а потом прихватывать начинает. Сменил позу, сдвинулся. Где там солнце? За спиной давно, от бинокля бликов не будет. Да и не нужен он пока особо, дистанция-то маленькая, близко я сижу, метров сто пятьдесят до ворот.

И что дальше с ним делать? Штурмовать в одиночку? Не думаю, что получится, хоть мысль по-своему свежая и интересная. С винтовкой отсюда тоже много не навоюешь, снимешь одного в окне, да и все, остальные спрячутся. А то и подмогу вызовут, вон у них антенна на крыше, вполне рация может там быть. А батареи заряжают от генератора.

Дым из трубы. Топят? Нет, тепло, готовят, скорей всего. Или баню топят, хоть и сомневаюсь. Подогнать бы грузовик с тротилом или даже селитрой, и рвануть. На этом бы все и закончилось. Но вот нет у меня уверенности в том, что хорошо так получится. Почему?

Да просто очень. Это бандиты. И все это хозяйство убирать сами не будут. Не дневальных же им назначать. А «егоза» так висит, что больше прикрывает стену изнутри. То есть там и гражданские могут быть, причем не добровольно вовсе. И готовит им кто-то, скорей всего. То есть взрыв отменяется, хоть и нет у меня ни грузовика тротила, ни грузовика селитры.

Грех на душу не возьму.

Прошло еще с полчаса, и ворота неожиданно открылись, выпустив со двора две машины, белую жигулевскую «шестерку» и следом желтую «двойку». Машины полные, обе, лиц не разглядеть, но точно человек десять выехало. Это сколько же их там всего получается, за забором этим? Не шестеро вовсе? Ну да, если шестеро в рейд ходило, кто-то должен был и на охране и обороне вверенного объекта оставаться. Мог бы и сам раньше сообразить. И сколько их там осталось сейчас?

Машины уехали, вскоре и звук моторов растворился в вечерней тишине. Снова курильщик в окне появился, уже в свитере, потом окно закрыл. Попрохладнело. Самому курить захотелось отчаянно, но потерплю. Правда, отвлечься на секунду все равно придется, отойду в уголок чердака отлить. Но я быстро.

Как же мне до вас, тварей, добраться? Если вы так по вечерам в город отдыхать катаетесь, можно что-то на дороге придумать, тут ям и выбоин хватает, вполне себе реально фугас закопать. Занять хорошую позицию, и кто выживет сразу, того из СВД добить. Это можно. Но всех так не изведешь.

И кто такие «все»? Кто навел банду на груз лекарств, которые стоят в наши дурные времена бешеных денег? Не приходилось видеть, как человек от столбняка умирает? А мне приходилось. Врагу не пожелаешь... хотя нет, именно этим я бы именно от столбняка или бешенства загнуться пожелал. Именно так. Или хуже. От проказы.

А кто купил лекарства? Монгол? А может, он и нападение это заказал? Как информация пришла? От кого? Такая тварь среди своих страшной любого бандита. Тогда почему Монгол должен жить? Почему он платить не будет? Неправильно это.

А те, кто правят городом, которые таким Монголам жить и дышать дают, они к этому как? Беспредел сдерживают, на Торжокский район нападать не дают? Так это просто инстинкт самосохранения, не больше. Если бы обратки не ждали, то они бы там каждый день гуляли. Помойный это народ, нет у них человеческих границ, а те, что есть, только на страхе и жадности держатся.

А ведь если с людьми толковыми прийти, то «крепость» эту штурмом взять как плюнуть раз. Подходы закрытые, у забора мертвые зоны, от ворот до входа в здания рукой подать, две секунды перебежки. И даже подмога из города, если такая случится, добраться не успеет. А на подмогу как раз можно и фугас заложить, чтобы всем весело стало.

Не справлюсь тут один, точно не справлюсь. Будто надеялся

справиться. Нет, не надеялся особо, я пока на разведку сюда приехал. Найти их, посидеть, посмотреть, подумать. Вот и думаю. И пока не придумал ничего.

Из Грязовца людей привезти можно. Там это нападение не забыли, поедут люди. Только не знаю, как на это в Торжке посмотрят. Может, и не захотят проблем. Но можно им и не говорить, окольными путями добраться. Но если на торжокский патруль нарвемся, то придется объясняться.

Центральная власть, ау! Где вы, когда так нужны? Почему не спешит сюда Красная Армия разгонять бандитский вертеп? Нет армии? Или есть, но недостаточная, чтобы сразу за всеми такими местами уследить и с каждым разобраться? На самом деле именно так и есть. Мало, техника изношена, а мест поганных по стране много развелось. Им не справиться, а нам на дядю лучше не рассчитывать, проще в деда Мороза верить.

Кого-то я могу из них найти в городе и завалить аккуратно. Вон из «марголина», пук в башку, да и все. Но всех так не заминуешь, это однозначно, даже рассчитывать на подобное не следует.

Выманить куда-нибудь? Подкинуть наводку? И куда-нибудь к Грязовцу? Это долго готовить надо, легенда нужна, да еще и проверяемая хотя бы наполовину, а пока у меня ее нет. И опять же поедут исполнители, а главные получатели выгоды с разбоя и убийств будут тут жить припеваючи. Задвухсотим этих, наймут других в следующий раз, делов-то. Корень этого зла тут, в Вышнем, его рвать надо как гнилой зуб, а некому и нечем.

Стемнеет совсем скоро, особо не понаблюдаешь. Но все равно надо машин дожждаться, пусть вернутся. Привычки их прикинуть хотя бы. Они товар сдали, денег много, гудят теперь. Интересно, а на хозяйстве кого оставляют? Самых молодых или жребий какой тянут? Может, и жребий, но среди шестерок, однозначно. Кто поблатней, тот не останется. То есть вся верхушка в Вышний выехала, в «Медведе» или в той же «Сказке» отрывается. А Прапор с ними, интересно? Или ему туда ходу нет? Да нет, если по своим местам, то катается, не лезет просто в те места, что под Зурабом, да и все.

Калитка в воротах вдруг приоткрылась, из нее выскользнула какая-то фигура. Я схватился за бинокль. Женщина. Прижалась к забору, огляделась нервно, а потом припустила к той самой роще, по которой я бандитскую базу обходил. Сбежала, что ли? И что мне сейчас делать? Прикрыть огнем? Из «ксюхи» я на сто пятьдесят достану, а дальше что? Мне ей не махнуть и сигнала не подать, да и как она на все эти сигналы отреагирует?

Вижу ее, она в светлое одета, за кустами мелькает. Остановилась

вроде... так, в сторону дороги кинулась, замерла. Потом перебежала, оглядываясь по сторонам, уже на эту сторону. Куда дальше? Опять в кусты, оттуда к заброшенному длинному сараю, цех там какой-то был, похоже, кинулась сразу за угол. А из калитки мужик с автоматом выскочил, башкой крутит. Точно, сбежала она оттуда.

Не трогая рюкзака, рванул к лестнице, скатился по ней вниз, в длинный и темный сарай с заваленными воротами в торце, кинулся к ним бегом.

Куда она дальше рвануть может? Наверняка просто попытается как можно дальше уйти, не рискнет прятаться. Побежит вдоль того цеха, а там еще один и дом большой одноэтажный, а если за них забежать, то дальше уже лес. Именно туда и кинется, хоть и зря. Надо ей было к берегу чесать, оттуда в лес заскочить проще, а дальше уже по нему. Хотя... леса там всего полоса, я же карту помню, а вокруг застройка всякая вразброс, и везде дороги. Перехватят.

Пока думал, успел выбежать из сарая и оглядеться. Вроде мелькнула она в просвете между теми самыми цехами. Да, точно в лес собралась, но мне отсюда ближе, я на перехват, как раз к тому дому и из-за угла ее засеку.

Дернул со всех ног, что сил было. Мне бы самому открытый кусок как можно скорей пересечь, пока погоня на машине не образовалась, пусть не знают, что я тоже здесь, я сейчас как козырь в рукаве, а если засекут, то буду уже и не козырь, а не пойми что. Остаток забора, заваленный деревянный сарай, вон и дом нужный, тоже какое-то управление бывшее, с этой стороны промзона. Сюда, к стене, вдоль нее к углу, дышать потише, не топтать. Она через открытое не побежит, просто на инстинкте пойдет вдоль стены, прямо ко мне.

Замер. Слышно, как в тишине где-то мотор заработал, ворота гулко ударили — выехала погоня, будут искать. Где искать? Да вот примерно тут я бы искать и начал, самый очевидный путь для бегства.

Шаги совсем рядом, звук ко мне по стене идет, дыхание громкое, истеричное даже. Близко совсем, вот тут уже.

Женщина выскочила из-за угла, и я тут же ее сгреб, безжалостно ухватив в захват за шею, заткнул рот, прервав уже созревший вскрик, прижал к стене.

— Тихо! — прошептал я прямо в ухо. — Тихо! Свои! Милиция! Не ори! Да тихо ты. — Я дернул ее на себя, потому что «добыча» попыталась вырваться и даже пнуть меня ногой. — Заткнись, а то поймают тебя сейчас. Будешь орать? Можно руку убрать? — Я чуть отодвинул ладонь, открыв ей рот.

— Ты кто?

Самый важный вопрос, точно. Необходимейший.

— Милиция, сказал же. Все, не дергайся, сейчас отпущу, только бежать не вздумай.

Я сделал вид, что отпускаю, она тут же попыталась вырваться, пришлось ее снова прижать и даже чуть придушить.

— Побежишь — нас обоих убьют, поняла? Дура, блин! Стой смирно, некогда мне с тобой драться.

— Пусти, заору! — это шепотом, но угроза гениальная.

— Ага, заори давай, здорово придумала. Замри, мать твою, дура! — уже зарычал я. — Замри просто! Машину слышишь? Это за нами.

Вроде подействовало, трепыхания сменились ступором.

— Сейчас отпущу. Не побежишь? Орать не будешь?

Она замотала головой.

— Тогда просто замри, поняла? И слушай меня, некогда нам уже друг с другом разбираться.

Машина правей, недалеко совсем. Тут от шоссе проезд и как раз с перекрестка поворот в эту сторону. И крыльцо дома, к которому мы прижались, тоже на эту.

— Давай, за мной, — я просто схватил ее за руку и потащил следом. Она чуть уперлась, но все же побежала.

Я подтащил ее к выщербленному бетонному крылечку, втолкнул перед собой в дверной проем, заскочил следом.

— Замри, будь рядом.

Выглянул аккуратнo. Затем огляделся. Большая комната вроде вестибюля, на окнах решетки «солнышком», на стенах какие-то стенды, ударники труда на них висели, небось, с обязательствами на пятилетку и решениями съезда, которые в жизнь, наглядная агитация. У стены ряд стульев с откидными сиденьями, как в кинотеатрах.

— Теперь слушай, повторять некогда. Слушаешь?

Она кивнула. Тут уже темновато, даже разглядеть не могу ее толком, но кивок вижу.

— Встань к двери, так чтобы тебя заметить можно было. Как машина покажется на перекрестке, дай им тебя засечь. И сразу забегай сюда, вон в тот угол. И садись там, пугайся изо всех сил, можешь даже заорать, понятно? А я тут буду, — добавил, показав на угол у двери. — Поняла? Поняла, а? Некогда уже думать!

Поняла, опять закивала.

— Тут стой, — я чуть вытолкнул ее на крыльцо. — Чтобы точно

заметили. И сразу внутрь. — Я сбросил предохранитель автомата. Этот звук, как мне показалось, ее чуть-чуть успокоил, хоть и все равно трясется. Не фигура речи, колотит ее. — Стой, стой, жди... я прямо здесь, все будет хорошо, скоро домой поедешь...

Звук мотора близко, затем скрип тормозов, чей-то радостный свист. Не знаю, сколько их там, нет возможности выглянуть, но меня здесь они точно не ждут, так что не все так плохо, не все...

Женщина аж всхлипнула с перепугу, дернулась, потом заскочила в дверь.

— Не стой! — Я подтолкнул ее в нужном направлении. — Туда! Чтобы все их внимание на тебя!

Тут угол темный, я сам в темном, а добыча вот она, рядом, они ее уже поймали. Все должны зайти, сколько бы их там не каталось. Все припрутся, не удержатся, никто никакого охранения выставить не будет, тут им самый кураж.

Машина подкатила к двери, снова скрипнули тормоза, открылись дверцы. Две. И голосов два.

— Светуль, ну куда бежишь? — крикнул молодой мужской голос еще на подходе. — Я чисто жениться хотел, а ты свинтила. Не, так у нас любви не будет.

Двое. Я уже успел сменить автомат на «марголина».

Шаги совсем рядом, а женщина, жалко сжавшаяся в углу, крикнула, громко и отчаянно:

— Не подходи ко мне, сволочь! Не подходи!

Чудесно, замечательно, идеально.

Шаги на крыльце, в дверь сразу двое, смотрят только на нее. Оба с автоматами. У одного в руках, у второго на плече стволом вниз.

Двумя руками вскинул пистолет, потянул спуск. «Марголин» хлопнул негромко, так же негромко лязгнул, выпустив маленькую свинцовую, подsverленную мной самим для большей убойности, пулю в затылок ближнему. И тут же следом я всадил еще две пули в голову второму, тому, что с автоматом в руках, он даже поворачиваться не начал еще.

Два тела мешками свалились на грязный пол, брякнуло железо. Я рывком выглянул на улицу, но увидел там только пустую «ниву» с открытыми дверями. Нет в ней никого. Закинув пистолет в кобуру и схватившись за автомат, подбежал к машине, готовый расстрелять ее в решето, если в ней что-нибудь шевельнется, но никого не нашел. Двое было.

Когда вернулся в здание, женщина уже стояла на ногах. Эти не

шевелиются, но я все же снова достал пистолет и всадил каждому по пуле в затылок, чтобы быть совсем уверенным, а затем сменил магазин.

— Что стоишь? — спросил я. — Подходи, тут все уже. Сколько их всего на базе осталось?

— Не знаю. Просто калитку открытую увидела, ударила одного лампой и побежала.

— Сильно ударила?

— Он упал. — Теперь голос ее был совсем тихим, и отвечала женщина как автомат, без всяких эмоций. Отходняк пошел у нее. Но мне так пока и лучше.

У этих головы целые, если не считать крошечных дырок от мелкашки. То есть там кто-то еще сидит.

— Сколько в банде всего?

— Двенадцать. Нет, тринадцать.

Выехало десять, это я разглядел. Двое здесь. Там один, скорей всего, с разбитой головой. Или остальных охранять остался, или она его сильно приложила.

— А таких, как ты, сколько?

— Семь. Семеро нас.

— Где они сейчас?

— В подвале. Меня одну... — она не закончила фразу, но я все понял и так.

— Большие машины есть? Грузовик или что-то?

— Грузовик есть.

— На ходу?

— Наверное, не знаю.

Ладно. Перевернул один труп — а морда-то знакомая.

— Это Шига? — спросил я.

— Да, — все такой же автоматический кивок.

И трясет ее по-прежнему.

— А это кто? — я взялся за второго.

— Баклан.

— А кто остался?

— Прапор.

О, а вот это уже удача, наверное. А вот это точно должно быть удачей. Просто обязано.

— Собак нет?

— Нет.

— Тогда шмонаем двухсотых и поехали.

— Куда?

— Как куда? Пусть все сбегут, не одна ты. Не против?

Тут первые эмоции прорезались, она вдруг заплакала.

— Не реви сейчас, времени нет! — рыкнул я на нее. — Хватаем с этих барахло и в машину все.

АКМС и «весло» АК-74. Несколько магазинов. У Баклана еще и кошелек в кармане, а там триста с лишним рублей. Пригодится. Больше ничего путного, ножи какие-то, у Шиги ключи. Не знаю от чего, но прихватил.

— Все, погнали. Слушай сюда! — я даже прикрикнул, заставляя спасенную сосредоточиться. — Подъезжаем к воротам, ты сидишь в машине впереди, понятно? Я сразу в мертвую зону, чтобы из окна видно не было. Так, вот что сделаем, пожалуйста...

В машине козырек можно откинуть, если Прапор из окна смотрит, то лица не разглядит. А увидит куртку. И куртку-то я с приятеля Шиги сниму и на себя надену.

Прапор в окно смотрел, женщина его увидела, но когда подъехали к воротам вплотную, он уже скрылся. Вниз побежал, наверное. Так что я открыл дверцу и вылетел из машины сам, подбежав к воротам. Почти сразу с той стороны послышались увесистые шаги, с лязгом откинулся засов, одна створка отворилась от толчка.

— Светочка, ты вернулась? А я уже скучал, — послышался хриплый голос. — Заждался, можно сказать.

Затем Прапор выглянул за ворота и уставился в глушитель «ксюхи», направленный в него.

— Шагай назад, переставляй копыта, — сказал я. — К стене давай, руки на нее, ноги в стороны. Ну, ты в курсе.

Да, приметы совпадают, это именно он. А башка неаккуратно бинтом обмотана, Света ему неслабо приложила, похоже. Мало, правда.

— Ты чё, бык в загоне, гонишь? — не среагировал он сразу правильно.

— Завалю, козел, — сказал я тихо. — До одного считаю.

Тут он как-то сразу поверил в угрозу, похоже, потому что поднял руки, пятясь, отошел к гаражу и встал как сказано. Я пинками отодвинул его ноги от стены и раздвинул пошире, наскоро, но довольно тщательно обыскал, не пропуская тех мест, где сам предпочитаю прятать всякое опасное. Но нашел только кошелек, который выкинул пока на землю, и нож-выкидуху.

— Ложись харей в землю, руки на затылок. Света! — Женщина уже стояла в воротах. — Точно, кроме него, никого?

Если бы кто и был, меня бы уже пристрелили, но арифметика подсказывает, что тут все же пусто.

— Нет, уехали они.

— Веревку найдешь? Вон, с бельем срежь, — сообразил я тут же. — Нож возьми, — я ногой подтолкнул ей трофей.

Она подняла нож, бегом кинулась в угол двора, где на натянутых веревках сушились какие-то вещи, и через минуту вернулась, притащив моток бельевой.

— Попролам разрежь.

Дальше я поставил колено на шею Прапору, свел его руки за спиной и связал, не жалеючи. Потом и ноги смотал, повыше «адидасов», в щиколотках. Имеем теперь пленного, с кем можно беседы вести. Пристрастно. Совсем уже взявшая себя в руки женщина все это время, что я Прапора паковал, стояла рядом с автоматом. И держала достаточно сноровисто. Но теперь с оружием все умеют обращаться, жизнь такая, в школах с первого класса учат даже.

Прапор молчал, разве что когда руки стягивал, прохрипел: «Кровь же остановишь» — на что я ответил, что волнует меня это очень мало, но на всякий случай соорудил ему кляп из подобранной с земли тряпки, которую тоже закрепил веревкой, натянув через рот, чтобы не выплюнул.

— Люди где сидят?

— Вон в том доме, в подвале, — женщина показала на конторскую двухэтажку.

— Сама выпустить сумеешь? Ключи найдешь?

— Найду.

— Выпускай. Я машину пока загоню и ворота прикрою.

Время у нас пока есть, я думаю, так что место нужно осмотреть. Грузовик у них, да, имеется. ГАЗ-53 с бежевой такой кабиной и бортовым кузовом без тента. Это для внутренних нужд, отвезти-привезти, рейдовой у них «шишига» была, но мы ее отобрали. Еще УАЗ стоит, обычный военный, защитного цвета, с виду вполне свежий.

Попробовал ключи, что с убитого Шиги взял, к замкам гаражей. Открылись, не зря брал, значит. Один гараж складом оказался, причем у дальней стены стояло пятнадцать бочек с горючкой, на трех ДТ написано, там же с десятков полных канистр. Во втором нашелся еще грузовик, немецкая «ифа». Тоже с кузовом, да еще и с целым тентом. Слышал про него только хорошее, да вот запчасти где брать? Не полный привод? Присел, глянул — нет, обычный, задний. Тогда на «газоне» поедem.

Тем временем Света сумела отыскать нужные ключи, и из дома

выбежала сразу толпа народу. Четыре молодые женщины, тетка постарше, в теле такая, и мелкий мужичок неопределенного возраста, заросший бородой.

— Так, мужик, ты тут кем был? — спросил я первым делом.

— Механик, — ответил тот.

— Машину сам водишь?

— А то! — он вроде как даже возмутился от такого вопроса.

— Какой грузовик лучше? Чтобы по дороге не сломался?

— «Ифа», — ответил он уверенно. — У «газона» мост завыл, чинить надо.

— А бензин в каком есть?

— Везде под крышку. У этих правило такое. Не долъешь сразу — затрюмят, твари.

— Короче, хватай канистры, какие надо, и грузи в кузов. Ключи где от машин?

— Там все, — он показал пальцем на жилой дом. — Принесу щас.

— Давай, бегом, скачками! Гражданочки! — обратился я к женщинам. — Дом обыскать, все оружие сюда, вещи себе теплые найдите, ночь скоро. Еда в запас тут найдется?

— Целый погреб, — ответила тетка.

Точно тут кухаркой была.

— Тогда что можно с собой взять — тоже сюда тащите. И быстро, чтобы нас через десять минут тут не было, ясно? Я тут один, от банды не отобьемся. Все, бегом марш!

Суэта быстро обрела некоторую упорядоченность. Сам я в здание не заходил, наблюдал за дорогой. Одна из женщин было отвлеклась, начала пинать связанного Прапора, но я ее отогнал, пообещав, что времени на это у нее будет еще много.

Оружия у банды оказалось навалом, как и патронов. Притащили все, хоть и задержались. Это не трофеев ради даже, и не столько, чтобы беглецов вооружить, а больше, чтобы банда не рискнула сразу в погоню кидаться. В город они наверняка только с пестиками поехали, так что придется искать другие стволы. Так бы это место просто поджечь можно, но не хочу, потому что дым и огонь могут из города увидеть, недалеко тут, и раньше времени шухер устроить. Поэтому я просто расстрелял из «ксюхи» с глушителем моторы «газона» и «нивы», а потом еще и задние мосты, затем хотел было и уазик расстрелять, но в последний момент спохватился — пусть все же резервная машина будет. Потому как, если

«ифа» по дороге сломается, то дальше только пешком. Хотя это и не слишком удобно, нам бы лучше стрелка в кузове держать, то есть меня. Из женщин, как оказалось, машину никто водить не умел.

Нашли деньги. Не общак банды, если у них был такой, тот не обнаружили в спешке, но в комнатах набралось больше пяти тысяч. Одну я себе отсчитал, остальное отдал пленным, пусть делят, им как-то нужно пристраиваться в жизни. А так, если считать те, что я взял с убитого, я затраты на луазик почти что вернул.

В конторе на стене оказалась карта. Большая, в хорошем масштабе, с кучей пометок, причем довольно грамотных и понятных. И самой нехорошей из них была пометка в виде неровного эллипса, пересекавшего дорогу на Максатиху. Зараженная территория. Вот почему в ту сторону по дороге не ездит никто... И нам не нужно, потому что черт его знает, сколько там рентген сейчас, да и машины потом выбрасывать придется, если пыль на них сядет. И одежду. Тогда как же нам отсюда сваливать? Есть проселки, да все ведут куда-то не туда, больше на территорию Вышнего заворачивают, что нам никак не подходит. Есть дорога в объезд водохранилища, причем ведет прямо на дружественную территорию, но чтобы на нее попасть, надо проехать через весь Вышний Волочек и через КПП. Совсем без КПП тут не живут, там пост дозиметристов, контроль.

Есть просеки, но они уже давно зарости могли. Кто их теперь поддерживать будет в должном виде? Никто, верно. И речек мелких тут до черта, вся Калининская область ими как сеткой вен расчерчена. То есть если дорога запущена, проселок какой-нибудь, то и мосты могли давно сгнить и развалиться. И тогда все, упрямся.

Какие-то дороги ведут северней, можно бы вроде на Удомлю, а оттуда кругом, но там Бологое, и именно там заразы хватает, наземный взрыв был, на максимальное разрушение узла, а у наземных всегда осадки из того, у чего период полураспада долгий-предолгий.

Черт, тупик натуральный получается. В любом случае, если прорываться к западу, то можно бы проселками объехать Вышний... и уткнуться в Цну. И дальше только на мост, а мосты в городе.

Нет, только на Максатиху и до того, как достигнем пятна заражения, уходить к югу проселками. В принципе, если не заблудиться, то можно выйти аж за Лихославль, а это территория нормальная. Нет других вариантов. Будем застревать — будем дергать машины. Тросы есть. Застрянем совсем... ну, придумаем что-нибудь, нет у меня пока на этот счет никаких светлых мыслей, если честно.

Все, собрались, наконец, хоть в пятнадцать минут и не уложились.

Прапора так связанным в кузов «ифы» и закинули. При этом я пассажиров предупредил:

— Чтобы живой был, понятно? Мне он для допроса нужен. Все поняли?

Дождался ответа от всех женщин, хоть восторга от такой моей подачи они совершенно не выразили. Потому что именно Прапор был ими особенно ненавидим из бандитов.

— Успеете, — добавил я уже после опроса. — Смотрите, чтобы не сбежал. Все, по машинам! Света, давай ко мне в «козла», разговаривать будешь, чтобы я за рулем не заснул.

Бочки с горючим прострелены, из них течет, рации разбиты, все, что можно быстро испортить, — испорчено. В уазик я забросил найденный в доме ПКМ с четырьмя сотыми коробами и десятком цинков патронов. Туда же загрузил найденный РПГ-7 с выстрелами в портпледе. Свете вручил АК-74, из него проще стрелять, чем из акаэмов, и свалил в машину десяток снаряженных магазинов. Остальное оружие разошлось по рукам, и оставшееся свалили в кузов «ифы», накрыв брезентом.

— Слышь, тебя как зовут? — окликнул я механика.

— Витя.

— Витя, ты местный?

— Местный. За долги меня забрали. Теперь вообще завалят, если попадусь.

— Ты дорогу до... — я сверился с картой, — до Лугинино знаешь?

— Ну да, знаю, — он как-то не слишком уверенно кивнул головой.

— Тогда в голове пойдешь, понял? Давай, погнали.

А я тогда в хвосте. У меня теперь есть чем погоню шугануть, может, и получится. Пулемет с гранатометом — это не короткий ментовской автомат, это уже серьезно.

«Ифа», рыкнув дизелем и выпустив клуб вонючего дыма, выкатила за ворота первой, я следом. Пришлось, к сожалению, уже фары включить, поздние летние сумерки ушли уже в темноту, так, без света, ни черта не видно.

Витя машину водить умел, грузовик шел довольно быстро для такой дороги, и при этом в ямы не влетал, объезжал. Я посматривал на сидящих в кузове женщин, больше приглядывая за тем, чтобы они Прапора, не сдержавшись, на клочки там не порвали. И насколько успевал разглядеть, ему все же доставалось.

Ладно, лишь бы не насмерть, а так плевать.

Пока дорога оставалась терпимой, сказалось отсутствие движения.

Пусть трещины, пусть даже и ямы местами, но неглубокие, не разбитые колесами. Уазик шел бодро, несколько раз я немного отставал от грузовика, высматривая погоню, потом догонял и ехал сзади вплотную. По моим прикидкам для погони было рано, банда еще пьет в городе. Потом они вернутся, обнаружат, что остались без машин, оружия, топлива и связи, затем, скорей всего, попытаются найти помощь, а найти ее среди ночи не так просто, авторитет у Прокопа невеликий, в общем, до утра они, скорей всего, даже не выдвинутся. Нам бы на кого-то другого случайно не нарваться.

Хуже, если просчитают наш маршрут. Для умного человека сделать это не так уж сложно. И тогда нас могут попытаться перехватить где-нибудь на проселках. И это тоже завтра, так что ночь нам нужно использовать по максимуму, уйти как можно дальше, проскочить лучшие места для засад. Поэтому будем гнать, не жалея машин.

До Лугинино добрались меньше чем за час, среднюю скорость получалось держать около пятидесяти, что уже неплохо. Перед самой деревней свернули направо, на проселок, и пошли сначала через заросшие поля, а потом, к радости моей, въехали в лес. Тут хоть фары издалека не увидишь, а в поле ты с ними светишься так, что кажется, что из самого Вышнего разглядеть можно, даже с ближним.

Дорога, понятное дело, стало хуже, шли от двадцати до тридцати в час, не больше. Фары высвечивали лишь кусты и деревья по сторонам дороги. Поначалу в каждой тени чудилась засада, но потом успокоился. Некому тут засаживать, если и встретят, то намного дальше. Будут еще места, где дороги сходятся, а пока расслабиться можно.

Соседка у меня молчаливая оказалась, впрочем, это и к лучшему. В сон меня точно не тянуло, а разговоры только отвлекали бы. Она сидела и смотрела вперед, и, судя по глазам, была где-то не здесь. Но я за нее уже не очень беспокоился, женщина крепкая, когда нужно, проявляла активность, да и сбежать, дав Прапору по черепу, не побоялась. Разве что сказал ей разок:

— Ты повнимательней смотри, мало ли. — На что она кивнула.

Ну и ладно, нормально и так.

Подумалось, что я за суетой и не разглядел ее толком, а сейчас темно. Так встретишь потом на улице и не узнаешь. Из всех спасенных только Витя с кухаркой запомнились. Ладно, будет еще время познакомиться и официально представиться, нам бы пока сбежать как можно дальше.

От недавних дождей проселок раскис и нормально подсохнуть еще не успел. К счастью, лесная почва здесь больше песчанистая, настоящую грязь развести трудно, узик вообще без проблем проходил все лужи, да и «ифа», даром что заднеприводная, не пасовала, перла как танк. А в ней про запас еще и блокировка заднего моста имеется.

Прошло еще часа полтора. В темноте мы проехали через маленькую опустелую деревеньку без имени, то есть без всяких указателей, потом через такое же крошечное Тарасово. И там в одном из домов тускло горел свет. То есть тут еще и жить кто-то умудряется. Причем, с высокой долей вероятности, обитают тут люди нехорошие. Селиться так предпочитают самые дикие из «зеленых», то есть те, кому даже в бандитском Вышнем лучше ходить оглядываясь. Дальше был мост через узкую быструю

речушку, который затрещал под грузовиком, но выдержал, затем, почти сразу за мостом, лишь чуть углубившись в лесок, мы остановились. Если там сзади действительно люди плохие, то могут и погнаться. А если погонятся, то принять их лучше всего как раз на мостике.

Но никто не преследовал. Оно и понятно, в темноте не поймешь, что проехали пять женщин и мужик-механик с единственным престарелым бойцом в компании, а подумаешь, что большая банда в силах тяжких куда-то рванула.

Через несколько километров встали на развилке. Витя выпрыгнул из кабины, подбежал ко мне:

— Начальник, куда дальше?

— Дай подумать. — Я развернул карту, светя в нее фонариком. — Так... направо — это на Козлово.

— Туда дорога лучше, — добавил Витя.

— Только куда не нужно, мы ближе будем, — ответил я. — А если налево, то... то идем мы на Толмачи, а оттуда можно будет... да считай что по прямой на Лихославль, а вот потом и дорога должна стать получше... если карте верить.

Карты составляются, чтобы врагов обмануть, как известно, но это генштабовская склейка, они вполне себе точные. Ориентирование путем опроса местного населения исключено за отсутствием населения, да и не хочется с населением встречаться, случись такое в этом месте, так что и дальше будем испытывать удачу.

— Давай налево. Перед Толмачами в лесочке встанем, дозаправимся. «Козел» что-то жрет как не в себя, — посмотрел я на указатель.

— Ага, движок регулировать надо, — с готовностью закивал Витя. — Жрет он, точно.

Ладно, у меня еще четыре полных канистры сзади, по-любому дотянем, если не сломается.

— Слышь, бабы Прапора там не убили?

— А я не смотрел, — скромно ответил механик. — Они ж в кузове, а я в кабине.

— Посмотри. Пока я тут с картой.

— Ага, гляну, — с готовностью закивал тот. Отбежал к грузовику, с подножки заглянул в кузов, покивал, затем бегом вернулся обратно. — Живой пока. Побуцкали они его, канешна, вся пачка разбита, но живой.

— Пачка заживет, — махнул я рукой. — Давай, погнались дальше. Я вперед теперь.

Если погони нет до сих пор, то ее ночью уже и не будет. Так что мне

лучше засады высматривать, наверное.

Опять заросшие черные поля, потом снова лес. Несколько раз свет фар отражался от чьих-то глаз в деревьях. Зверья много развелось, тех же волков уже как серьезную проблему люди учитывают, случается, что и гибнут, да и медведей развелось даже там, где про них давно и слышать забыли. Впрочем, север Калининской области на медведей всегда богат был, доводилось и самому видеть до Этого Самого, а уж теперь... А возле Грязовца один больной медведь, видимо прошедшийся по зоне заражения, так и вовсе на людей охотился.

Наткнулись на ручей, даже маленькую речушку, пересекавшую дорогу, пришлось разведать с жердью. Пошел сам, с удивлением обнаружив, что вода совсем теплая, хоть купаться иди. Да, будь днем и чтобы не в бегах — обязательно искупался бы. Лесные реки чистые, все больше от ключей питаются, а здесь еще и через торф фильтруются, отчего вода в них, особенно весной и в начале лета, цветом на слабый чай похожа. И чай из такой, кстати, очень хороший выходит.

Оказалось неглубоко, прошли вброд, не застряли. Затем снова лес, и когда поле увидели впереди — остановились, погасили фары и заглушили моторы. Тишина периной свалилась сверху, темнота сдавила со всех сторон. Но тут же послышались голоса, женщины начали вылезать из кузова, из кабины «ифы» солидно выбралась кухарка.

— Привал, — объявил я. — Дозаправка.

— Слышь, начальник! — донеслось из кузова «ифы». — Развяжи руки, не чую их уже!

— Кляп вынули, что ли? — удивился я.

— Поговорить нам хотелось, — ответила одна из «наложниц», симпатичная казашка. Да, скорей всего казашка.

— Поговорили?

— Мало поговорили.

— Успеете еще. Наболтаетесь.

Я вскарабкался в кузов, подошел к лежащему Прапору, посветил «жучком». Точно, поговорили, у того вся морда разбита, да еще и исцарапана.

— Рук не чую, слышь...

Я перевернул его на живот, посветил уже на руки. Да, туговато все же стянул. Мне на него плевать как на сущность, но пока нужен. Надо перевязать заново. Можно предупредить, чтобы не рыпался, да смысла нет, он рыпнуться уже и не сумеет, у него все тело затекло. Да и ноги связаны.

— Тихо лежи, — буркнул я, доставая нож.

— На дальняк бы мне, — попробовал поискать он других льгот. — Похезать.

— В портки вали, — отрезал я все мечты.

Срезал веревку аккуратно — так, чтобы совсем чуток потерять, стянул ему запястья снова, но на этот раз не так туго. Тут он стонать взялся, руки почувствовал, на что получил по голове.

— Тихо лежи, тварь. Девушки! — выглянул я из кузова. — Давайте так, чтобы одна из вас за пленным постоянно приглядывала. Чтобы вообще без присмотра не оставался.

Долил бак уазика до полного, сбегал в кустики сам, подсвечивая фонариком. Если на дороге еще луна светит, то шаг в сторону — и хоть глаз коли. Вернулся, снова полез в карту. Перед нами Толмачи, дальше в нужную сторону только одна дорога. В принципе, мы уже за «параллелью Лихославля», территория вроде как Торжокского района, да вот проблема — пусто здесь, и эту территорию на самом деле никто не контролирует всерьез. Точно не знаю, но подозреваю, что иногда патрули по той дороге проезжают, и это максимум.

Что это значит? А значит это то, что мы как раз в самую опасную зону вкатываемся. И следующие километров двадцать или тридцать для засады идеальны. Если кто-то сообразит, что пойдем мы на Лихославль, то выйти к нужной дороге несложно. Рации у бандитов есть, по проселкам вполне можно объехать опорник в Калашниково, как обычно «зеленые» при налетах и поступают, и куда тогда выйти? Где засесть?

Километров через десять проселок с нехорошей стороны как раз пересекается с нашей дорогой. Заброшенная деревушка Залазино. Бандиты, скорей всего, там в домах и попробуют засесть, вроде как с комфортом, да и у нас маневр будет стеснен. Брось в нужном месте бревно через дорогу, определи правильно сектора огня, поставь пару пулеметов, и все — там мы и останемся.

Как-то объехать? Вокруг деревень поля, в принципе, и их уже годами никто не пахал, земля слежалась. Если бы получилось ехать без фар, то деревню обогнуть можно. А как? Луны мало, можно и канаву не заметить в траве. Кто-то должен идти впереди и проверять дорогу.

— Света? — окликнул я попутчицу.

— Что? — обернулась она.

— Верст через десять нам придется ехать через поле. Без фар. Нужно, чтобы кто-то шел впереди и проверял дорогу. А машины за ним поедут.

— Мне пойти?

— Больше никому. Если бы водить умела или кто еще кроме Вити, то я

бы сам пошел.

— Да я пройду, ничего страшного. А не задавите?

— А мы вот так сделаем... пошли к грузовику. Эй, там где-то мешок с медициной бандитской? — заглянул я в кузов. — Моток бинта нужен, киньте кто-нибудь.

Кто-то из женщин, в темноте не разглядеть кто, зашуршал вещами, затем подсветили зажигалкой. Потом та самая казашка принесла моток бинта, подала.

— Вот так сделаем, — повторил я, разматывая бинт. — Вроде портупей тебе, иксом, белое хорошо видно будет, свет отражается. Повернись.

Последний километр еле ползли, не включая свет. Саму деревню не увидели, а опередили. Лес закончился, и поля пошли. Уже условные поля, трава до пояса, а местами и кустарник полез, но все же открытое пространство.

— Света, отсюда пойдешь, — сказал я, притормозив. — Вот так налево, по часовой стрелке, вдоль опушки. Я буду на компас поглядывать, когда свернуть пора, скажу. Не бойся, мы медленно ехать будем, не задавит никто. Автомат не забудь. Стой, вот еще... Витя! — позвал я водителя грузовика. — Стопы отключить надо. Или лампочки выкрутить, или предохранитель, или как угодно.

— Лучше тряпки навесить, — предложил он. — Сблизил видно будет, а издали нет.

— Витя... разумно, — кивнул я с уважением. — Жертвуем брезентом.

Через минуту мы выкроили из брезента два куска. Один я просто навесил на свою машину сзади, чтобы край ниже стопов болтался, второй Витя прикрепил к краю кузова «ифы», завернув края на борта. Как юбки получились. По моей просьбе Света пару раз нажала на тормоз — действительно почти не видно, больше земля освещается. Заодно резкое торможение большим сюрпризом не будет.

— Пошли, — скомандовал я.

Света с длинным прутком, который я ей вырезал, вошла в траву, а следом за ней я на машине сполз с дороги. УАЗ качнулся с боку на бок, но земля была все же довольно ровная. Перекрестье бинтов у нее на спине пусть и не сияло, но все равно наблюдалось неплохо. Следом пополз грузовик, ориентируясь по второй половине мотка бинтов, растянутого на завязках тента уазика. Чтобы в зад не въехал. Да если и въедет, то на скорости километра четыре в час ничего не случится.

Лес тянулся слева от нас непроглядной черной стеной с зубчатым на фоне звездного неба верхом. Где-то орала взбудораженная звуком мотора птица, шуршала трава под днищем. Время от времени я поглядывал в сторону деревни. Там было просто темно, но вот минут через пятнадцать с начала нашего пути через поле где-то между домов мелькнул свет фонарика. Думаю, что фонарика, но то, что это свет, — точно. Не отблеск луны в стекле или что-то такое. То есть там или живут, и кто-то с фонариком из дому до ветра пошел, или там ждут нас. Бандиты все же спохватились, дали кому-то знать по радио, и какая-то банда вышла нам наперерез.

Слышны им наши моторы? Слева лес, эхо идет в сторону деревни, но вот ветерок с той стороны на нас. Насколько я сам еще помню из наставления по войсковой разведке, автомобиль при благоприятных условиях обнаруживается на расстоянии до километра по звуку. Особенно если воздух влажный. Ладно, пока едем, все равно выбора никакого нет.

Несколько раз Света останавливалась, меняла направление, потом шла дальше. Затем между нами и деревней возник перелесок, но я не знал, радоваться ли этому. Если он дальше смыкается с лесом, то еще и возвращаться придется. Но решил рискнуть, вдруг получится прикрыться.

Получилось. Примерно через пятнадцать минут его опушка стала отгибаться в сторону дороги, а затем мы снова оказались в поле.

— Можно правей забирать, — крикнул я.

Мы уже часа полтора так движемся, должны были обойти опасное место. Теперь можно идти западней, к дороге.

До нее оказалось не так чтобы близко, минут сорок еще ушло. Как только машина вскарабкалась на невысокую обочину, Света села в кабину, и я повел уазик прочь отсюда, на Лихославль. «Ифа» как привязанная катила сзади. А когда между нами и Залазино встал лес, я включил ближний свет, и дело пошло веселей.

— Бинты не разматывай, — сказал я. — Нам еще деревню объезжать.

В Лихославле мы оказались с рассветом и уже там вздохнули свободно. Пришлось выдержать беседу с местной милицией, удостоверения у меня с собой не было. К счастью, они согласились связаться с Торжком по рации, а оттуда мою личность подтвердили. А заодно затребовали арестованного к себе. От Лихославля к нашей колонне

присоединился еще один милицейский уазик с тремя вооруженными автоматами сотрудниками, так что дальше катили веселей.

Тут, наконец, хотя бы разглядел попутчицу. Лет тридцать, наверное. Простенькое, но симпатичное лицо с веснушками, серые глаза, пухлые губы. Складная, хоть и ближе к понятию «крепкая». На шее большой синяк, словно душил кто-то. Почему «словно»? Как раз душил, даже понятно кто. Вон он в милицейской машине едет, уже в настоящих наручниках вместо веревки. Вроде как облегчение ему вышло, но только ненадолго. Мы следом, грузовик в хвосте.

Через полтора часа езды оказались у знакомого мне КПП, где нас ждал еще уазик, на этот раз со знакомыми операми. Дозиметристы, затем провод людей без документов через КПП, меня вообще записывать не стали, Михаил распорядился. В общих чертах они были в курсе произошедшего, так что все вопросы на потом оставили. Разве что Сеня уточнил:

— Это тот самый Прапор?

— Тот самый, — кивнул я. — Трясти его надо.

— Пусть в КПЗ помаринуется пока, если и был шок какой-то, то он уже прошел. Пусть лучше над судьбиной своей горькой поразмышляет, проникнется.

— Тогда я бы поспал. Людей как-то разместите?

— Разместим, куда денемся. Для начала в больничку всех, пусть осмотрят. Сам знаешь, как там у женщин, которых бандиты держали.

Знаю. В большинстве случаев полный букет венерических заболеваний. Приходилось видеть и с такими делами сталкиваться. Плюс ночные кошмары, психозы и все прочее в комплекте.

— По оружию, — вспомнил я. — Я бы патронов «пять сорок пять» пару цинков себе бы оставил и магазинов пустых.

— А с машинами что делать? Чьи они теперь?

— Поставьте где-нибудь. Потом подумаем. Может, продать, а деньги этим раздать, чтобы как-то жизнь начали?

— Уазик и город купит.

— Да, и бензин заберу с канистрами, пригодится. До дому докинете? Мне бы поспать малость, ночь еще та была.

— Показания дашь, и иди спи, — Михаил усмехнулся. — Поехали в отдел.

Быстро не получилось, продержали еще часа два, хоть и поили крепким чаем, почти что чифирем. Потом все же отвезли домой, затребовав появиться у них после обеда, когда начальник вернется, так что спать осталось недолго. Но два ящика патронов, по паре цинков в каждом, и

шесть рыжих магазинов выделили, а заодно и вполне свежий с виду АКС, который я в последний момент решил придержать на всякий случай. Остальное описали. А с начальством мне в любом случае говорить нужно, понятно почему.

Сергеевна сегодня была выходной, предложила покормить, но я отказался. Умылся и тут же завалился в кровать, задернув занавески. И отключился через пару секунд, без снов, до того как будильник зазвенел.

Попросив теплой воды, хотел было побриться, даже сменил лезвие, но в последний момент спохватился, мне же еще обратно в Вышний ехать придется. Просто напомнил себе заехать в «мародерский» магазин, поискать таких же. Или надо на опасную бритву переучиваться.

Василия во дворе не было, по делам ушел, чему я обрадовался, потому что вареную колбасу не покупал, а копченую он не любит. Подумав, завел все же «пырзика», как поименовал свой луазик, и выехал за ворота. Пусть планов и немного, но кто знает, лучше на колесах быть. В очередной раз перепутал скорости, тут они задом наперед включаются, потом вспомнил, как надо, и машинка запыхтела по улице.

У райотдела как-то машин сегодня прибавилось. И лихославльский уазик до сих пор здесь, не уехал куда. Поставил свою скромно в рядок с ними, вытащил себя из кабины, кряхтя, зашел в здание, поздоровавшись с дежурным.

— Опера у себя?

— Сидят, проходи, — кивнул он.

Точно, на месте оказались, в уже знакомом кабинете.

— Привет, — сказал я с порога. — Прапора допрашивали уже?

— Нет пока, тебя ждали, — ответил Сеня. — Кстати, твой отдел запросили. Угадай, что ответили?

— А разница есть?

— Какая-то есть, — хмыкнул он. — Правда, подтвердили, что ты все равно по делу работаешь, на правах внештатного, — добавил он. — Правда или прикрыли?

— Правда. А если бы и прикрыли, то все равно не сознался бы. — Я подтащил стул и уселся. — Что начальство от меня хотело?

— Не знаем, — ответил Михаил. — Видеть желало, но у него совещанка сейчас. Что, Сень, вызываем клиента?

— Давай, — Сеня взялся за телефон.

Прапора привели минут через пять. От него пахло потом и камерой, но вот не обгадиться, пока ехали, он все же сумел. В Лихославле в уборную дали сходить. Лицо от побоев отекло, но царапины от ногтей ему кто-то

йодом смазал и даже повязку на голове сменил, эта аккуратней выглядела. Наручники спереди надели. Усадили на стул, я сел от него сбоку.

— Имя, фамилия, отчество, год и место рождения? — спросил Михаил.

Прапор назвался одним из тех имен, которые были в списке на КПП.

— Врешь, — равнодушно сказал опер. — Но нам все равно на самом деле. Ты и у нас вполне созрел для пули или торфяников, или в Вологодскую область отправим, там не лучше будет. Даже хуже. Так что в твоих интересах сотрудничать.

— И что взамен?

— Не знаю, — Михаил развел руками. — Как суд решит. Примет во внимание чистосердечное, оценит сотрудничество со следствием. На торф все равно лучше, чем пуля в башку, как мне кажется. Только это тебе заслужить теперь надо.

— Подельники героизм не оценят, — добавил Сеня. — Один хрен не увидите. Так что ты лучше о себе думай теперь, остальное уже мелочи.

— В Вышнем вашей власти нет, — прошепелявил Прапор через разбитые губы. — Там свои законы, по ним я чики.

— Ты реально дурак или как? — Михаил вскинул брови. — Законы ваши там только потому, что до вас пока не добрались. А пока ты находишься на территории РСФСР, где действует соответствующий уголовный кодекс с поправками военного положения, которое никто не отменял. И согласно этим поправкам, по статье шестой дополнительного раздела УК РСФСР, к рабовладельцам применяется исключительная мера наказания. Или, в случае сам знаешь чего, от десяти до двадцати лет каторжных работ. Выбор твой. Семь свидетелей у нас есть, этого тебе хватит с маковкой потонуть в дерьме. Плюс изнасилования и прочее.

— По ограблению в Грязовце тебя опознали, там свидетели тоже есть, — снова заговорил Сеня. — И там на тебе убийство висит, и не одно. Группа лиц по предварительному сговору, с применением оружия. Исключительная мера без вариантов. Как у вас исполняют? — Он повернулся ко мне.

— У выгребной ямы, из пистолета. Там же и хороним в дерьме. Чистый зашвар даже вдохлом виде.

Прапор пусть и не блатной, прибил к бандитам, но понятий их нахватался давно, даже говорить по-людски разучился. А с тех пор как смертная казнь для преступников стала обыденностью и все бытовавшие в мирное время легенды развеялись дымом, даже методы ее исполнения по-разному криминалом оценивались. «Похоронить в дерьме» автоматически

опускало «клиента» в иерархии ниже, даже посмертно. Не отбился, не смог уйти, даже драться до конца не получилось, поймали, расстреляли и утопили в дерьме — романтики блатной в этом никакой не было. Ее и так нет на самом деле, там жадность, глупость и скотство всем правят, но легенда о наличии этой самой романтики в блатном обществе существует.

— Сам прикинь, — добавил я. — Ты и так в Вышнем в авторитете не был, а после того, как тебя люди Зураба затрюмили, ты и вовсе никто. И в дерьме закончил. Хорошо получилось? Кстати, Прокоп думает, небось, что это ты Шигу со вторым вашим завалил и свинтил с бабами. Они там в доме напротив лежат оба.

Прапор молчал, сопел разбитым носом. Здорово его все же бабы отделили, не каждый боксер так сумеет.

— Ты сейчас решишь или в камере подумать хочешь? — Михаил усмехнулся. — Не проблема, просто не вижу, что измениться может. Завтра решим, что дальше: тут тебя под суд или в Грязовец отправлять. Тогда еще поживешь. Плохо, зато недолго.

Прапор посмотрел заплывшими глазами в зарешеченное окно, словно ожидая увидеть там подсказку, потом спросил:

— Что от меня надо?

— Для начала надо знать, кто вас на груз лекарств навел, — сказал я.

— Это не нас, — ответил он сразу. — Нам уже Монгол цинканул, его подвязки. Прокоп тоже не знает. Никто у нас не знает. Нас чисто наняли, даже хабар мы не по цене сдали, а как договорились. Когда сидора открыли, вкупились, что Монгол нас выставил, но базар был, решили, что так масть легла. По-любому он нормуль забашлял, с тех лавриков до сих пор гужевались.

— Раньше что брали? — спросил Михаил.

— Раньше трудом честным жили, — Прапор даже усмехнулся.

— Тебе так разницы никакой, один эпизод или несколько, на приговор ты уже набрал. Но если сдашь информатора, тогда точно не расстреляют. Я серьезно.

— Да не в курсе я за информатора, крест на пузе. Монгол там все вертит. Ну сам посуди, начальник, кто мне контакт такой сдаст?

Нет, ему не сдадут, тут я вынужден согласиться. Но если просмотреть все эпизоды, что на банде висят, что-то вычислить все же можно.

— Что раньше брали? — вернулся к вопросу Михаил. — Давай подробно.

— Кассы брали раза три. Хутора с деревнями чесали. Технику брали. Или вам только колеса нужны? Ну, медицина эта?

- По медицине работали?
- Три раза. Это если этот раз считать.
- Где?
- Раз за Бежецком и раз в Фурманове, в Ивановской.
- Такой же транзитный груз?

Про ограбление в Фурманове я слышал, оно у нас всплывало, когда расследовали. То есть тоже их работа. Мы, кстати, подозревали это, там банда таким же манером действовала — вошла в город по-тихому, расстреляла всех, кто был с грузом, вышла пешком, и дальше бандиты уехали на грузовике.

— Все как в этот раз. И все три раза Монгол нанимал, — добавил Прапор, не дожидаясь вопроса.

— А торговаться не пробовали?

— Монгол крученный, у него еще шобла Мазая на подхвате. Мы откажемся, те возьмутся. И что понту с того?

— Монгол вообще кто? Он же не из блатных.

— Не, Монгол в Калинин облторгом заведовал. Ну или замом был, я за это не в курсе точно. Оттуда он. С Этого Самого в Волочке живет.

— Давай тогда по Монголу все, что знаешь. — Михаил взял чистый лист бумаги. — Вообще все. Где и с кем живет, сколько людей, чем владеет. Потом по остальным пойдем. Только я сразу намекну, что мы и сами много знаем. Если у тебя фантазия прорежется, то нашей дружбе сразу конец, понял? Завтра суд, послезавтра... ну, ты понял.

— Начальник, курить дашь?

Михаил молча выбил из пачки папиросу и протянул задержанному. Потом щелкнул зажигалкой.

— Давай, начали.

Прапор рассказал много и говорил долго. Знал состав банд, знал, кто кому платит и кто под кем ходит, знал какие банды по найму работают и на кого. Знал специализации, знал, кто скупает хабар. И карту умел читать, что немаловажно. Те дома, что я сам запомнил, с его слов совпали, только теперь мы знали, кто именно из местных авторитетов где живет. Когда с ним закончили и Прапора увели в КПЗ, мы закурили все разом, Сеня открыл окно, чтобы дым вытягивало.

— Кое-что из этого сами знаем, — сказал Михаил, проглядывая исписанные листы. — По этим пунктам совпало, где полностью, где частично. Так что не гонит он, похоже. По тамошней блатной географии расклад хороший сделал.

— И толку? — спросил я. — Ты Зураба арестуешь, что ли? Или

Монгола? Они же из Вышнего ни ногой. Бумаги копить будем, вот и все.

— Ты войной хочешь идти? — спросил Сеня. — А похорошки сам писать будешь? Или как? Ты сам посмотри, сколько нас.

— Войны не надо.

— А что тогда надо?

— Надо туда тихо войти и сразу всю верхушку выбить, вот и все. — Я посмотрел ему в глаза. — Разом. За одну ночь. Остальные сами разбегутся. У вас городская граница разве что патрулируется, а у них только на дорогах блоки. Туда с десяти направлений можно зайти.

— Если они разбегутся, то они тут в районе и останутся бандитствовать.

— У вас в районе и так бандитствуют. Просто не местные. Эти в другие районы ходят, а оттуда к вам, вот и все. Творческий обмен. А «зеленым» так вообще болт покласть на все правила. Там в половине пустых деревень дикие банды сидят. И дальше будет хуже.

— Ты наши силы знаешь? — Михаил усмехнулся.

— А почему только ваши? Из других городов наберите хоть по отделению. Даже из Грязовца можно людей вызвать, аж прибегут. Толковые люди, наш отдел, например. Там любой десятка блатных в поле стоит. И центральная власть пусть хоть пару взводов родит — и достаточно. Тихо просто действовать надо. И быстро.

— А гарантию дашь, что тот, кто Монголу наводки дает, не стукнет про операцию? И люди в засаду не придут?

— Не дам, — вынужден был согласиться я. — А крот точно там сидит, где-то на отправке. Но можно и своими силами.

— А дальше?

— А дальше местных вооружать. Сразу же. И свою милицию формировать. И все, если там власть люди возьмут, то блатным уже не светит. Ну сам вспомни, как такие места получались? Сначала бандиты в шоблы сбивались, потом под них уже люди шли. Бандитов убери, и все изменится. А с «зелеными» и так воевать привыкли, ну что там нового? Дорог тут мало, если всерьез взяться, то и с ними разобраться можно. Так они на Вышний базируются, а так им в лесу выживать. Ну и сколько они продержатся?

— Ну вот начальнику это все и изложи, — Сеня усмехнулся. — И нам скажешь, что он тебе ответит.

— А это не я излагать должен. Вы должны. Район ваш. И начальник. Какого хрена у вас в двадцати верстах люди под бандитами живут? Ты вот как сотрудник сам подумай. Не противно? Под погонами не чешется?

О чем был разговор с начальником райотдела Максимовым, я так толком и не понял. Невысокий лысый коренастый мужик в форме минут десять продержал меня в кабинете, задал несколько общих вопросов, я ответил, потом он мне сказал, чтобы дальше работал с операми. Вот и все. Хорошо, поработаю, я пока мало что сделал тут, только начал, можно сказать. Спросил у него, куда людей устроили, тех, что я привез. Он дал адрес общежития золотошвейной фабрики на Лермонтова. Заглянул к операм, спросил, когда те планируют допрашивать новых. Оказалось, что допрашивать будут другие, но Сеня позвонил кому-то и сказал, что тем всем на завтра с утра назначили явиться.

— Да, мужики, начальник сказал нам вместе работать, — добавил я многозначительно. — Так что не отвяжетесь. И еще вопрос: сеанс связи с Грязовцом как-то можно устроить?

— Напиши где и кто нужен, организуем, — Сеня протянул блокнот и карандаш.

Я вписал данные своего бывшего начальника, спросил, как доехать до Лермонтова, после чего попрощался и пошел на выход. Оказалось, что рядом с Дзержинского, а ту улицу я уже знаю.

Сделал все же небольшой крюк на Торговые ряды, зашел в «мародерский». Магазин длинный, полутемный, барахла всякого, нужного и умеренно нужного, навалено много. От одежды до инструмента, от мыла и старых духов до эмалированных ведер и цинковых корыт. Начищенный медный таз с длинной ручкой, который для варки варенья, особенно внимание привлекал, висел посреди всего как медаль. А в дальнем углу велосипедов с десятков. Кстати, для Торжка вполне неплохо, тут многие катаются, как я видел. Город маленький, всюду недалеко, а на велике так и вовсе мигом получается.

Там же без особого удивления нашел Гену, того самого, что мне «пырзика» продал. Гена перекладывал товар на полке.

— О, как дела? — оживился он, увидев меня. — С машиной что-то?

— Не, просто лезвия нужны, бриться нечем будет скоро.

— Вот я и не бреюсь, — усмехнулся он. — Лиз, посмотри, где у нас лезвия, — окликнул он совсем молодую, лет четырнадцати, девчонку, одетую на удивление «модно» по нынешним временам. Наверняка «мародерская дочка», батя обновки возит.

— Какие?

— Для бритья. Еще что-нибудь надо? — спросил он у меня.

— «Спутник» есть, — девчонка выложила маленькую пачку на прилавок. — И польские, вот такие, «Полисильвер», — рядом с белой пачкой легла еще одна, желтоватая с черной полосой.

— Ты гля, дефицит. — Я взял польские. — Сколько стоит?

— «Спутник» по пять, польские по восемь.

М-да. До Этого Самого «Спутник» рубль стоил, а «Нева» так и вовсе двадцать пять копеек. Про «Полисильвер» не помню, но меньше двух рублей точно. Ладно. Возьму, пока вообще в продаже есть и деньги водятся.

— Дай, милая, мне четыре пачки «Спутника», — я выложил два червонца.

— Сейчас. — Она снова метнулась к прилавку и вернулась с остальными. — Пожалуйста.

— Вот и спасибо. — Я убрал лезвия в карман. — Как нога, Ген?

— Да никак, нет ее, — засмеялся он. — Лучше. Видишь, прыгаю тут помаленьку. Ты оглядись, может, еще что-то нужно. Про половину вещей люди и забыть успели.

Что тут еще нужного может быть? Так, мне бы посуды какой купить, чтобы те же огурцы соленые с рынка таскать, а то в прошлый раз отказался. Вон же кухонные контейнеры жестяные, с крышками, полосатые такие. Возьму парочку. Они для сыпучих, но не страшно, не протекают. У нас такие на кухне стояли, я мыл, вода не капала.

Рассчитался и дальше поехал.

Общежитие оказалось серым кирпичным пятиэтажным зданием почти кубической формы. В вестибюле меня остановила вахтерша — немолодая тетенька в толстых очках, — спросила, куда я и к кому. Показал удостоверение, спросил, куда новых поселили. Она направила меня на третий этаж, дав номера двух комнат, потом спохватилась и добавила:

— Мужчину на втором заселили.

— Спасибо.

Пошел сначала на третий. Подошел к двери, услышал за ней женские голоса, постучал. Открыла ее почти сразу та самая казашка, что бинт тогда из кузова подала.

— День добрый, — поздоровался я. — Зашел узнать, как вы тут.

— Проходите, — она распахнула дверь.

Все пять наложниц сидели в одной комнате, расположившись на кроватях. На столе еда нарезана, банка с квасом стоит.

— Поедите с нами? — спросила, поднявшись навстречу, Света.

— Если не прогоните.

— Вон стул берите, присаживайтесь.

— Спасибо. — Я подтащил стул. — Не возражаете, если я вам еще и вопросы позадаю?

Я вытащил из висящей на боку сумки блокнот. Старый еще блокнот, с пожелтевшей бумагой, на пружинке.

— Вы же из милиции? — спросила одна из женщин, темноволосая, одетая в слишком большой свитер из бандитских запасов.

— Да, из милиции.

— Держите, — казашка протянула мне тарелку с двумя бутербродами, с колбасой и сыром. — Мы всухомятку сегодня. Такие все... еле живые, вы знаете. Так что просто на рынок зашли и купили сюда.

— Вы извиняетесь, что ли? — засмеялся я. — Не страшно, я тоже все больше вот так, бутербродами. В больнице все были?

— Да, нас сразу отвезли. На обратном пути на базар заглянули.

Казашка действительно симпатичная, похожа на девушку с японских календарей, что когда-то в моде были. Но лет ей под тридцать, наверное. Им всем около тридцати, но это и понятно, совсем молодых девушек мало: или женщины вот такого возраста, или совсем дети. Хорошо, что детей на бандитской базе не нашел, тогда бы Прапора по пути выпотрошил своими руками. А видеть подобное приходилось, года три назад накрыли один хутор, там трех девчонок держали. Одной десять, двум другим по двенадцать. Двух выживших бандитов даже в город не повезли, связали и вверх ногами повесили. Через пару недель проезжали в том месте, глянули — один так и висит, его выше подтянули, а второго медведь сдернул и обожрал.

Света налила мне в фаянсовую чашку с полоской светлого квасу, сразу запахло хлебом. Я еще раз поблагодарил.

— Как кто дальше будет, решили?

— Витя с Полиной уже работу искать пошли, — сказала темноволосая в свитере. — Здесь остаются. Они из Вышнего Волочка сами, муж с женой. Я домой проситься буду. Лика вон тоже, — она кивнула в сторону чуть полноватой женщины с большим синяком на лице, сидевшей на кровати у стенки, поджав ноги.

— Откуда вы?

— Из Данилова, Ярославская область. Лика из Бежецкого района.

— А зовут как?

— Наташей зовут. Петрова Наталья Константиновна.

— К бандитам при каких обстоятельствах попали?

— С полевых работ, нас на картошку бросили. Двое охранников было, но их снайпер снял. И сразу банда подъехала.

— Эта банда? Откуда вы убежали?

— Нет, другие. Там такой Малец за главного, они рабов ловят. Продали просто, — она сказала это как-то совсем без эмоций.

— Давно?

— Три года уже.

— Куда вас сначала привезли, помните?

— Да. У них свое место в Терелесовском, — назвала она поселок у Вышнего Волочка. — Туда всех свозят и там же продают. Не только они свозят.

— У них там что, рынок? — уточнил я.

— Да, рабский.

— Много людей?

— Когда меня привезли, человек двадцать было в ангаре.

Вот так. «Не лезут в наши дела». Злость тяжелой холодной волной поднялась куда-то к горлу, я лишь усилием воли ее придавил.

— Все время были у банды Прокопа?

— Все время.

Нет, она не равнодушно говорит, она просто полумертвая сейчас, нет сил даже на эмоции. А вот Лика, что с ногами на кровати, тихо плачет.

— Лика, вас при каких обстоятельствах захватили? И кто?

— Эти и захватили, — она всхлипнула. — Они больницу в городе ограбили, а когда убегали, меня прямо на улице схватили. У них грузовик совсем рядом был.

То есть вот так, это во время набега за лекарствами произошло.

— Света? И вас как зовут? — спросил я у казашки.

— Оразгуль меня зовут. Редкое имя, — чуть усмехнулась. — Проще Орой звать.

— Что-то означает?

— Цветок удачи, счастья. Видите, какая удачливая...

— Могло быть хуже. Многим уйти не удастся. Так что удача все же какая-то присутствует. Вы откуда?

— Жила в Тихвине, после Всего Этого там оказалась. А так из Алма-Аты. В гости приехала в Ленинград. Два года как поймали. Тоже банда Мальца. Я медсестра, в деревню выехали с передвижным медпунктом, даже без охраны, там тихо всегда. Тоже в Терелесово продали, почти сразу.

— И что дальше делать думаете?

— Здесь останусь, наверное. Не хочу уже никуда ехать, страшно. В

больнице буду работать.

— Я тоже остаюсь, — сказала Света. — Я учительница. Вообще из Осташкова, но поймали здесь рядом, на дороге на Лихославль. На колонну напали.

— Что за банда?

— Банда пришлая, говорят, издалека, но отвезли в Вышний и продали там.

Еще доказательства нужны? Развлекаться они туда отсюда ездят, мать их.

— А почему не в Осташков?

— Не хочу, чтобы в школе обсуждали. Слухи пойдут, за спиной начнут болтать всякое. Лучше на новом месте. Учителя нужны.

— С вами еще женщина была...

— В больнице ее оставили. Не в себе она. Жанной зовут, из Максатихи. Она совсем недавно появилась и уже... не выдерживала. И били ее все время.

— Там и с внутренними органами проблемы, — добавила Оразгуль. — Кровью ходит постоянно. А что с Прапором будет?

— Могут расстрелять. А могут на каторгу.

— А как его на каторгу, если они там такое творили? — вскинулась Лика. — Как так можно?

— Лика, на торфяниках каторга такая, что скоро сам расстрела просить начнет. — Я повернулся к ней. — Если бы я этого точно не знал, то я бы его не довез. У меня к ним личный счет. Может, даже больше, чем у вас, я издалека приехал, специально за Прокопом и остальными.

— Что у вас за счет может быть? — она всхлипнула истерично.

— Они у меня семью убили. Всю. Вот так вот.

Ну и что мне дальше делать? В Торжке отвисать? Не пойдет, не годится. Надо с местными что-то делать. Я и ментов понимаю, у них других хлопот хватает, но там действительно нарыв, его резать надо, срочно. К кому идти? Через кого давить?

Когда спустился, спросил у вахтерши:

— Не подскажете, райком где у вас?

— Так на Луначарского, прямо за сберкассой. Там табличка.

— Спасибо.

Райком. Нет, я не то чтобы верю в силу и влияние партии в нынешних условиях, но структура осталась, и в нормальных городах в таких вот райкомах и горкомах секретари сидят. И вообще-то это их работа — шевелить исполнительную власть в порядке партийной дисциплины. Не хотят сами с бандитами разбираться, так, может, «боевой испытанный авангард советского народа, объединяющий на добровольных началах передовую, наиболее сознательную часть рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции СССР» подключится. Хоть как-то. Хоть какая-то польза будет.

Выкурил папиросу на улице, раздавил окурок о край урны, плюнул под ноги и поехал.

Погода опять немного портиться начала, небо затянуло, ветерок подул. Быть дождю. Теперь каждое лето дождливое, а зимы что-то теплыми стали. Учитывая, как сейчас с топливом, это и хорошо, наверное, хоть колхозники и ругаются. Что-то у них там теперь с озимыми и яровыми пошло не впопад. Вспомнилось, потому что пришлось трактор с прицепом обгонять, старенький «Беларусь», с такими еще поперечными прорезями на «морде». Торф везет в брикетах.

Проскочил до площади 9 января, свернул перед сберкассой и тут же сразу увидел на здании красную табличку «Районный комитет КПСС Торжокского района». Вот так, проезжал уже и не заметил. Перед райкомом две машины, «козел» с «буханкой», на углу грузовичок, мужики в спецовках водосточную трубу суриком красят.

В здании было пустовато, как-то так ощущалось. Похоже, что штат райкома на все не такое уж большое здание не вырос. С первого этажа голоса слышны из какого-то кабинета, спорят о чем-то, за столом в вестибюле пожилая женщина вяжет. Перед ней два телефона, красный и

серый, так что все равно авторитетно выглядит. На дальней стене портрет Ленина в полный рост, рукой показывает, куда всем идти.

— Здравствуйте, — подошел я к ней. — Мне бы к секретарю на прием попасть, если можно.

— А вы кто будете? — она чуть улыбнулась. — Если хороший человек, то и можно.

— Из милиции я, из Грязовца Вологодской области.

— Вот как? — Она, чуть прищурившись, посмотрела в мое удостоверение. — Срочное у вас что-то?

— Вообще-то срочное.

— Уточню сейчас. — Она набрала две цифры, сняв трубку с красного телефона. — Дима? Тут товарищ к Сергею Ивановичу, по срочному делу, говорит. Из милиции товарищ, из Вологодской области приехал, Бережных фамилия. Да, подождем. Сейчас, — пояснила она мне, прикрыв трубку ладонью. — Что? Сейчас примет? Хорошо, тогда записываю. Сейчас примет, — это уже мне. — Запишу вас, давайте. Партбилет лучше, если член партии.

Я достал из пакета и протянул ей партбилет.

— Пустовато тут у вас как-то.

— В разъездах все, да и работает немного народу. Кормить нас кто будет, дармоедов? — она снова усмехнулась.

— Я взносы плачу, например.

— Деньги тоже есть куда тратить, кроме как райком содержать. Пожалуйста, — протянула она мой документ обратно. — На второй этаж и налево по коридору, до самого конца.

— Спасибо.

Да, на ремонты тут точно деньги не тратят, здание совсем обшарпанное. Поднялся по истертой лестнице, протопал по стучащему плашками паркету до дерматиновой двери с табличкой «Секретарь райкома КПСС Плотников С. И.».

Толкнул, зашел в приемную со вздувшимися от сырости обоями на стене, где за пишущей машинкой сидел молодой парень, что поначалу удивило, но потом заметил костыли, прислоненные к стене. И на полу одна нога стоит.

— Вы Бережных? — спросил он сразу.

— Да, я.

— Посидите минутку, Сергей Иванович сейчас освободится, — он показал на ряд стульев у стены.

— Спасибо.

Присел, раз предлагают, огляделся. Шкафы с папками, бюст Ленина на полке, выпелы какие-то висят на стене на гвоздиках. Несколько мутноватых фото, все больше групповые снимки. Ждать действительно совсем недолго пришлось. Дверь между двух шкафов распахнулась, в приемную вышел невысокий худой мужик в свитере и офицерских галифе. Стандартная почти что в наше время одежда совслужащего при какой-то суетной должности. Сам так одеваюсь.

— Бережных? — спросил он.

— Да, я, — ответил, поднявшись на ноги.

— Плотников, — протянул он руку. — Проходите ко мне. — Он пропустил меня вперед и сам зашел следом.

Кабинет был просторным. Доминировал в нем длинный стол для совещаний, старый и потертый, вокруг него стулья разнокалиберные. Стол самого Плотникова в торце, как и положено, весь бумагами завален. На стене опять портрет Ленина, на другой — всех троих основоположников в профиль, а рядом огромная карта района. Шкаф с книгами, чайник на спиртовке на маленьком столике, рядом с ним сахарница. На столе графин с водой, разумеется, куда без него.

— Присаживайтесь, — показал он на ближний к своему столу стул. — И выкладывайте сразу, что у вас за дело, — с этими словами он придвинул к себе чистый лист серой бумаги и взял из стаканчика карандаш.

— Я сегодня с утра людей привез из Вышнего, семь человек.

— Слышал, — сразу кивнул он. — Хорошее дело сделали, что еще могу сказать.

— Так вот я по какому вопросу... — я попытался сформулировать вежливо, но сказал, как получилось: — Так за каким хреном у вас под боком тысячи людей под бандитами живут? Там что, другое государство? Там рабов держат. Вы тех людей видели, что со мной были? Там женщины молодые, они уже инвалиды, если не физически, так душой. И сколько в Вышнем еще таких?

Плотников посмотрел мне в глаза, словно пытаясь что-то там во мне разгадать, потом спросил:

— Вы с конкретным предложением или с общей идеей ко мне?

— И с тем, и с другим. Общая идея в том, что если мы на территории СССР, то и власть на ней должна быть советская. Особенно, если у вас под боком бандитский беспредел. Не противно?

— Если вы в милиции служите, то сами должны знать, что таких мест еще много. Нет у страны сил всех их под себя подмять. Пока нет.

— Так и дальше не будет, — сказал я спокойно, все так же глядя в

глаза. — Я же вокруг смотреть умею, мы просто выживаем, не растем никуда. А бандиты крепнут. У них вся суть в этом. Что если их к ногтю не брать, то они как сорняк, все задавят вокруг.

— Член партии?

— Да. Давно.

Ожидал, что спросит — с какого года, но он не спросил.

— А конкретно чего хотите?

— Конкретно хочу местное военное и милицееское руководство действовать заставить. По партийной линии. Если я тут пришлый и никто, то пусть хоть к вам прислушаются. Или кому-то выше вас.

— И как действовать? План есть? Или что?

— План есть. Надо, чтобы его выслушали и честно ответили, будут они что-то делать или нет. И не мне ответили, — добавил я. — Вот вопрос позволите?

— Конечно.

— Вам самому такая ситуация как? Вот тут люди, советские граждане, живут нормально... если это все можно нормальным считать, — усмехнулся я. — Как все, короче. Власть, милиция, военные. А вот там, отсюда доплюнуть можно, столько же советских граждан под бандитами. Вот из тех семерых, что я привез, двое в рабстве за долги. И я по опыту сказать могу, что там даже долгов не было, вот наверняка. Через бандитские разводки на людей долг повесили, чтобы себе личного механика и повариху завести. И все. Там в Терелесово рабами торгуют, вы в курсе? Воруют везде людей, везут туда и как скот продают. Там даже конкретные банды по рабам специализируются. А у вас тут планы на трехлетку, лозунги на стенах. Ну и как оно вот так все вместе? Доску обрезную у них закупаете? Стекло? А кто тот лес валит, вы в курсе? Нет?

Я почувствовал, как закипаю и просто остановился, чтобы лишнего не наговорить.

— У вас семья погибла, так? — неожиданно спросил Плотников.

— И теперь что? Вроде как у меня это личное и я умом поехал? — Я почувствовал тяжкий прилив злости.

— Нет, это просто говорит о том, что мы немного о вас выяснили. — Плотников вздохнул, потер лицо руками. Вид у него был уставший и не слишком здоровый. — Нет, не сидим мы на заднице, что бы вы ни думали. Не ожидали просто, что вы вот так сразу ко мне напролом. Думаем мы над этим. Просто не я думаю, я лишь по линии партийной дисциплины присматриваю, — он усмехнулся. — Вот как сделаем. — Он придвинул к себе телефон, быстро набрал номер. — Борисыч? Плотников, привет. Да.

Да. Да вот по какому: коллега твой из Грязовца уже у меня. Ну вот так, успел, активный товарищ. К тебе его? Когда? А, понял, так и передам. Во сколько? Хорошо.

Плотников положил трубку, посмотрел на часы на стене, сказал:

— У вас пара часов есть, перекусить можете, если надо. Знаете, где вэ-че?

— Проезжал мимо.

— Вот туда и поезжайте. К шести. Сразу в штаб, на КПП предупредят. С Энгельса заезжайте. К шести, запомнили? Нет, не забыли мы ни о ком, зря вы так.

Злость чуть утихла. Но насчет «не забыли» усомниться себе позволю. Если и зашевелились, то только сейчас.

— Хорошо, поеду.

Встал и вышел из кабинета. Хоть дверью не хлопнул, сдержался.

На улице к «пырзику» подошел, уселся на капот, закурил, стараясь унять злость и начать думать трезво и спокойно. Снял очки, помассировал переносицу, потом их носовым платком протер, дыхнув на стекла. Спокойней, спокойней. Теперь думать надо, сильно-сильно думать. Неважно, когда они шевелиться начали, главное, что все же начали.

А я тоже думал, что делать. Пока оттуда сюда ехал — все время думал. И сегодня думал, пока катался. И надо вот это все додумать, а лучше записать теперь в виде плана оперативных мероприятий, если угодно. Так что лучше ехать сейчас домой и садиться за стол, перекус не требуется, женщины накормили. Вот так и сделаю.

Энгельса — это та самая, которая к платформе ведет, просто по ней дальше, за переезд. Частный сектор, потом поле широкое, затем слева опять домики, а справа бетонный забор части потянулся. В этом частном вояки, похоже, и живут. Затем серая кирпичная будка КПП перед серыми металлическими воротами, в будке дежурный. Предъявил ему удостоверение, тот пропустил меня сразу.

— В штаб как попасть?

— Прямо все время, справа длинный корпус ЦБП будет, а как закончится, так слева штаб. Не промахнетесь.

— Спасибо.

«Пырзик» гордо вкатил в ворота части.

Справа парк, он за бетонным забором, но видны башенки двух бэтээров, стоящих близко, у одного механик в синей спецовке возится, открыв крышку двигателя. Слева казарма пятиэтажная из неизменного силикатного кирпича, даже с виду в приличном состоянии. Даже общага офицерская, наверное, здесь же летчиков переучивали. Ее под ополчение, скорее всего, в порядке содержат. Дорога между кустов, вертолет на постаменте, за ним вдали узнаваемое здание военной столовой, у нас в бригаде по такому же проекту ее строили. Длинный корпус справа, на плацу группа бойцов в форме стоит, просто так, кучей, а вон и штаб, все как дежурный и объяснял.

Свернул туда, поставил машину рядом с «Уралом», у которого на бампере табличка «дежурный тягач». А так у штаба еще два уазика и КШМ.

В штабе знамени части не было, зато сидел дежурный по части в темном офицерском хэбэ, с погонами сержанта, который направил меня в комнату на первом этаже, оказавшуюся классом. Там я нашел двоих: довольно молодого лейтенанта, сидящего над картой, и капитана почти что моего возраста, усатого и коренастого, разбиравшего что-то в папке.

— Здравия желаю, — поприветствовал я их с порога. — Бережных моя фамилия называется, из милиции я. Сюда направили.

— Да, ждем, — капитан протянул руку. — Кононенко, энша части. Это Вася Котов, он у нас и начраз, и командир взвода разведки, — представил он лейтенанта.

Да, ужалась армия. Территория большая, а бойцов тут хорошо если рота наберется, неполного состава. Отсюда и НШ в звании капитана, дальше расти и некуда. Главнокомандующий тут кто, майор? Да не больше. И то с поправкой на ополченцев.

— Еще люди будут?

— Будут. Начальник райотдела должен подъехать, и опера. Звонили, скоро будут. Давайте вы мне вкратце пока диспозицию изложите. Желательно на карте и как можно подробней.

Карта и у них висит, большая, и пометок на ней много в окрестностях Вышнего, так что сбор разведданных все же шел. В Тарасово, кстати, нарисован синий значок наблюдательного пункта, пометка «до 8 чел». Да, военные условные обозначения на бандитов с трудом накладываются. Мы на своих картах уже собственные ввели. Не энпэ это никакой, а банда там живет, вот и все.

И да, дальше в сторону Максатихи, ближе к зоне заражения, никаких знаков нет. Не лезет туда никто, а ведь не так уж мало места осталось...

только дорог нет, все в пятно заводят.

— Вот сюда банды ходят, — показал я на Залазино. — Или постоянно теперь базируются. Численность не назову, но похоже, что нас там перехватить хотели. Так, что дальше...

Пока мы втроем карту смотрели, подъехала машина райотдела, слышно было, как дверцы захлопали. И вскоре в класс зашли трое, начальник и оба моих приятеля-опера.

— Ну ты даешь, — покачал головой Максимов. — Сразу в райком. Есть уже решение, я же не зря тебя к ребятам моим отправил. Просто тихо все делаем, аккуратно. Ладно, — он бросил на один из столов толстую папку из синего кожезаменителя, — приступим тогда, товарищи офицеры?

Прошлись по имеющейся информации. Что-то уже знал, что-то оказалось новым. Вояки маршруты банд в основном разведали, проблема была в том, что контролировать их сил не было, это придется все ополчение собрать и по огромной территории раскидать. Причем на все время и без всякой ротации. У нас такая же проблема была, тут ничего нового. На штабной карте места боестолкновений отмечены, равно как и точки захвата пленных с датами и пометками — к какой банде принадлежит. Информативно, ничего так. Но вот про рынок рабов они не знали ничего. И по местам жительства авторитетов по показаниям Прапора многое добавилось. Может, другие не знали, а может, просто вопросы правильные им не задавали. Всякое бывает.

— Теперь обзорно. — Начальник открыл свою папку. — В городе есть три основных авторитета, под кем все силы. Зураб, Бачила и Хан. Под Зурабом все заводы практически. Бачила контролирует кабаки и бордели. Хан сидит на наркоте, алкоголе и местные рынки под ним. Остальные — или мелкие банды, типа подрядчиков, или «зеленые». Эти все платят в общак, причем «зеленые» больше, потому что беспределят. Есть несколько криминальных дельцов, Монгол и Ара основные, под ними какие-то силы небольшие, но так они под кем-то из авторитетов, в общак отдают долю. Есть просто «новые буржуи», держат кто что, но не слишком большие, в заваруху не полезут, просто сил нет, да и нет уверенности, что они авторитетов так уж любят. Общак держит Зураб, условно, но Бачила с Ханом туда не несут ничего давно, сами в силе. То есть единства нет.

— Столкнуть как-то между собой? — спросил Кононенко.

— Не получится. Там особых противоречий нет, все поделено. А мелкие конфликты на сходняках решаются, до стрельбы не доходит. Они раньше свое отстреляли, теперь у них вроде как триумвират и все довольны. Но гость мысль высказал правильную: там все на авторитетах

держится. Если их разом выбить, то дальше проще. Сергей, — начальник ко мне повернулся, — ты что предлагал?

— Войти тихо в город с направления, за которым не следят, и ночью выбить всю верхушку вместе с «торпедами» и семейниками.

— Мало этого. Новые сразу возникнут, — сказал Михаил. — И в городе завязнем. Там бандитов, не знаю... сотни три, получается?

— Примерно, — кивнул Сеня.

— И я не уверен, что получится, — сразу усомнился Кононенко. — Начать можно, но дальше что-то точно пойдет не так и затем потери плюс недостигнутый результат. Если остальные к авторитетам близко живут, то подтянутся, а ночью порядка в городском бою не будет, суматоха начнется. Еще сами себя постреляем.

— Еще идеи?

— Как-то сходку спровоцировать, — предложил я. — Вроде как ценный груз доставить. Такой, чтобы авторитеты сами его смотреть поперлись. И груз рвануть. Засунуть кил пятьсот тротила.

Тротила сейчас много, у всех. Боеприпасов осталось без меры, стрелять ими некому уже, вот и вытапливают. Не считая тех запасов, что и так на складах лежали.

— Тут угадать сложно, поедут или нет. — Начальник почесал щеку. — Могут поехать, а могут послать кого-то. А могут и просто договориться. Никакой уверенности. И опять же не решается вопрос с остальными.

— Выманивать их надо, на большой куш, — сказал Сеня. — Реально большой, чтобы все поперлись. И там засаду по полной программе.

— И что может быть таким ценным, что поедут все?

— Медицина, — предположил опер. — Вакцины, сыворотки.

— Не пойдет, — сказал я. — Медицина — товар медленный, сдавать его долго, нужна даже агентура. Почему у них этим Монгол и занимается. То есть кидать друг друга сложно, нет интриги.

— А с чем интрига будет? — спросил начальник.

— С золотом. Только.

— Объясни.

— Тут просто все, — я начал формулировать неожиданно возникшую мысль экспромтом. — Золото — это деньги. Хотя официально не ходит, но мы все в курсе, все равно никто не отказывается. Так?

— Ну.

— И вот мы даем наводку на некий груз золота. Который взять сложно, но можно. То есть надо всех людей туда.

— А старшие?

— С золотом проблема в том, что им не обязательно делиться. Те, кто его возьмут, могут с ним и уйти. Или даже вернуться в Вышний, но поделить между собой и сказать, что не было ничего. Потом по-тихому переплавить, и дальше как душа подскажет.

— Согласен, — начальник кивнул. — Продолжай.

— То есть все авторитеты поедут, это точно. Чтобы присутствовать. Не дать себя выставить. Все семейники с ними будут, для гарантии.

— Если золото в большом количестве кто и возит, то под такой охраной, что никакая банда даже планировать ничего не будет, — сказал капитан. — Там без шансов. Узнают про груз, расстроятся и все. С возможными потерями при такой операции им Вышний держать будет нечем.

— А вот не надо груз, — вступил в дискуссию Михаил. — Вот как раз груза и не нужно.

— А что нужно? — повернулся к нему начальник.

— Нужен не груз, а клад! — Опер хлопнул ладонью по столу. — Но насчет золота верно. И даже если стрельбы не ожидается, они все равно все поедут, потому что друг другу доверять не смогут. В городе минимум останется.

— И какой клад? Где? Почему он там оказался? Как легендировать?

— Арсенал ГРАУ в Ржеве. Там три территории, так? Ударили по восточной окраине, воздушным, по позициям ПВО и аэродрому. — Михаил вскочил и подошел к карте. — Вот примерно так прошла зона разрушения, зараженного там мало, пятно восточней, вот оно, верно? — он показал карандашом.

— Так точно, — кивнул Кононенко.

— Территория у Мончалово вся осталась цела, и оттуда все давно вывезли, об этом все знают. С территориями в городе вышло сложнее, там местами сильные разрушения, местами слабей. Какая-то техника до сих пор фонит, какую-то вообще на металлолом утащили.

— Все верно.

— А теперь представим, — он обвел всех взглядом, — что перед самым началом войны начали перевозить золотой запас в разные места. Ходили же такие слухи, верно?

— Было, — подтвердил начальник. — Одно время до хрена кладоискателей развелось, чуть ли не по сберкассам шарили. Кстати, я слышал, что это не слухи, золото действительно в разные места развезли, по убежищам.

— А вот теперь вообразим, что везли куда-то, не довезли, тревога

застала у Ржева. Золото сгрузили, и куда его девать? Арсенал самая охраняемая территория. Сложили там, потом удар, место завалило. Но золото там есть.

— Ну, — начальник почесал в затылке, — как история годится. Почему никто не нашел до сих пор?

— Потому что никто и не знал, это в последний момент случилось. Даже кто там служил, в курсе не были.

— А кто тогда в курсе?

— Вот он, — Михаил показал на меня. — Он там служил и чем-то командовал. Потом уехал, теперь вернулся. Специально за золотом.

— И почему сам его не выкопал? — спросил Кононенко.

— Потому что глубоко, техника нужна, все завалено, — Михаил усмехнулся. — Потому что золота много, самому не увезти и потом не сдать. И потому что тут никому не скажешь, потому что власть заберет за спасибо и почетную грамоту.

— Миш, а может сработать, — вышел я из задумчивости. — Они даже разведку не пошлют.

— Почему?

— Потому что разведка должна сначала раскопать и все проверить. А если она раскопает, то покидает все в зиллок, да и уедет. Вот и все. На хрена им тогда все их воры? Нет вариантов. Надо ехать всем, со всеми старшими, и друг за другом следить.

— Только легенда должна быть идеальная, — сказал начальник. — Над легендой думаем, хором.

— Я туда все равно ехать собирался, — сказал я. — Может, даже завтра.

— На фиг?

— Я там уже мелькнул, и никто на меня не покажет по банде Прокопа, свидетелей нет. Пока я даже из гостиницы не съехал. Вот что бы сильно помогло... нужен грузовичок какой-нибудь и товар... хороший такой товар, криминальный, и чтобы при этом подозрения особого не вызвал.

— И что?

— Продам его там аккуратно, чтобы не кинули. Кому-то из старших. Товар должен вызвать интерес, — я опять конструировал идею на ходу. — Пообещаю еще привезти, попутно скажу, что не один, братва еще есть...

— Кто?

— Из Грязовца вызывать, из бандитского отдела, их тут точно никто не опознает, а понятия они знают. Прикроют в случае чего, да и не поверит никто солисту, банда нужна, — я кивнул самому себе. — И затем аккуратно

задвинуть идею про клад. Показать документы на груз. Сказать, что принимал его сам, в условиях секретности. Показать старое удостоверение личности и все прочее... печать строевой части нужна, к слову.

— Можно сделать, не проблема.

— И вот тогда они могут повестись. Заранее закопать ящики, только вместо золота тротил. Как инициировать так, чтобы самим не помереть, заранее же продумать. Рвануть, а остальных добить. Уходить из Ржева, если карте верить, в свою сторону им будет трудно.

— Трудно, — сказал молчавший до сего момента разведчик Котов. — Хрен в зубы им, никого не выпустим.

— Что за груз тогда нужен? — спросил начальник. — Грузовичок дадим, найдем, это не проблема.

— Груз нужен криминальный, чтобы не объяснять, почему в другом месте не продал.

— Было бы неплохо, если бы этот груз где-то пропал, — добавил Сеня. — На случай, если у них есть возможность проверить. По сводкам бы посмотреть — что где ушло. Не у нас, но в районе или в соседних.

— Что ушло, могло туда уже приехать, — возразил начальник. — Инсценировка нужна. Машину вытащить, можно фoniaщую, из отстойника, расстрелять, сжечь, оставить на дороге. Прикидывайте груз, но только чтобы нам в расходы не лезть, район не пропустит. Из конфиската что-то можно.

— Эфедрин в стекле есть, — сразу сказал Михаил. — Который тогда за Ржевом взяли. Хозяин груза один хрен на Луне уже, не расскажет, а шуму не было. Там его ящиков десять, насколько помню. На винт там пойдет вполне.

Да, аптечный эфедрин стал криминальным товаром, который в нехороших местах скупают с радостью. Все дороги не перекроешь, нечем, а на разных скалах его еще много осталось, да и не только там. А где-то еще, несмотря на разруху, эфедрин синтезировать начали, да в товарных количествах. За последнюю пару лет наши раза два такие грузы брали, причем помногу везли, под серьезной охраной. В одном захвате сами участвовали, много стрельбы получилось.

— Кто в Вышнем по дури главный? — спросил я.

— Под Ханом вся дурь и местный план, прямо на базаре точки.

— И грузовик ведь тоже есть, так? — вспомнил начальник.

— Есть.

— Вот его и расстрелять в хлам. И кровью все забрызгать. Сергей, вызывай своих, это может сработать. Наших нельзя, любого могут в лицо

опознать.

— Меня самого уже могут. И с машиной придумайте что-нибудь, мой «пырзик» заметный слишком, и в городе его знают.

В тот же вечер я съехал от Сергеевны, не забыв при этом заплатить вперед за две недели и покормить Василия, после передав остаток его колбасы хозяйке. Сказал, что отъеду на несколько дней в Осташков, а сам, собрав вещи, переселился в общагу на территории части, чтобы не мельтешить в городе. Получил там комнату с двумя кроватями, тумбочками, шкафом и даже отоплением, пусть летом и выключенным. На территории своя котельная на торфе, так что вояки шикуют. И в дома частные через дорогу тепло проведено.

Там меня переодели в форму, чтобы не выделялся, выдали КМ-Л, который «Березка», штаны, куртку и даже маску, так что форму я сразу же сменил на камуфляж, на который накинул кустарный «лифчик», привезенный с собой. Не холодно сейчас, а костюм легкий, в нем как в трениках или даже лучше.

Машину дали, но такую, что я чуть в драку не кинулся.

— Вы охренели? — спросил я, когда Сеня пригнал тот самый уазик, на котором я уехал из Вышнего.

— Не сцы, все будет как надо, — ответил он, хихикнув перед этим, с гордым видом вылезая из-за руля. — Тут ребята сделают все так, что не узнает никто. Есть с чего перекинуть. И подкрасят под камуфляж, теперь это модно стало.

— Сень, если меня там опознают, то ты лучше молись, чтобы там на месте и мочканули, — вздохнул я. — Иначе я вернусь сюда и посмотрю тебе в глаза. И тебе это не понравится.

— Да я без шуток, — он посерьезнел. — Есть машинка такого же возраста, просто перебросим заметные части. Задние двери в этой заварят, покрасят по-быстрому, тент за передними сиденьями вниз завернуть — и вообще грузовик выйдет. Они быстро все сделают. Тут главное документы нормально сляпать.

— Блин, надо было своих ждать, — махнул я рукой. — А что-то другое махнуть на эту не могли?

— Да ладно, успокойся ты. Потом, если все нормально сделаем, тебе же его в премию дадим. Нет свободных машин. Можем «газон» пятьдесят первый дать, но куда он? В других городах искать — лишние вопросы. Да, салон тебе от «москвича» воткнем, королем ездить будешь. Ну и кто опознает? Он так целый, без вмятин... особо... да и вмятины просто

киянкой постукают, все изменится.

Машины загнали в парк, в бокс, и механики взялись за нее сразу же, привезя откуда-то на «Урале» целую кучу запчастей и обещанные сиденья. А где-то через полчаса меня отыскали, и на двух «Уралах» мы выехали в Ржев. Отделение разведчиков и четверо саперов, загрузив в кузов второй машины ящики с тротилом.

На южном КПП нас никто не проверял, разумеется, так что колонна выкатилась на разбитое шоссе и пошла на юг. Машину потряхивало на выбоинах, похлопывал тент, погромыхивали борта, разговаривать не хотелось. Задремать тоже не получится, так что я задумался. В дороге именно что думать и остается, а пути нам часа на четыре.

Если получится сделать, как задумали — сделаем большое и правильное дело. По-настоящему правильное, из тех, которые не делать нельзя. Но долг мой на этом не закроется. Он никогда не закроется на самом деле, потому что каждый раз, когда я засыпаю, перед глазами встает одна и та же картина: расстрелянная машина, лужи крови на мокрой грязи и тела. И среди них жена и сын. Сына там не должно было быть, они случайно встретились, и жена попросила его подвезти. Так свидетели потом показали. Их расстреляли у самого поворота к больнице, из автоматов, стараясь убить всех без всякого даже смысла, из чистого живодерства. И тех, кто не умер сразу, добили выстрелами в голову. Жену добили. А сын умер при обстреле. Сын, которого жена родила перед самой войной, с которым на руках мы прорывались сквозь разрешения, панику, с которым выживали после, прошли страшный Пятый Год. И затем пришла банда, и на этом его жизнь и жизнь его матери оборвались. А моя жизнь закончилась. То, что от нее осталось, так это желание мстить. Выводить эту сволочь как глистов, всех поголовно, где бы ни встретил.

Дай Бог мне выжить в том, что меня ожидает. Смерти я не боюсь, совсем, я уже умер, но я хочу охотиться и убивать дальше. И не только за себя. За этих женщин, что я привез, за тех, кого расстреляли в Бежецке и Фурманове, за тех охранников, которых убили, чтобы угнать ту самую Петрову Наталью Константиновну и продать ее на рынке другой банде. И всех остальных, которые ловят и продают людей, убивают за лекарства, чтобы их продать, а деньги пропить, проиграть и купить на них наложниц. Много за что. Возле Грязовца одно время гуляла банда, которая просто убивала людей в проезжающих машинах и подводах. А затем они смотрели, есть в грузе что-то полезное или нет. И если не было, то просто уходили, оставив за собой трупы. Их мы поймали, гонялись с полгода, они за это время человек двадцать в районе убить успели.

Откуда их столько развелось? Не только власть ослабла, этого мало. Страшнее другое — множество людей в первые годы после нападения выживало. Выживали всеми силами все, я сам тот ужас помню, но каждый делал это по-разному. Кто-то вместе, защищая друг друга, а кто-то за счет жизни других. Умри сегодня ты, а я завтра. Смерть перестала быть событием, она была везде, превратилась в обыденную реальность для большинства и в способ выживания для некоторых. А потом и в развлечение. «Зеленые» одичалые банды подчас творили такое, что и в средневековых хрониках не найдешь, превращались даже не в животных, а в каких-то упырей, демонов, в невероятное, за крайнее зло, которое надо даже не истреблять, а выжигать огнем, рвать с корнем.

Мы с ними боролись как могли. За те годы, что я сменил военные погоны на милицейские, мы сильно почистили свой район. Не спали ночей, сутками на ногах или в машинах, лесные дороги, засады, перестрелки, но как же отрадно было видеть, что жизнь становится все менее и менее опасной. Вместо колонн стали ездить просто машины, люди перестали бояться выходить к окраинам, зато нас стали бояться те, кого мы вылавливали одного за другим. Старались все же ловить, для того, чтобы привезти туда, где они куражились раньше, и расстрелять на глазах у людей. Хоть некоторых все же и не довозили. Тех, для кого и расстрела было мало. Каюсь, закон этого не позволял, но не думаю, что мировая справедливость как-то этим нарушалась. Есть ведь такая, я в нее верю. И я всегда был ее частью, а теперь отдам себя полностью. Потому что больше ничего у меня в этой жизни нет. И никогда не будет.

В Старице остановились ненадолго, посадив в машину двоих бойцов местной роты и одного лейтеху, после чего поехали дальше. Сам Ржев объехали, где оставшимися проселками, а где и просто полями, заехав в город с запада. Удар пришелся восточней, по военным объектам, но городу досталось все равно. Район многоэтажной застройки с запада лег весь, разрушился и выгорел под корень. Частный сектор тоже сгорел почти полностью, ничего не осталось, разве что местами огрызки печных труб торчали в небо, обугленные и черные, как гнилые зубы. Но уже по всем развалинам пробивалась зелень, природа забирала обратно то, что когда-то досталось людям, которые не сумели это удержать. Трава сквозь трещины в асфальте, мелкий кустарник всюду и везде, и теперь даже вид развалин был

не таким мрачным, как раньше, они словно уходили по реке времени дальше, превращая в историю то, что здесь когда-то случилось.

Наземные постройки на территории арсенала более или менее уцелели, разве что проезды начали зарастать, не говоря уже об огромном парке техники и подземных хранилищах.

Машины проехали за остатки забора, след в след, аккуратно, чтобы можно было сказать, что тут разве что одна машина каталась. Остановились, бойцы дружно выпрыгнули из кузовов и сразу образовали оборонительный периметр. Сноровисто, толково, быстро. Это не те призывники, какими я когда-то командовал. Тут люди по десять и больше лет прослужили, немало повоевав, а до этого выжив во всеобщем хаосе.

Я подхватил свой трофейный АКС и вместе с Котовым и саперами пошел осматривать территорию. Нужно выбрать правильное место, что не так просто, потому что склады и хранилища всегда строились с расчетом, чтобы завалы не могли ничего заблокировать, а в случае пожара огонь не перекинулся. Но другое место не подходит, нужна именно военная база хранения.

— Мародеры здесь бывают?

— Нет, — ответил старицкий лейтенант, средних лет круглолицый мужик в такой же «березке», как и мы, но сетчатой. — Выгребли отсюда давно все, что взять можно. Мы сами чуть не год возили. Да и боятся таскать отсюда что-то, там же пятно за аэродромом.

Бойцы с ним работали дозиметристами, но, судя по их реакции, тут все было чисто.

— Завалить ничего не могло, — разочарованно заключил командир саперов после того, как мы дважды обошли всю территорию.

— И что делаем? — спросил Котов.

— Будем просто рвать подземное, завалив вход. — Я этот вариант предусмотрел. — Специально взрывали, чтобы завалить. После удара. И ушли. Только завалить надо на совесть, чтобы без техники никак.

— Это не проблема вовсе, — сапер усмехнулся. — Если что сломать, то это мы запросто. Выбирайте.

Плохо, конечно, что разрушения будут выглядеть свежими, но других вариантов не вижу. Попробуем их грязью испачкать и прочим, думали об этом. Может, и прокатит. Должно прокатить.

Ангары, в них техника была или до сих пор стоит, та, что не понадобилась. Не подходит. Штаб, казарма, им досталось, крыши снесло с окнами, но более или менее стоят. В историю о «тайном подвале под штабом» никто не поверит, служили многие. А вот если ближе к станции,

то там трехэтажные корпуса хранилищ.

— Там оружие было?

— Оружие, — ответил старицкий лейтенант. — Очень много. Только пулеметов пятнадцать тысяч вывезли. Тот корпус, вон тот и дальше еще два.

Там охрана была серьезная, оружие принято охранять. И как раз туда железнодорожная ветка заходит, прямо впритирку к корпусам, даже пандусы видны... очень все логично. Подогнали вагон, разгрузили под охраной... вон в тот корпус. Там до сих пор и решетки, и ворота железные, и все атрибуты.

— Вон тот заваливаем, — показал я пальцем.

— Нормально, — кивнул сапер, — он панельный, сложим как надо.

— Вот и давайте. Только фугас, что под завалом будет, рвануть не должен.

— Да все как надо сделаем, в лучшем виде.

Возились они часа четыре, размещая взрывчатку. В корпусе нашелся подвал в пару уровней, в него грузовой лифт и широкая лестница. Саперы покумекали и предложили положить верхние этажи сверху плашмя.

— Там работы до хрена даже с техникой будет, все зацепится, а большие бульдозеры им не притащить.

— Так и надо.

Если делать так, что взрыв выглядит намеренным, то пусть все поймут, что люди старались. Больше доверия вызовет.

В общем, рвануло. Половина корпуса осела в клубах пыли. Подошли, посмотрели — даже как-то в глаза не бросается, что работа свежая. Покидали грязь лопатами разве что на изломы, размазали вениками из веток — вообще все в ажуре. Внимательный заметит, конечно, но не сразу. А мы затягивать процесс не собираемся, нам лишь важно, чтобы все здесь собрались. Сейчас еще мины заложат, а мне потом запомнить — куда именно, чтобы самому с ними в небеса не взлететь. И еще автомат спрятать, с тремя магазинами, как-нибудь поудобней и недалеко... «Калаш» штука надежная, ни черта с ним не случится, если даже полежит тут недельку-другую, а вот для меня может стать шансом, если все пойдет так, как планируем. С патроном в стволе и снятым с предохранителя.

С местами для засады ситуация так себе, если честно, но при наличии достаточных сил не страшно. Арсенал вроде как частично на мысу, образованном изгибом Волги, то есть отхода на юг и запад нет. Мосты через Волгу разрушены. С севера целые корпуса станции и промзоны, там спрятаться без проблем. Единственный маршрут отхода будет на восток, в

зону максимального поражения, а дальше пятно. Много открытых пространств и лесочки тут и там, то есть блокировать все равно можно. Нет, нормально, справятся вояки. Так что пошли разведку проводить, тем более что Котов этим делом давно занят. Но у него своя разведка, а у меня своя, по задачам.

Машину доделали на второй день. Я посмотрел и признал, что Сеня не соврал, узнать угнанный уазик в этом было бы очень сложно. Задние двери просто исчезли, борта образовали кузов, который нарастили, закрепив с каждой стороны по доске, а сверху навесив затягивающийся брезент от палатки. Каркас тента переварили и покрасили, загнув тент за сиденьями и перенеся окошко, превратив пятиместную машину в двухместный грузовичок. Правда, вместо камуфляжа нанесли серую «кубовую» краску. А так даже и лучше, чуть меньше намеков на «военность». Такие машины ездят, я не раз видел, многим нужен маленький грузовик с высокой проходимостью. Правда, чаще видел такие из шестидесят девятого, иногда удлиняют даже, но и уазики встречаются. И еще склонностью к переделке отличаются бандиты, и вот это как раз то, что мне и нужно. На подобные машины часто пулемет ставят в рейдах.

С утра на территорию части заехал защитного цвета ЗиЛ-131 с полутентом, из которого выбралось несколько человек в камуфляже и самопошивных панамах вроде моей, вооруженных до зубов.

— Здоров, «бандиты»! — пошел я навстречу.

«Бандиты» — «бандитский отдел», ОББ. Коллеги мои подъехали. Быстро, за сутки всего, считай, пять человек. Сами перли, без колонны. Теперь точно все в сборе.

— Здорова, командир, — мне пожал руку высокий жилистый мужик, стриженный под ноль и с усами щеткой.

Матвеев Коля, сменил меня на должности, до этого замом был. Мы с ним почти все годы вместе, уже понимаем друг друга даже не с полуслова, а с полумысли, наверное.

— Командир теперь ты, а я внештатник. Как добрались?

— Нормально, без проблем.

— Димыч. — Я пожал руку здоровенному блондину с пулеметом на ремне. — Мартын. — Среднего роста подвижный парень с СВД. — Леха. — Радист, а с виду чистый крестьянин, с бородой, к тому же еще и конопатый. — Славян. — Рослый мужик с лицом боксера и сломанными ушами.

Это не весь отдел, у нас почти два десятка человек было, потому что, как я уже говорил, за бандитами гонялась именно милиция, а в Торжке подобным занимается разведвзвод и остальные вояки. Но этих позвал я

сам, самые надежные и, что важно, они и уголовников изобразить сумеют. Начальник направил их с великой радостью, узнав, что мы тут тех самых грабителей вычислили.

— Так что, есть работа? — спросил Коля.

Раз мы тут все по позывным, то Коля получается Колун, а я в таком случае Серый. Так и общаемся обычно, привыкли.

— Есть. С утра пораньше и начнем, а сегодня подготовка.

— Не маловато времени на подготовку?

— Сколько есть. Используем по максимуму.

— Ваш народ? — К нам подошли Кононенко с Михаилом. — Разгружайтесь и пошли планы планировать.

— Разгружаться смысла нет, — влез я, — им так и выдвигаться. Документы сдадут только.

— Тем более пошли.

Сотрудники свалили оружие в кузов грузовика, и капитан повел нас в штаб.

Карт на стенах прибавилось, равно как и отметок на них. Немалую часть я сам нанес, когда определял маршруты. Люди расселись, кто-то всем тут же принес чаю и бутерброды, вернулись отходившие куда-то опера.

— Курим здесь, — объявил Кононенко, — на перекуры не выходим. На пол только не трясем. Сергей, — он обратился уже ко мне, — начинай сразу по своей части, потом к остальному перейдем.

— Хорошо, принял. — Я поднялся из-за стола и подошел к карте. — Значит так, в основном с моей группой пока займемся. Сначала вкратце, по деталям пойдем позже. Задание простое — изображать банду. Не из блатных, кочующую, с опытом. «Печенегов». Мы со Славяном в Вышний въедем отдельно, а остальные после меня, может, даже по другой дороге. Будете силовой поддержкой на случай чего. Если я смогу там договориться с авторитетами, то покинете город первыми.

— Что дальше? — спросил Колун.

— Как я уже сказал, моя задача завязать контакты с кем-то из местных авторитетов, — повернулся я к нему. — Причем так, чтобы информация о кладе дошла и до других. Ориентироваться буду на месте, но предварительно должен выйти на Хана. У меня груз эфедрина, это его рынок, но при этом у Хана под рукой нет нужной техники для разбора завала, ему придется договариваться с другими. Это должно сработать в нашу пользу.

— Так и есть, под Ханом только базар и вообще торговля, — подтвердил Михаил. — Сам он такой выезд не потянет. А все производство

под Зурабом, без него не обойтись.

— Мы что делаем?

— Ваша задача обеспечить безопасность сделки, если мне удастся ее добиться. Подробности чуть позже. Я вывезу представителей бандитов из города, вы изобразите моих подельников. Встретимся где-нибудь на пленэре. Предпосылка такая, что мы в самом Вышнем встречаться ни с кем не хотим и не станем, риску много. Куш большой, если нас возьмут, то карту выпытать могут. А мы этого не хотим.

— Поверят?

— Поймут наши мотивы — значит, и поверят. Тут не переиграть, главное. И недоиграть нельзя. После встречи сразу же отбываете в район Ржева, вот маршрут, — я ткнул указкой в линию на карте. — От Торжка вас примут и проводят, не заблудитесь. По прибытии в район занимаете позицию вот здесь, на Красноармейской набережной, за разрушенным мостом. Ваша задача прикрыть мой отход вот по этому маршруту... — я повел указкой. — Я буду прорываться через частную застройку в район развалин, оттуда выйду к мосту и постараюсь переправиться к вам. Развалины моста должны меня прикрыть. Дальше наша задача пресекать попытки бандитов перебраться на правый берег. В сущности, все.

— А как перебираться будешь? Вплавь?

— Почти что. Есть идея, — усмехнулся я. — Изложу позже.

— А как ты от бандитов отрываться собираешься? — спросил Мартын.

— Это самый сложный момент, но что-то уже предусмотрели. Меня почти наверняка разоружат, но я там спрятал автомат с тремя магазинами и пару гранат. Плюс военные отвлекут, несколько секунд у меня будет.

— Рискуешь сильно.

— Риск старались просчитать. Ладно, общую ситуацию вы поняли, теперь пошли по деталям. Работаем до упора, обедать будем здесь.

На следующее утро уже выехали. На этот раз я экипировался всерьез, прихватив и СВД в чехле, и автомат, и гранаты. Потерять это обидно будет, случись чего, но мне нужно быть готовым к любому повороту событий. К тому же там вся банда Прокопа, а это уже отдельно. В поход за золотом их никто не позовет, то есть в засаде не выбьют, а счет у меня к ним персональный. Так что думать будем, прямо там. Я не закончил, пока

живые остались. Никто из наших не закончил и про них не забыл. Только вслух на совещании об этом не говорили, народ из Торжка мог заартачиться.

Движок уазика порегулировали, расход бензина упал заметно. И вообще машину по ходу дела не только переделали, но и в порядок привели, даже люфт в рулевом ужался, а то болталась баранка как хотела. Быстро справились. И узнать ее теперь точно будет трудно, насчет этого можно не беспокоиться. Немного странно оборачиваться, брезентовая стенка прямо за спиной оказывается, по мне так глупость, проще груз в салон пихать, но вот мода такая пошла, а бандиты моде подвержены в первую очередь, это даже не правило, а аксиома. И сиденья от легковушки тут тоже в кассу. Смысла никакого, но поди ж ты.

Шли окольным путем, забирая восточней, проселками и брошенными деревнями, намереваясь у самого города разделиться. Я через Зеленогорский заеду, с юга, а ребята на зилке с севера, через Красномайский. А туда через Кувшиново проехали, этот городишко у нас в легенде. Главная забота — ни на каких диких не напороться. Земля пустая, так что неважно, под кем район находится, но если налетят «зеленые», а отбиться не успеешь, то даже если ты свой, никто ничего не узнает. А мы залетных изображаем, так что чужаки, нас никому не жалко, почти что законная добыча.

Лес и заросшие поля, лес и поля. В первые годы после Этого Самого кустарник везде разросся невероятно, местами начал вытеснять лес, который тогда хирел. Болот в Калининской области и так всегда хватало, а после той долгой зимы, когда снег валил и валил, а потом вдруг быстро начал таять, они еще подросли, поглотив многие мелкие дороги и затопив леса. Помню, как еще мух с комарами тогда прибавилось, форменное нашествие. Птиц стало мало, лягушки почти полностью вымерли, накомарник стал предметом одежды. Но природа умеет находить баланс самостоятельно, от изобилия еды птицы с лягушками сами развелись, и постепенно все вернулось почти что на круги своя, и комарья того же не больше, чем раньше. И даже обещанного нашествия крыс не случилось. Размножились они в свое время в городах, тех, где под завалами и просто на улицах тысячи трупов лежали, но потом ужались до обычной своей кормовой базы.

Что изменилось? Зимы теперь теплей, с частыми оттепелями. Лето дольше, но обычно дождливое. Жары и не помню, какой-то британский у нас стал климат, как в книгах описывался. Но ничего, приспособились, в чем-то даже легче стало. Для ржи хуже, говорят, а вот картошка и всякие

овощи лучше растут. Ну или там корнеплоды.

Ну вот, подумал — и опять дождик накрапывать начал, пришлось дворники включить, а резинки на них совсем никакие, стекло почти не чистится. Надо новые вырезать или купить. Капли по тенту стучат, фырчит мотор, машина на ямах и кочках раскачивается. Зилок тянется сзади, не отстаёт. Да я и не быстро еду, закончилась давно быстрая езда. Грузовики теперь так и побыстрей легковушек катаются, потому что тяжелые и на больших колесах.

Интересно, как теперь с ездой в заграницах? Это у нас в Союзе строили не дороги, а машины для бездорожья, а там что теперь? Им ведь тоже неслабо досталось. Всем досталось, даже тем, кто и не участвовал. Тучи пыли, закрывшие небо и солнце, довольно быстро начали смещаться к экватору, пригнав зиму туда, где ее и не знали никогда и не умели ей противостоять. Вместе с радиоактивными осадками, сплошь из долгоживущих изотопов. Страны без резервов и запасов начали вымирать, шла взаимная резня, доходило до людоедства. В результате вроде бы не пострадавший от ударов юг потерял больше, чем кто-то еще. Почти вымер.

Советский Союз был самым большим параноиком на земле. Уроки начала Великой Отечественной даром не прошли, долгие годы великое множество всего копилось на складах Госрезерва, мобилизационных и многих других. Каждое ведомство создавало свои великие запасы. В прямом смысле слова — всего. Еда, оборудование, сырье, медикаменты, даже деньги на случай чрезвычайных ситуаций, когда потребуется отказаться от тех, что уже в обращении. И если при ударах страна потеряла много, инфраструктура рухнула и развалилась на части, то, несмотря на весь ужас первых лет, выживать нам было все же проще, чем кому-либо еще на этой планете. Правительство открыло склады, стараясь спасти оставшихся в живых.

Возьмем оружие. Много оружия, много патронов. Миллионы и миллионы автоматов и пулеметов хранилось на военных складах. Пять миллионов человек в армии, а только в каждой части оружия и техники еще на три, на случай развертывания. И базы хранения. И еще не меньше на мобилизационных складах длительного хранения, все подряд, начиная с трехлинеек и трофейных немецких карабинов, ППШ и ППС, ТТ и наганов. Патроны из расчета на три года тяжелой войны, где стреляющая армия по численности превысит количество тех, кто остался в живых на территории страны сейчас. То есть нам это все за век не расстрелять, наверное, если только этим и будем заниматься.

Почему тогда колонну сопровождал старенький БТР-40, а не что-то

серьезней? Лишь потому, что он сделан на базе полноприводного грузовика и не так много топлива жрет. Ну и на борта можно положить сразу несколько пулеметов, создав невероятную плотность огня в нужном направлении. А РПГ-7 никакая машина не выдержит. И такие машины в цене, потому что на них ставят двигатели мощней, от тех же БТР-60 и БТР-70, доводят до ума, и расходов на них куда меньше, чем на современные бронетранспортеры, пробег которых до капиталки весьма невелик. Но если заглянуть в парк вояк в Торжке, то там можно найти очень многое из того, что стояло на базе хранения Сухопутных войск в Калинин и рядом, например. Хранится до тех времен, когда понадобится. Вот сейчас должно понадобится, я думаю. Если мы все сделаем как надо. И даже у бандитов в Вышнем есть кое-что, далеко не только грузовики. Они тоже до разных складов и хранилищ добирались. В глухих местах в кадрированных частях военного имущества на дивизии. Пусть сама армия к восьмидесятым, если честно, превращалась в нечто неумно раздутое и не слишком хорошо в массе своей обучаемое, я это помню сам, как пехотинец, но запасы для мобилизации были почти бесконечны. А теперь так же бесконечны склады в городах. Котов в разговоре проболтался, что со складов их части все население Торжка можно вооружить трижды, включая младенцев и старушек.

Да и у нас в Грязовце все было примерно так же. Хуже то, что и банды вооружены не слабей. Раз мы подбили из гранатомета БТР-152 одной лихой банды, а выскочивших из него там же положили. Когда осматривал машину — удивился, откровенно говоря. Помимо штатного пулемета, в нем стояло еще два на самодельных вертлюгах, перекрывая все сектора, особенно задний, на случай, если нужно смываться. Еще три совершенно новых пулемета лежало внутри, просто про запас. А патронные цинки вытянулись вдоль бортов кирпичами в три слоя. И патронов бандиты не жалели, так что если бы Славян не успел выстрелить неожиданно, когда машина показалась из-за поворота, они бы и проскочить могли, придавив нас огнем так, что и головы не поднять. Ну и еще повезло в том, что бандиты после разрыва запаниковали, начали выпрыгивать, потому что они и из-за стоящей брони могли бы дел натворить.

Полезли потом под капот — все то же самое, двигатель заменили, что могли — улучшили. Да что говорить, если у нас в отделе было два своих «сороковника» с такой же модернизацией, не считая одного «бардака». Милиция называется, а по полям и лесам носились, как вполне себе армия. В Торжке поэтому и переложили нашу работу на военных, лишь придавая им оперов. Нет уже единой схемы организации милиции, как говорил

раньше, везде по-своему все.

По дороге проехали через деревню Есеновичи, где последний опорник Торжокского района. Место такое, что и проселками не объедешь, если кто спросит, придется врать, будто ящики с эфедрином таскали в обход лесом, потом грузили снова. Но вообще нас пропустили, ждали. Конечно, если кто за местом наблюдает, то нехорошо получиться может, но все же рискнули. Может, и зря. Могли бы и потаскать добро на себе, убив день.

Затем вообще безлюдные места пошли, но нападения мы все же не слишком опасались. Тут ездят нечасто, бандиты специально долго ждать наугад не станут, и к тому же патрули из Торжка, наплевав на все, заходят сюда частенько, проверяя дорогу до самого шоссе. И уже на шоссе разделились. Славян пересел ко мне, и мы с ним погнали на Зеленогорский, а зилор на Коломна пошел. Пока все по плану.

Славяна в напарники выбрал по двум причинам — морда у него самого бандитская вполне, говорить умеет... впрочем, у нас все по понятиям умеют тереть, и, кроме того, быстрый он и очень сильный. Так как он, никто больше не подстрахует, а одному там сложно, я еще в прошлый приезд убедился. Нужен человек рядом.

У поворота на Зеленогорский столкнулись непонятно с кем, три грузовика, у одного капот поднят, возле них люди с оружием, по стилю и манере одеваться — натуральные бандиты, никаких сомнений. На нас уставились, напряглись, но останавливать не пытались. Или свои дела, или просто к городу близко, а кто мы — непонятно. Тоже по общему стилю и облику подходим под определение.

На въезде в город блок, больше дозиметрический контроль, хоть и не знаю, насколько польза от него может быть. Если очень требуется что-то «светящееся» протащить, то можно это сделать и без дороги, крепостной стены вокруг Вышнего нет. Хотя, в принципе, все сами боятся вещей с «уровнем», так что на такой контроль едут спокойно. А другой проверки тут не проводится, даже не регистрируется никто. «Вольный город Вышний Волочек».

Потянулись частные дома, потом справа оказалась очередная бандитская крепость, научился уже отличать — выстроившиеся двухэтажные здания из серого кирпича, забор с колючкой, на дорогу магазинчик выходит, у входа пара персонажей понятного типа отирается, курят и базарят о чем-то. Вот это бы место тоже разнести бы в клочья со всеми обитателями, а потом сжечь и разровнять. Такое вот острое желание сразу возникает. Тоже не из центровых банда, очередные «подрядчики» и беспредельщики.

Ржевский тракт вывел нас на Цнинскую набережную, к старым особнякам.

— Смотри, самое кубло здесь, — сказал я. — Все старшие тут живут и их семейники. Дальше больше будет.

Тут, похоже, люди стараются особо и не ходить, улица совсем пустая, хоть авторитеты в городе беспредел запрещают, им надежная база и тыл нужны, без восстаний. Навстречу попалась та самая «чайка», которую видел раньше, следом за ней «Волга», битком набитая братвой. Судя по тому, что не в центр, по делам каким-то рванули. «Чайка», к слову, за Зурабом числится, как мне сказали. Тот, кто нам и нужен, поехал.

Казанский проспект, тут как раз больше семейники живут, а заодно и торговое место, еще купеческие торговые ряды сохранились, как в Торжке. Если прямо ехать, то до вокзала доберемся, но уже на хорошо знакомом перекрестке показалась гостиница, к ней мы и свернули.

В вестибюле за стойкой нашел того же самого «джинсового» мужика в той же самой кепке. Он меня узнал сразу:

— Привет. Ты чё, за номер забашлял, а сам не живешь?

— Кентов встретил, у них зависли. — Я как бы сразу перешел на «мы», подразумевая стоящего рядом Славяна. — А теперь нам бы опять номерок.

— Фигня вопрос, цену знаешь. Могу даже твой номер дать, там никого.

— Давай мой, все равно. Кстати, тачку куда пристроить можно, чтобы под охраной?

— Сзади загони, там охрана, — он махнул рукой. — Пятерка в день. С вас по червонцу за койку, по четвертному выходит, короче. На сколько?

— Неделя.

— Нормально. Вперед башляешь — скидку дам. Сто шестьдесят давай, и на неделю в расчете. Машину сразу загонишь?

— Оттуда не попятят? — спросил Славян. — Отвечаешь?

— Не, тут все четко, но отвечать не лохи, сам понимаешь. Стережем, говорю же. Или на улице ставь и сам ее паси.

— Ладно, камеру открой, сидоры пока сдадим, — сказал я, отсчитывая деньги. — Дела у нас еще. Тачку на ночь поставим.

Все знакомо. Мешки свои сдали под охрану, получили белье, на этот раз сухое, не ожидал. С дырками, правда. Поднялись в номер, заправили койки, спустились вниз, на обратном пути столкнувшись на лестнице с таким пьяным мужиком, что тот по стенке поднимался, шажочками, бормоча себе что-то под нос матерно. Видать, ресторан «Елисейские Поля»

навестил.

Дальше сразу рванули к рынку, благо рукой подать. Места уже знакомые, я тут все обходил ногами. Машину приткнули ближе к въезду, Славян у нее остался, а я пошел внутрь, в распахнутые ворота.

Базар как базар, видел один и считай, что все повидал. Деревянные прилавки с навесами, торговцы за весами, покупатели с авоськами. У прилавка с картошкой подставляют свои сетки к желобу, по которому катятся крупные клубни. Огурцы с помидорами, зелень, яблоки, мясной и молочный ряды, вобла всех видов, копченая и разная, тут с ней хорошо, рыбу в водохранилище специально разводят. А вон в углу дальнем совсем другой прилавок, без товара на нем, и возле продавца два бугая топчутся, оба с «укоротами» — охрана. Туда-то мне и нужно, похоже.

Подошел ближе, обнаружил фанерку, приколоченную к столбу. «План, винт, шмаль». И цена напротив каждой позиции в прейскуранте, так сказать. Торговец восточного вида, азербайджанец или кто-то похожий, охранники русские.

— Чем закинуться желаешь, друг? — явно опознав во мне «солидного человека», спросил продавец.

— Не пользуюсь, благодарю. Товар у меня есть, ищу, кому сдать.

— А-а, — протянул тот. — Что за товар?

— Эфедрин. Много.

— Это сколько?

— Пять тысяч фуриков. Пять ящиков, в каждом по двадцать коробок, в каждой по полста. Много, в общем.

— Видал и больше, — осклабился тот, сверкнув золотыми зубами. — Это не ко мне, друг, тебе с весовым перетереть надо.

— А где весового искать?

— Вон туда пойдешь, в контору, — он показал пальцем на одноэтажный флигель у самого забора. — Там он, поинтересуешься.

— Спасибо, — кивнул я и пошел, куда показали.

Как я и ожидал, контора была не совсем конторой, а скорее базой в рабочее время. В большой комнате, в которой накурено было не продохнуть, сидело человек семь братвы. Один человек, в клешах и расстегнутой до пупа рубашке, стоял посередине и что-то рассказывал, размахивая руками. Его я узнал сразу.

— Сивый! — я шагнул к нему и руку протянул. — Как дела, Петь? Здоров, братва, — поздоровался с остальными.

— Все чики, — Сивый несколько растерялся. Вроде как немного узнал, а вроде и нет.

— Как посидели тогда?

— Ништяк, как обычно, — он вроде зацепился за что-то мыслью.

— Мне весового бы найти, здесь он?

— Я весовой, — от стены отлепился мужик лет сорока, с круглым лицом и маленькими глазами. — Дело ко мне?

— Дело, — кивнул я. — Поинтересоваться хотел, почем эфедрин в фуриках сдать могу?

— А эфедрин-то есть?

— Помыть осталось и принести, — гыгыкнул кто-то из сидящих на стульях.

— Уже помыли, — я покосился в его сторону и добавил для весового: — Есть.

— Пошли побазарим, — он показал на дверь в соседнюю комнату.

Там почти что настоящий кабинет оказался. На столике магнитофон катушечный, стопка пленок в пожелтевших картонных коробках.

— Чё за эфедрин? Советский или новодел?

— Советский. Какой у вас по червонцу за грамм, — вспомнил я цены с таблички.

— Сколько?

— Пять ящичков.

— Эфа на лед пойдет, — сказал весовой, плюхаясь в кресло, и тут же пояснил позицию: — Можно мульку трясти, но дураков давно нет, а на чистый винт баянов не хватает. Если честно, то наш лабораторный лед на круг дешевле выходит, и кони не кинешь с него. — Он придвинул к себе лист бумаги и взял карандаш. — Считаем: реальный выход с фурика ноль-три грамма, так? У тебя... пять ящичков под двадцать коробок... — Он зачеркал карандашом, выстраивая столбики цифр. — Полтора кило чистого льда выйдет. По пятерке за грамм возьму.

— Давай по семь, тогда нормально. — Насчет цен меня заранее просветили. — Как у всех, — добавил я.

— Я тебя не знаю, мало ли чё ты там привез.

— А чё меня знать? — вроде как удивился я. — Эфик как эфик, все запечатано, можешь проверить. И насчет цены я в курсе. Семь за грамм выхода как с куста. Начало новой дружбы.

— Типа еще притянешь? Ты курьер, что ли?

— Еще эфика могу притянуть. — Пять ящичков у нас в запасе осталось.

— Ну и еще кое-что есть, но это уже к старшим твоим вопрос, там товар другой.

— Чё за товар?

— Другой. Пока за эфедрин трем, чё роги мочить? Закончим и остальное обкашляем.

— Ты по жизни кто? Не вкупаюсь разом.

— Человек прохожий, — усмехнулся я. — По-братски, давай к делу, а?

— Семь за грамм цена для постоянных. Шесть дам или вези, кому хочешь. Ты сам прикинь, кому тут полтора кило прошмыгивать? Только цену уронишь. А ты «печенег», сегодня здесь, завтра там.

В общем, он угадал, именно «печенегов» мы и изображаем. Так принято называть бандитов-кочевников. Есть «зеленые», они же «лесные», живущие на хуторах и в пустых деревнях, откуда и устраивают налеты. Есть «гастролеры» вроде того же Прокопа, то есть те, кто живет в одном месте, а грабить ездит в другие. А есть еще одна категория — «печенеги». Банды с парой-тройкой грузовиков, которые постоянно перемещаются и «ловят любую возможность». Нигде постоянно не живут, разве что зимуют. Грабят там, где получится, сразу уходят в другие области, там сбывают хабар, посещая города вроде Вышнего Волочка, прогуливают вырученное и обычно едут дальше.

— Да ладно, у вас в городе это за неделю снюхают или скурят.

— У нас не только лед шмыгают, тут кому чего. Реально зависнет такое количество, везти дальше придется. Кстати, не говори, что ты сам его нашел и сюда привез, — добавил весовой. — Или купил у кого-то. Я так прикидываю, что вы везуна срисовали, да и мочканули его. Так ведь?

— С какой целью интересуешься? От этого эфик изменится?

— Не, — он отмахнулся. — Просто ты-то за нее не башлял, каждая копейка тебе чистый навар. Шесть за грамм. Девять косых на круг, мало, что ли?

— Я с братвой делю.

— Да не дам больше, крест на пузе, или дальше вези. Или часть могу взять, ящика два, тогда семь забашляю.

— Хорошо, — кивнул я. — Товар сюда везти?

— Ага, подгоняй транспорт, посмотрим, взвесим.

Сдали эфедрин без осложнений, в бытовом таком порядке. Но и не опасались, в городе беспредела при таких делах не бывает, авторитетам репутация важна, с нее и живут, так что правила братвой соблюдаются. Посмотрели, взвесили, затем весовой отсчитал девять тысяч, терпеливо

дождавшись, пока я деньги проверю и пересчитаю.

— Как в аптеке, — заключил я.

— Так у нас и аптеки есть, — гоготнул он. — Даже эфка твоя частью на ширево пойдет, а частью в аптеки, как есть. Народу сопли лечить надо тоже. Чё еще интересного предложить можешь?

— Могу еще эфедрина привезти. Столько же.

— Пока не надо. Или возьму по пятерке, не больше. На копейку не подвинусь. Сдай в нормальном городе, в Торжке вон, легально. Они тебе за фурик заплатят, может, даже и нормально выйдет.

— Все равно меньше.

— Это да, — кивнул он, — зато без головняков. Ладно, что еще за товар имеешь?

— Тут, извини, надо со старшими тереть, — вернулся я к тому, с чего начал. — Есть один товар серьезный, много. Сведешь с Ханом, например, он тебе и расскажет. Чисто по-братски, там масштаб другой, выше твоей и моей головы, почему сам и не дергаюсь. Как бы комплексно решать надо. Кстати, меня Серым гонят, — протянул я руку. — Это кент мой, Славян, — показал я на напарника.

— Маркел, — представился он. — Вы в городе пока?

— Пока да. Отдохнем мальчика, может, по делу с кем-то добазаримся.

— Вы вечером в шашлычку заходите, часов в восемь, — сказал он. — Там и потрем за то, что у вас есть и чего нам с этого выломится. Хозяину скажешь, что за Маркела столик, там по вечерам, как в КПЗ на Первомай, все занято.

— Придем, — я снова протянул руку. — До вечера тогда.

На этом и уехали. Что получится — черт его знает, но удочку закинули.

Про то, что в Вышнем наркоту производят централизованно, в Торжке узнали недавно, делается все по-тихому. До этого думали так, каждый сам себе на хате варит. Не только «лед», который на самом деле амфетамин, но и что-то новое, то, что теперь стали «шмальной» называть, как раньше звали коноплю. Конопля теперь только «план», высаживают ту по делянкам южные сорта, но вызревают они плохо, слабая получается, так что власти в ней большой беды не видят, с алкоголя человека в сто раз хуже ведет, и эффект проходит быстро. Так же и с маком, он тут вообще «правильный» вырасти не может, так что большой угрозы от него нет. Но уцелевшие злонамеренные химики наловчились выделять из нафталина какую-то дрянь, которой пропитывают иван-чай или шалфей, потом все это сушат, рубят и продают как эту самую «шмаль». И вот с нее одни проблемы. По мозгам она бьет сильно, куда сильнее самой южной «конопли», и действует

долго, больше суток. Но если с травы настоящей человек по большому счету безвреден, просто дурак дураком, то с новой «шмали» всякое случается. Крыша едет на полном серьезе, а иногда и просто навсегда. И стоит это дерьмо недорого, любой себе позволить может.

В самом городе и окрестностях «шмали» много не продашь, хотя наркоманов хватает, поэтому оттуда начали продавать по всей стране. Патрули из Торжокского и Бежецкого района начали специально шерстить задние дороги, ловя везунов. Но те все же просачивались. В Грязовце в какой-то момент эта зараза тоже появляться начала, а один раз такой обкурок в городе стрельбу устроил, двоих убил и двоих ранил, прежде чем его пристрелил прохожий. Так что, на самом деле, вот это самое производство стало одной из причин того, что торжокская власть еще до меня думать начала насчет того, что с вышневолоцкой вольницей надо заканчивать, или они всю округу перетравят.

А после Этого Самого люди вообще... и пить больше стали, глушат в себе всякое, и наркота широко пошла в темные времена. Когда все чуть успокоилось, проблема пришла в готовом виде. Везунов и торговцев расстреливали по суду, но даже с везунами не так просто. Вот если бы я не в Вышний ехал с пятью ящиками эфедрина, а просто где-то по дороге, то и не предъявишь ничего толком. Нашел. Везу в город продавать, властям. Потому что эфедрин лекарство, он всем нужен. И пока он в плохие руки не попадет, лекарством и останется. Выкупила бы тогда у меня власть в Торжке все пять ящиков за две с половиной тысячи, да и все. Еще и спасибо сказали бы.

Нафталин тот же теперь в дефиците. Им же не только моль травили, он много где нужен был в промышленных количествах и много где его можно сейчас найти. И насчет него пока четких приказов нет, как расценивать. Он колхозникам нужен отчаянно, например, чтобы всякий жучок собранный урожай не жрал, прямо мешочки с ним закапывают в ту же рожь. Смазочное масло из него получают, оно везде нужно. Так что тоже вот так, пока из него пропитку для «шмали» не выгонят, за хвост не поймашь.

Так что да, лучше всего само гнездо это к ногтю взять, без всякой пощады. Так надежней и другим намек будет. Они ведь чем хуже любых других? Маркел сам проговорился, что у них тут чуть ли не промышленное производство. Наверняка лаборатория современная, или была, или нашли оборудование и установили, и делать могут что угодно, та же шмаль не предел, еще что-нибудь придумают. Это не тихая варка винта на хуторе где-нибудь подручными средствами, это все куда хуже. И специалисты грамотные есть, для них новую синтетику создать не проблема.

— Мимо Прокопа не проедемся? — спросил Славян.

— Проедемся. Можем даже сейчас. Только хрен что увидим, там забор высокий.

— Тогда просто убедимся, — сказал он рассудительно. — Подумаем, как с ними быть. Проедем пока, и все.

Все верно, нам пока не до слезки, но в городе еще четверо наших уже должно быть, вот пусть и займутся аккуратненько.

— Давай.

Я развернул машину, и мы поехали обратно, до перекрестка с Рабочей, которая дальше приведет нас на Шмидта.

Город под мелким дождиком стал совсем серым и мрачным. Он и до Этого Самого красотой особой не блистал, как и все остальные запущенные города бедного и вечно обобранного властью Нечерноземья, а теперь так и вовсе. Дороги почти не осталось, лужи сливались в одну бесконечную, так что ехал медленно, опасаясь влететь в какую-нибудь особенно глубокую выбоину. Проехавший навстречу большой КраЗ на ямы обращал внимания куда меньше, так что обдал нас грязной водой до самой крыши. Но даже под этим гнусным дождем жизнь все равно шла своим чередом. Люди, прикрывшись накидками, куда-то спешили, местами магазинчики были открыты, какие-то мастерские, ателье предлагало пошив штормовок из брезента — самая популярная одежда теперь.

Пересекли железную дорогу и оказались уже в пригороде. Дорога как вымерла, все, как и раньше, сюда уже никому не надо. Она даже лучше стала, я скорости прибавил, а заодно попутно приглядывал подходящие выбоины, куда фугас заложить можно.

— В прошлый раз они вплотную ехали, — объяснил я Славяну. — Одним устройством обе машины можно было снести, а потом добить.

— Копать долго придется.

— Можно ночью, времени много. Подгадать, когда они из города обратно попрутся, и долбануть.

— Света мало будет, уйдет кто-то. Ночники уже того... А днем заметить могут.

Это да. Два ночных прицела у нас есть, но как они работают — это уже отдельный разговор, причем очень грустный. Зато взрывчатка есть. Три ящика тротила в зилке и несколько мин. И пара РПГ имеется с выстрелами.

— Тогда из граника встретить, разогнаться у них тут все равно не получится, — предложил я.

— Лучше бы всех вместе. И на базе кто-то останется. Если штурмовать, то могут быть потери. И время потеряем.

— На взрыв и стрельбу в окно точно кто-то высунется, можно снять из СВД.

— Я бы их всех вместе как-то рванул.

— Как?

— Доедем и посмотрим.

С виду на базе ничего не изменилось. Все так же заперты ворота, проволока на месте, в окнах никого не видно, зато музыка чуть-чуть слышна, магнитофон крутят, похоже. Да генератор еще трещит негромко. Проскочили мимо, на следующем повороте свернули налево, на заброшенный проселок, и по нему покатали обратно, чтобы лишний раз перед окнами не проскакивать.

— Через забор с зилка махнуть не проблема, — сказал Славян, стараясь разглядеть бандитское гнездовье отсюда. — Там забор метра два всего, больше в «егозе» проблема. А железную секцию можно просто выбить.

— Можно. А дальше? На штурм идти?

— Не, на штурм не надо... надо бы тротила им туда закинуть, да и рвануть. Не давать просто в окна высовываться.

— Сзади выпрыгивать начнут.

— А мы сзади пулемет поставим, вдоль стены. Только фасад держать придется.

— С ящиками в подъезд забегать надо будет, могут из окон просто гранатами забросать. И потом все равно отходить, чтобы самих не сложило, а за это время банда что угодно сделать сможет. Даже закладку обезвредить. Оставим им тротил в подарок.

— Тоже верно. — Славян вздохнул. — Но взять их хочется прямо там и сразу, и тут же уйти. А тротил можно и на неизвлекаемость поставить, ни хрена у них не выйдет.

— Может, все же машину какую-то с тротилом подогнать вплотную? И ее рвануть? Дом ведь кирпичный, обычный, в семидесятых строился, разнесет его. Был бы старый купеческий, то да, он как дот, а этот... — я махнул рукой.

— Можно, наверное. А как?

— Забор вывалить в двух местах, так, чтобы машину можно было подогнать, и так, чтобы заднюю стену простреливать. Купить какую-либо развалюху в городе, легковушку, ею и пожертвовать.

— Запалимся на машине, — усомнился Славян. — Угнать проще.

— Угнать нехорошо. Дешевые машины у людей небогатых, может, он вообще с нее живет.

— Ты знаешь что, — вдруг вскинулся он, — оно вот какое дело... Серый, мы уже сколько лет дружим?

— Это ты к чему?

— Я Лену и пацана твоего как своих любил, ты знаешь. И Прокопа с бандой я под корень извести так хочу, что зубы сводит. Но если мы сейчас это сделаем, то точно напортачим. Или большая операция развалится, или не сможем всех выбить.

— Предлагаешь что?

— Сначала авторитетов с основными силами из города увести. И вернуться. Зайти прямо с этой стороны и разнести там все. У них же гражданские там могут снова быть, я те крест даю, они еще рабов купили. Ну рванем мы зданье, а дальше? Тех или убьет, или завалит, или их другие заберут. Так?

Так, все так, но мне Прокоп этот ночами снится, когда уснуть получается. А получается редко.

— Так, Славян, так, — вздохнул я.

— А тогда никто не уйдет. Не денутся они никуда.

— В рейд уйти могут.

— В рейд они могли и сейчас уйти. Им машины нужны, бабки, рабы. Понаблюдаем пока.

Кстати, в рейд они могли уйти, если в общаке денег достаточно не было. Но взяли они тогда много, может, и хватит на безбедное житье покуда. Надо наблюдение организовывать, разберемся. Горячку пороть в любом случае не следует.

— «Медведь» ближе к вечеру проверить надо, — сказал я. — Если они в город выберутся, то там зависнут, скорей всего.

— Медведь?

— Кабак такой, где Прокоп со своими бывает.

— Так, может, их в кабаке и положить? Зайти в масках и всех под корень, — осторожно предложил Славян.

— Мы же не всех знаем. Рассядутся по залу и все.

— А мы расспросим, вежливо. Задний выход перекроем, если такой есть, и побеседуем. Кто-кто в теремочке живет? И всех мышек-норушек там и сложим. Поехали, на «Медведя» этого глянем. Где он хоть?

А что? На самом деле простые решения часто оказываются самыми удачными. Если кто на базе и останется, то самые молодые, с ними и позже разобраться можно будет, а вот в кабак поедут все центровые. Те, кого я так хочу видеть. Главное — к местности применить. Если есть путь отхода, то...

— На Казанском. Увидишь.

— Глушаки навернем, особо и шуму не будет.

И тут прав. Глушители есть у всех, снять дульный тормоз и навернуть «трубу» не проблема, пусть и не совсем тихо, но все равно в помещении звук приглушится.

— Посмотрим, — ответил я. — Доедем и посмотрим.

Ресторан «Медведь» расположился на первом этаже старого трехэтажного дома, стоящего напротив заселенной кирпичной «хрущевки». Судя по фасаду, тут и в старые времена был или магазин, или ресторан, да еще и со стеклянными витринами. Теперь витрины заложили кирпичом, вставив обычные окна, кирпич покрасили желтой краской, но выглядело все довольно странно. Вывеска над входом была написана краской, но судя по всему, вечером еще и подсвечивалась. Прямо у входа рядом стояли три машины: фургончик «москвич», старая «Волга» и вполне себе целого вида «нива».

Я решил не изображать шпионов, а свернул прямо на стоянку, поставил узик за «пирожком», после чего мы со Славяном направились в ресторан.

Дверь оказалась тяжелой и толстой, что порадовало, такую забаррикадировать несложно, к тому же она изнутри закрывается на толстенную железную штангу. А это значит, что есть и второй выход, ведущий куда-то во двор.

В зале пустовато. То есть почти совсем пусто, за одним столиком пара сидит. Мужик в возрасте и с ним молодая, перекисью крашенная, ярко одетая. Напротив входа чучело медведя, вставшего на задние лапы, в передних поднос с бутылкой водки и тремя стопками. За столиком в углу официант скучает, молодой, не старше двадцати, волосы светлые и взъерошенные. Нас увидел, оживился, подбежал.

— Покушать желаете?

— Нам бы по пивку с другом, ну и к пиву чего-нибудь, — сказал я. — Не в тягость?

— Никаких проблем. А к пиву что? Мяско есть всякое, колбаска, рыбка.

— Копченого чего-нибудь, мяса.

— Сделаю, — кивнул он и сразу убежал.

Сервис тут на уровне, потому что место бандитское. Непонятливый халдей может и по башке получить за нерасторопность.

Мы прошли за дальний столик, уселись так, чтобы весь зал на виду был, закурили оба. Когда официант вернулся с кружками и тарелкой всякой

нарезки, я тут же рассчитался, после чего спросил:

— Братишка, а на дальняк тут куда?

— Вон та дверь и во двор, — показал он пальцем.

— Благодарю.

Я поднялся из-за столика и пошел куда показали. За дверью обнаружился темный тамбур, а за следующей дверью двор, с вымощенной старым кирпичом дорожкой. Двор маленький, огороженный дощатым забором с калиткой, слева пара сарайчиков, уборная в дальнем конце, причем кирпичная. Зашел, отметил, потом снова огляделся. Точно, ресторан запирают изнутри на ночь, а персонал отсюда выходит. Вон петли под навесной замок, да и сама дверь металлом обита. Но пока ресторан открыт, она заперта не будет, публике до ветру бегать нужно. Правда, тут еще и лавочка, а возле нее пустая банка из-под солидола, и в ней папиросных окурков гора. Сюда персонал подымить ходит наверняка. Значит, есть риск неожиданно наткнуться.

Забор перемахнуть снаружи не проблема, но вот заглянуть сюда... зеркальце нужно на палке. Но такое у нас есть, оно у нас всегда есть.

Провода к ресторану подходят со столба отдельно... можно даже перерезать, если надо будет. Но вроде бы не надо. А вот телефон обрежем, провод тут же висит. Не нужно им телефонов. Ладно, не надо слишком задерживаться, в зал пора.

— Ну что? — спросил Славян, едва я уселся.

— Все реально. — Я отпил ржаного пива и закусил копчушкой. — Вполне. Зал только под контролем держать трудновато будет.

— Положим всех мордой в пол, и станет проще. Если за стволом кто-то полезет, валим сразу.

— Это ясное дело. Но тут и гражданские будут.

— А гражданским оно зачем? Тихо будут лежать.

— Возможно.

Вообще идея Славяна мне нравилась больше и больше. В чем тогда проблема? В путях отхода. Нам ведь еще и не засветиться надо. То есть нужно положить банду Прокопа и остаться в городе. И на последний день такое оставлять нельзя, вдруг именно тогда они останутся на базе? То есть тут их нужно будет ловить.

Досидели, допили пиво, почистили тарелку, да и пошли к выходу. Внимания на нас так никто особого и не обратил. Объехали потом район, огляделись. Во дворах люди есть, но это днем, ночью тут пусто будет. Дальше, через пару улиц, нашли гаражный кооператив, причем выходил он дальней своей стороной на заросший пустырь. Там и машину припрятать

можно, с гарантией ночью туда никто не попрется. И выездов разных и в разные стороны полно, куда хочешь, туда и езжай. А лучше даже не «езжай», а пешком топай. Наверное.

Гаражи оказались заброшенными, нет в них теперь смысла. У кого машина есть, тот ее чаще возле дома держит, причем люди с какими-то деньгами все больше в частном секторе живут, так проще, а в таких «хрущевках», какими район застроен, все больше голытьба. Так что прошлись по самим гаражам. Ворот почти нигде нет, сняли, но кирпичные боксы остались, никуда не делись. Почти все с ямами, а некоторые еще и с погребками, что угодно спрятать можно. Правда, дорожки между гаражами грязные, следы останутся... но дождик капает, так что должен смыть. Вот под дождь бы нам подгадать...

Ладно, надо своих найти, пусть займутся наблюдением. На каких машинах банда ездит — они уже в курсе, я им всю информацию дал.

В гостиничном номере под дверью нас ждала записка с двумя цифрами — «23». А бумажки, которую я сунул за косяк, чтобы номер пометить, не было. Наш этаж, как я понимаю. Выглянул в окно — точно, стоит наш зилек во дворе. Повернут сюда кузовом, барахло горой и под брезентом, затянутым веревкой. Рискованно, конечно, но таскать все в номер еще рискованней.

В коридоре было пусто, гостиница вообще постояльцами не забита, как я вижу, поэтому дошел до «двадцать третьего», постучал условно, двойной, одиночный, двойной и тройной. Шагов за дверью не услышал, но дверь неожиданно распахнулась, а за ней я увидел Димыча.

— Здоров, — шагнул я в комнату. — Как доехали?

— Да нормально все. Фон замерили на въезде и ничего больше.

Все были на месте, перекусывали как раз, разложив хлеб и все, что к хлебу, на столе, на развернутой бумаге. Я присел на край чьей-то кровати, расстегнул мокрую от дождя штормовку.

— Колун, наблюдение надо установить, чем и займитесь.

— Где?

— Дай карту.

Он полез в рюкзак, вытащил склейку, разложил.

— Вот тут примерно, — я показал на улицу Шмидта. — Главное за переездом, тут у Прокопа и его людей одна дорога, дальше по-разному свернуть можно. Если проедут «шоха» и «двушка», белая и желтая, то это Прокоп. Тогда вам надо проехаться вот тут, по Казанскому, посмотреть, не стоят ли они у ресторана «Медведь». Если стоят, то это то, что нам нужно.

— А что нам нужно? — деликатно поинтересовался он.

— У Славяна план возник. Просто как угол дома, но может сработать.

В шашлычной вечером оказалось действительнолюдно. Видать, весь народ с базара сюда тянется, популярное место. Встретившаяся прямо на входе Сима провела нас в «кабинет» — отдельную комнату, где за длинным столом сидело человек восемь братвы, а с ними еще и три девицы понятного рода занятий. Сидели они явно недолго, потому что все выглядели трезвыми, а на столе только закуски красовались рядом с бутылками, шашлык пока не подавали.

— О, Серый! Славян! — махнул рукой Маркел, сидевший во главе стола. — Присаживайтесь. Лысый, подвинься, нам тут перетереть нужно, — сказал он сидевшему рядом мужику без волос и даже бровей, сосредоточенно жевавшему соленый огурец.

Тот лишь кивнул и сдвинулся по лавке дальше, освобождая место.

— Сивый, — поздоровался я с «приятелем», — братва!

Руку пожимать никто не рвался, все по понятиям. Народ хоть и не из довоенных блатных в основном, но круг общения соответствующий. Нам пропустили к Маркелу, мы присели.

— Угощайтесь, — показал он на тарелки с закусками. — Симуль, принеси две стопочки еще и по кругалику.

Водку тут с пивом мешали смело, похоже, потому что на столе стояло и то и другое, в графинах и в кувшинах. Тоже знак уважения, потому что в зале на столе стояли бутылки и просто кружки.

Сима кивнула и тут же умчалась.

— А что трезвые еще? — спросил Маркел без всякой подначки. — Куш взяли, я бы уже гудел на вашем месте.

— Успеем еще, за другие дела перетереть надо, — пожал я плечами. — Калган пусть пока поварит чутка.

— Оно верно.

Раздался негромкий треск, я повернулся на звук — один из бандитов, невысокий и тощий, давил в блюдце рукояткой вилки белые кристаллики. Затем достал из кармана нож, лезвием скинул половину себе на руку, в выемку между большим и указательным пальцем, а потом все резво занюхал, попутно подвинув остатки «льда» своей спутнице — крашеной толстоватой блондинке с визгливым голосом. Никто не удивился, да тут и по глазам видно, что половина братвы в комнате уже вмазанная.

— Не наш товар? — спросил я у весового.

— Не, ваш пока в ящиках еще. Своего хватает. За остальной эфик поинтересоваться хотел. Не пристроил еще?

— Нет, даже не пытался пока.

— Я тут прикинул — можем взять. По пять с полтиной. Дальше поедет, покупают люди. Но берут оптом, так что цена ниже. Обмозгуй.

— Прикинем, — кивнул я. — Завтра скажу.

— По остальному давай после первой, — он усмехнулся. — Чтобы беседа веселей шла. Я в Узбекистане рос, там с гостем за дела тереть до того, как накормишь, за косяк считалось. Сперва надо было за здоровье и благополучие интересоваться. Кстати, ты вообще откуда, если по жизни? По старой жизни, в смысле?

— Из Калинина. Так что к себе домой, считай, заехал.

— А где бродяжите?

— Много где, от Псковской до Ульяновской катались, а на Севера так почти до Архангельска добирались.

— А он цел, что ли? — удивился Маркел.

— Нет, в пепел, три боеголовки туда и еще в Северодвинск. Но в Холмогорах уже люди живут.

— Места, как наши, встречал?

— Конечно встречал. Там Паленьга под черной мастью, и дальше по Пинеге городки. Много где есть.

Я не наугад, карты с обстановкой в отделе имеются, все же пусть МВД в былом виде и нет, но сводки каждый день передаются по спецсвязи.

— Но под красной больше.

— Конечно, больше. А было бы меньше, нам бы брать было нечего.

— И то верно, — Маркел усмехнулся. — У нас город нормальный, тихо, по людским понятиям живем, правильным босякам тут жизнь достойная. Если центровых людей знаешь, то при делах всегда будешь. О, Симуля с подносиком, — оживился он. — С водочки зайдешь?

— По одной если, пиво у вас хорошее.

— Пиво да, умеют варить, — согласился он и, подхватив графин со стола, налил себе и нам со Славяном, как бы обозначив круг тех, кто в разговоре участвует. — Давай, братва, за фарт! — поднял он свою стопку.

Выпили. Водка оказалась на удивление приличной, почему-то ожидал, что будет хуже. Взялись за закуски, а Сима по ходу дела начала заносить шампуры с шашлыком, раскладывая их по трем тарелкам, стоящим на столе вразброс. Запахло вкусно. Кто-то сразу за шашлыком потянулся, кто-то так сидел. К ближней к нам тарелке никто не лез.

— Серый, чисто по-братски, поинтересоваться хочу, — заговорил

Маркел, — ты ведь не из черной масти по жизни, так?

— Если ты про ход воровской, то нет, не жил по нему. «Печенег» мы, ты тогда правильно выкупил. Из военных почти все у нас, как после Этого Самого сбились вместе, так и живем.

— То есть масть зеленая, разбойничья. Свой ход у вас, беспредельный децл, — засмеялся он. — Но как у нас говорят: «Черная масть в зеленую за один расклад оборачивается». Кстати, такой братвы, как ваша, в городе немало гужется, многие вообще осели.

— А смотрящие местные к этому как?

— Ну а как? Если в городе по понятиям себя ведешь, то живи. На районе не гадить, ходи по своим делам дальше, а так с вашей братвы прибыли много. Ну и в общак заносить надо, тут без вариантов, сам понимаешь.

— Общак у вас кто держит? Зураб?

— Ну как сказать... — Маркел чуть задумался над тем, говорить дальше или нет, но решил, что беды в том не будет. — Так вроде Зураб, он вор старый, уважаемый. Но если по силам смотреть, то старших в городе трое, так что реально тут свой общак у всех. Если на общее надо что, то собираются и каждый откидывает в долю. Но чисто по авторитету Зураб, да. Все терки разведет, все по понятиям решит, без него тут ничего не обходится. Семейники у него еще старой выпечки босяки. К чему интересуешься?

— Расклады городские прикидываю.

— Тогда давай по второй и за дело перетрем. — Маркел снова разлил водку. — Всем форта воровского! — провозгласил он тост.

— За форт, — поддержали его и мы со Славяном, каждый понимая под этим свое. Лично у меня Маркел на мушке ТТ в мысленном образе разместился. У выгребной ямы как раз.

Выпили опять, попутно мысль посетила, что на «Медведь» сегодня налететь не получится в любом случае. С этими пить придется, а на пьяную голову трезвые дела не делаются.

— Серый, колись, что за дело у тебя? Если серьезное, то я тебя сам с Ханом сведу, отвечаю. А дальше тебе и расклады не нужны, он в реальном авторитете, если договоритесь, то все чики, он в понятиях, авторитет с дороги не поднимешь.

— Короче, есть у меня наколка на большой куш. Очень большой. Одному не взять и потом не сожрать.

— Если в Торжке или районе, у нас никто не подпишется. Мир у нас вроде как. Начинать мясню с «красными» ни за какой куш никто не станет,

покой дороже. Мы тут живем так потому, что рамки знаем.

— Мясни не будет. Куш ничейный. Мне одному не добраться и не взять. Чисто технически не взять, там люди нужны, техника, копать надо.

— Серый, чисто по-братски, огорчить не хочу, но знаешь, сколько за такие куши рассказов ходит? — он посмотрел мне в глаза. — Типа бункера подземные, всеми забытые, а там хабара под крышку и все такое. Один прогнал порожняк, другой слышал, третьему рассказал... Да ты пацанов послушай, как поддадут больше, — усмехнувшись, он кивком указал на свою компанию.

— Я не услышал, я этот куш сам закладывал перед тем, как все началось. Спецвойск и внутряков на все не хватало, стали пехоту привлекать. То есть меня. И сюда в область мы чего приехали? Проверить место.

— А чё сейчас, а не раньше? — Маркел посмотрел с подозрением.

— Думал, что там и без нас разобрались, власть свои нычки везде подгребала. Но были недалеко, за Великими Луками, решили крюк сделать.

— И что?

— Там бункер был, над ним здание. Так вот здание на бункер взрывом сложили. Спрятать хотели. А потом, видать, или под удар те, кто знал, попали, или еще что... ну ты сам помнишь, как тогда все было.

— Взяли, что хотели, и взорвали.

— Так бы не взорвали, я в этом разбираюсь. Там конкретно саперы работали, грамотный завал сделали. Три этажа. Не добраться самому, я по жизни еще и реалист.

— Где это?

— Торжокский район. Точней не скажу пока, извини. Но все вокруг прошарили, место тихое. Кран точно нужен, что-то еще — завал растаскивать. Дальше долбить придется, я думаю, потому что спуск тоннелем, его завалить должно. Люди нужны, техника.

— Насколько куш большой?

— По тем ценам, что тогда были, миллионов на сто.

— Что там?

— Маркел, если это мы сейчас за столом обсуждать начнем, то завтра половина города знать будет. Как бы ты братве ни доверял.

Маркел задумался на пару минут, потом кивнул, поднялся:

— Пошли покурим на воздух. Вдвоем. Славян, братан, подожди здесь, ладно?

Вышли. Маркел повел меня в сторону закрытых ворот рынка, к скамеечке у забора под навесом, присел, вытащив из кармана серебряный

портсигар, протянул мне:

— Угощайся. Тут нормальный, а тут с планом. Слабенький, натурпродукт, никакой химии. Живет тут один талант, выращивает, лучше, чем у других. Совсем легенький, как пивка дернул.

— Я просто папироску, благодарю.

Закурили. Из шашлычной музыка слышна, но во дворе нет никого, дождик всех внутрь загнал, в соседнем доме еще кафешка, там тоже все забито. По навесу капли постукивают, собираются в каемку по его краю, потом на землю срываются, выбив уже канавку у нас перед ногами.

— Так что за куш?

— Золото. В слитках Гохрана. В ящиках. Четыре девятки проба.

— Сам пробу смотрел?

— Мы из Касимова их везли, с аффинажного завода, оттуда только такая может быть.

— Куда везли?

— Ты слышал, что сразу перед войной золотой запас по стране развозить начали, в разные бункеры?

— Ну гонят что-то, да. У нас тут был один такой, ваще под вальтами, так он все клады искал.

— Нашел? — усмехнулся я.

— Ага, нашел. Маслину в башку. Спор у него горячий вышел.

— Так вот это правда на самом деле. И золото везли, и вот эти самые бабки, — я достал из кармана пятирублевку. — Их еще до всей этой хрени отпечатали на самом деле, заранее. И все по разным хранилищам.

— И ты рыжые до хранилища вез?

— Хватит пока информации, я думаю. Я знаю, куда довез, место проверял. Маркел, своди со старшими, не обкумекаем мы тут это дело вдвоем. Там больше расскажу. Там в натуре большой куш, всем обломится с него.

— Ладно, без базла закончим, сведу. Но за то, как базар повернется, я не в ответе.

— Да никто другого и не ждет.

— Людей у тебя сколько?

— Шестеро нас. Почему и говорю, что не потянем сами.

— Немного.

— Так «печенег» же, если больше, то на тебя на любом КПП косяка дают. Хотя бывало и больше раньше, фарт — он то есть, а то его нет, — я усмехнулся.

Посидели мы с Маркелом еще часок, потом извинились и ушли. Прохожие с улиц уже исчезли, а вот машины катались, сплошь легковушки, по кабакам и борделям. У игорного дома так целая стоянка собралась. Не напились все же, Маркел сам «на синьку не давил», остальная его братва на нас внимания не обращала, так что выветрилось все.

Пешком двинули в сторону «Медведя», тут недалеко. И почти сразу я увидел знакомые машины, те самые «шестерку» и «двойку», стоящие рядом.

— Они в кабаке, Славян.

— Я понял уже. И не только они, похоже.

Это точно, на грязной земле рядом с дорогой, которая служила стоянкой, выстроилось с пяток машин, если не считать никуда не уехавший «пирожок», который мы видели днем.

— Куда сейчас?

— В гаражи, куда же еще.

Коля Матвеев с остальными должны были туда заехать после нашего разговора и устроить тайник в одном из боксов. И в условленное время прийти сами, хоть и позже. Машину на дело брать нельзя, стоянка под присмотром, могут потом сложить два и два, а мы в результате сложим сотни. Да и не нужна она, только стеснит, пешему человеку в таких местах простору больше, особенно когда дождь идет. Сегодня и вправду самый подходящий вечер, погода в самый раз.

Прошли дворами, повторно запоминая маршрут, дотопали до гаражей. Там действительно пустота вокруг, к темноте ближе они жутковато выглядят. Да еще и стаю собак бродячих спугнули, хорошо что небольшую, а то большие на кого угодно кинуться могу. Странно, что их тут не отстреляли. Или эти уже научились смываться вовремя? Скорей всего, вон как дернули.

Нужный бокс нашли быстро. На подходе посвистел «Сердце красавицы склонно к измене», и сразу из ворот появился темный силуэт с автоматом наперевес.

— Леха, как тут?

— Тихо, — ответил радист, карауливший закладку. — Ни души.

— Ну и славно. Наши через... — Я глянул на часы со смутно мерцавшим циферблатом. — Через час должны быть. Так что готовимся пока.

В тайник наши закинули все, что нужно. Автоматы, подсумки с магазинами, гранаты, комплекты обычного армейского хэбэ, которое потом и выбросить можно, плащ-палатки. В них сейчас многие ходят, а в темноте ни лица под капюшоном не разглядеть, ни оружия под самой накидкой. Ну и маски, маски у нас всегда при себе.

Взял один АКМС, свернул компенсатор, навертел на его место глушитель. С виду похож на штатный ПБС-1, но сделан из металла целиком, так что почти вечный. Глянул на патроны в магазинах — все правильно, «уэсы» дозвуковые, но есть и нормальные, на случай, если что-то совсем не так пойдет. Если со штатным пэбээсом выстрелить таким, то тот просто улетает, а этому хоть бы что. Но намного громче получается, а нам надо все тихо сделать.

Переоделся, сложив с себя все в непромокаемый мешок, надел «лифчик» с магазинами. Убедился, что маска в кармане. Очки, правда, снять придется, но я без них не совсем слепой, справлюсь, а то больно приметно получится, этого нам не надо.

Посидели, покурили, попили чаю из термоса, потом шаги слышали, а заодно и свист. «Снова между нами города», все как условились. Остальные подошли.

Ждали еще полтора часа, давая возможность пьющим нажраться, а темноте сгуститься. Летние ночи все же короткие. Курили, разговаривали шепотом, стараясь задавить растущее волнение. Сколько я уже войнами с бандитами занимаюсь, а все никак не могу от «трясогуза» перед делом избавиться. Да и никто не может, наверное. Прошлись несколько раз по плану, рисуя схему и подсвечивая ее фонариком, немного поспорили, но именно что немного, план вырисовывался очевидный.

Потом засуетились и пошли. Сначала вдоль забора гуськом, дальше разделились на две группы, чтобы меньше внимания привлекать, но во дворах было глухо, темно и пусто. А вот из «Медведя» музыка доносилась, благота какая-то хрипучая. Магнитофон крутят.

— Коль, давай с Мартыном к задней.

Они подняли зеркало над забором, убедившись, что в темном дворике никого нет. В уборной кто-то заседать может, так что подождали немного в тени, прислушиваясь — нет, ни единого сопутствующего звука.

— Слушайте, короче. Мы вошли — и вы тут же, — прошептал я.

— Принял.

Я снял очки, сунул в карман, поморгал, ожидая пока зрение адаптируется, потом как-то сфокусировался. Нормально, вижу, справлюсь.

— Все, всем маски и начали.

И мы вчетвером быстрым шагом направились в обход дома.

На Казанском тоже пусто и темно, фонари теперь не горят. У машин вроде бы тоже никого нет, но мы все же прошлись вдоль ряда, вглядываясь через лобовые стекла, вдруг водила кого-то ждет, но и водил не было. Теперь нас только из окон дома напротив разглядеть можно, но что увидишь? Силуэты в плащ-палатках? Да и пусть видят.

Никаких швейцаров в этом ресторане не водилось, так что в дверь зашли спокойно, откидывая капюшоны. Леха на секунду у дверей задержался, накидывая крюк, чтобы с улицы никто не вошел случайно, а затем мы втроем выскочили в зал, беря на прицел все сектора.

Как и ожидал, правая сторона «блатная», это по оформлению ясно было и по длинным столам под большие компании. Слева людей куда меньше, но там два официанта с каким-то мужиком и вход на кухню. Ту сторону Димыч тут же на прицел взял, а мы со Славяном «воровской куток».

— Не дышать никому, падлы! — заорал я, добавляя в голос истерики и чувствуя, как на меня накатывает волна ослепительной, невероятной радости, потому что Прокоп сидел прямо передо мной. — Кто кипишнет — маслина в калган, рогометы тряпошные! Нишкнуть всем!

Всерьез сидят, там и еда, и водка, и коноплей тянет, и «лед» толченый, и картишки раскинуты. Но без женщин, сами по себе, что чуть удивило.

Распахнулась дверь черного хода, еще две фигуры в плащ-палатках и с автоматами у плеча вошли в зал. Музыка продолжала играть, хрипчатый голос пел про жизнь воровскую, но даже сквозь музыку прорывалась невероятная, убийственная тишина. Нас приняли всерьез, это точно.

— Грабки на череп. Три секунды даю!

Срез глушителя смотрит на Прокопа своим черным зрачком. А он в ствол уставился. С ним пятеро, должно быть больше, но в зале еще откровенных блатных хватает. Так, этот — Саид, черный и родинка на щеке. А вон Чебур, рыжий и лопоухий. А в той половине зала я Корня разглядел. Значит, всех вместе уже шестерых видим.

— Кто не понял?

У Саида глаза накуренные, он не понял, попытался руку под пиджак сунуть. Протрещала негромко, словно из воздушки стреляли, очередь, пролязгал железом затвор, четыре пули ударили бандита в грудь, он охнул и завалился со стула боком, громко ударившись головой об пол. Остальные начали шустро поднимать руки. У кого морда злая, а у кого и со страху перекошена. Прокоп спокойно смотрит, но это мы исправим.

Я перевел прицел на него и с наслаждением выстрелил в лицо.

— Нишкнуть всем! Глухие вы, в натуре, или что?

Из кухни вытащили двух поваров, уложили на пол, Колун пригнал официанта, не того, что с утра был, другого, постарше.

— Всех, кто с Прокопом сюда ходит — показал, быстро, — прошипел Коля, уткнув автомат халдею под ребра. — Считаю до трех, два уже было.

Можно было и не угрожать уже, тот все своими глазами видел.

— Вот он, — показал он пальцем на Корня, и того тут же застрелил Мартын. — Вон, Жбан, — палец остановился на обомлевшем со страху парне с большой лопухой головой, и тот свалился на пол, убитый наповал.

В воздухе уже плыл запах крови вперемешку с пороховым.

— Вы че за беспредел творите, животные? — заорал мужик годами под сорок, сидевший за столом напротив Прокопа. — Вы чё, в натуре?

— В очё, — ответил я и тут же его убил. — Халдей, не спи, черт!

Кто-то из бандитов за столом дернулся, тут же был убит, после чего я скомандовал, решив, что там точно нормальных людей нет:

— Этих валим! — и первым открыл огонь.

Бандитов снесло шквалом пуль. Один упал головой на стол, кровь из пробитого черепа залила карты. Потом официант нашел в зале еще одного из прокоповских, а про другого сказал, что часто с теми видел. Синие от партаков пальцы сразу определили его в список смертников, и я выстрелил ему в лоб.

В зале никто не шевелился, а сквозь запах крови и пороха прорвался аромат дерьма. Не выдержал кто-то, облегчился.

— Слышь, фуцаны? — крикнул я. — На той двери мина, и на вторую поставим. Близо сунетесь и аля-улю, кендюха на потолке! Так что тут всем лежать, поняли? Кого на улице увидим — мочим сразу.

Контроль. Мы с Колей быстро прошли к столу, возле которого периметром лежали трупы, пустили каждому в голову еще по пуле, после чего наша группа, плотно сбившись, выскочила в тамбур, где дверь подперли совковой лопатой, а потом во двор — и в петли для замка воткнули найденный в гаражах ржавый болт, кое-как накрутив на него гайку. И затем, спрятав автоматы под накидками, стащив маски и набросив капюшоны, мы быстрым шагом направились в темноту и глушь дворов. Никаких признаков поднятой тревоги слышно не было.

— Переодеваемся, делимся на три пары, и гулять всем, гулять, понятно? — напомнил я заключительную часть плана, вытаскивая из кармана и надевая очки. — В гостиницу всем вернуться бухими, можно с бабами, и порознь.

Большой шум в городе поднялся уже после того, как мы со Славяном, душевно отхлебнув за углом водки из бутылки и изображая из себя хорошо подданных, дошли до шашлычной. Маркел так и сидел в кабинете, но мы заняли столик в зале, благо несколько уже освободилось ввиду позднего времени. Но заглянуть в «кабинет» и поздороваться все же не забыли. Минут через пять после этого у входа в шашлычную скрипнули тормоза и какой-то совсем молодой пацан пулей пронесся от дверей в ту сторону, а потом так же пулей выскочил обратно. В «кабинете» загомонили, но выбегать следом за пацаном никто не стал. Видать, судьба Прокопа для людей Хана была лишь новостью, но не бедой.

Примерно через час, выпив по паре кружек пива и по стопке водки, а заодно и перекусив, чтобы не выделяться, мы выбрались на улицу, шашлычная закрывалась, хотя Маркел со своими продолжал сидеть. А дальше пошли в гостиницу, где другой администратор, сменивший «джинсового», не обратил никакого внимания на нас, а лишь глянул на ключи с биркой. Пока Славян наблюдал за коридором, я стукнулся в номер к нашим и нашел там только Димыча с Лехой, Коля с Мартыном пока еще где-то гуляли. Но когда завалился в кровать, услышал в коридоре шаги и их голоса. То есть вся группа в сборе, без потерь.

Я закрыл глаза, до последней подробности восстанавливая в памяти то, что произошло в «Медведе». Мгновенно помертвевшие глаза Прокопа, пробитую пулей переносицу, потекшую струйкой кровь. Того бандита на столе, с пробитой головой, и карты в крови. Испуганного Жбана, умершего через секунду. То, как мы методично «проконтролировали» всех убитых. Собакам собачья смерть, но и называть таких собаками для последних оскорбление.

И все равно, когда я пытался уснуть, перед глазами вставал расстрелянный уазик и кровь на земле, много крови. Столько, что только бандой Прокопа за нее не расплатиться. Дешевая у бандитов кровь, не людская, не может быть никакого размена, не оплатить ей этот долг вовеки. И что с того, что мы Прокопа с бандой извели? Что это для города «под черной мастью»? Ничего, капля в море, никто и не заметит. Не Прокоп тут все решал, совсем другие.

И больше мучит вопрос: не навредили ли мы основному делу? Надеюсь, что нет, вроде аккуратно все сделали. Если только тот молодой официант случайно не сложит появление двух незнакомых мужиков днем и

вечерний налет. Маловероятно, но все же возможно. К стыду своему, я еще раньше об этом думал, да вот рука не поднялась. Не могу я так по-бандитски свидетеля убрать.

Все же заснул я в эту ночь, хоть и долго ворочался. И даже водку пить не пришлось, чтобы отрубиться. Может, и снялось немного груза с души, кто его знает.

На следующее утро мы со Славяном позавтракали в гостинице, ресторан был открыт. Получили яичницу с колбасой, цикориевый кофе и по пирожку с яблоками слопали. Никто ночью к нам не ломился, хоть оружие под рукой держали, и никто даже не следил, похоже. То есть не вычислили нас до сих пор. Может, и вычислять не особо нужно, банда-то «зеленая» была, гастролеры, но все же установленный порядок в городе нарушен, все признаки беспредела налицо, так что авторитетам задуматься придется, пусть даже и не слишком глубоко.

Потом направились на базар, к Маркелу. Зашли к нему в контору, застав за чаепитием. Вид у него похмельным не был, в отличие от троих бандитов, сидевших в «приемной», так что весовой, похоже, умеет норму соблюдать. Он мне вообще показался поумней и посерьезней своей братвы.

— Дня доброго, — поздоровался я с порога. — Зашел, как обещал.

На «феню» я старался в разговоре с ним поменьше давить, по легенде мы же не из блатных, а «печенег» все больше сами по себе существуют, хоть и приходилось слышать даже про их «столицы» — чаще удаленные деревни, где они залегают на зимовку. Но это такие, каким и в «черные» города уже не сунуться, которые валят и грабят всех подряд, спасаясь от возмездия лишь тем, что постоянно в пути. Знают проселки, знают, как уйти быстро, и уходят как можно дальше. А про документы я уже говорил, бланков паспортов много найти можно. Денег страна заранее напечатала для таких вот бед, а про паспорта не задумывался никто, похоже.

— Что решили?

— Сдадим пять ящиков.

— Здесь?

— Нет, сгонять нужно за ними. К вечеру привезем.

— Да спешки нет, когда сможешь. Слыхал новости?

— От кого? — усмехнулся я. — Я же тут пока не знаю никого толком.

— В кабаке вчера кто-то вашу «зеленую» братву положил конкретно. Человек десять вломились с автоматами и всех помочили.

— А ты говорил — порядок тут, — удивился я.

— По жизни порядок, давно такого не было. — Вид у Маркела был действительно озадаченный. — В непонятках все. Прокоп вроде в городе в разборки не лез, пристяжь его тоже, предъяв ему не было или разборок каких, а просто раз — и всех на ноль.

— Прокоп?

— Да, бригада тут была такая, под конкретные дела нанималась. В Пригородном у них точка, там живут. Жили, — поправился он. — У них там, правда, было недавно... пригнали черта, а тот возьми и свали, а заодно двух кентов завалил.

— Может, он вернулся?

— Может, и он. Я не в курсе за их терки. Но если кто падаль, и его нормальные босяки за гада держат, то на кой такого в семейку брать? — Маркел вроде как в растерянности развел руками.

— Тут не скажу, не в курсе я.

— Да это понятно. С Ханом пока за тебя не терли, не видел его. Днем пойду к нему, попробую добазариться. Больше пока ничего не скажу.

— Не вопрос. Пока за дурью сгоняем, все равно весь день уйдет.

— Если к вечеру вернетесь, забегай в шашлычку, мы там будем.

На этом мы и ушли, пусть и несколько удивленные тем, что молва местная тех двух убитых на Прапора вешает. И что, женщины бы с Прапором сбежали? Хотя, если до Маркела история через десятыи руки дошла, то странно даже, что так мало изменилась. Блатные на самом деле врать любят, если отвечать не нужно.

Вернулись за машиной на стоянку, выехали. Не удержался, проехал мимо «Медведя», обнаружив возле него обе машины банды Прокопа и несколько удивившись тому, что двери кабака открыты. Они работают, что ли? Нет, убираются там, скорее.

Ехать нам пришлось километров десять, за Зеленогорский, а там свернули на еле раскатанный проселок, нашли нужное место, раскидали наваленные ветки и перегрузили в уазик оставшиеся пять коробок эфедрин. Сначала хотели все сдать разом, но потом я подумал и решил, что два таких завоза сработают лучше для установления отношений, больше общаться придется, плюс репутация «конкретного» человека прорежется.

На обратном пути возникли осложнения. Навстречу попался «Урал» с десятком вооруженных людей, который решительно перегородил нам путь. Да так удачно попался сразу за поворотом, что мы на него практически выскочили. Люди в кузове тут же взяли нас на прицел сразу нескольких автоматов и пулемета.

Славян выматерился тихо, сбросил со щелчком предохранитель со своего автомата.

— Тихо, не дергаемся, — прошептал я. — Это еще не трындец, — добавил я фразу из анекдота.

Пошутил, а нервы-то сразу в узлы завязываться начали. Ситуация типа «без вариантов», даже дернуться не успеешь, как нас в клочья разнесут.

Пассажирская дверь грузовика открылась, из кабины выбрался крепкий мужик с седыми волосами, стриженными ежиком, с «ксюхой» в руках, что сразу выдавало в нем главного. Я нащупал гранату в подсумке, но доставать даже не стал.

— Куда путь держим, люди добрые? — крикнул седой, не спускаясь с подножки. — Сюда подгребайте, базар есть, — он махнул рукой.

— Пошли вдвоем, — пробормотал я. — Если все хреново пойдет, жмемся под машину и гранаты в кузов. Ну и валим всех, кого успеем.

— Ага, план гениальный, — хмыкнул Славян. — Пошли, раз ты такой умный.

Вышли с автоматами в руках, хоть на тех и не наставляли. В голове тихий звон от напряжения, тела не чувствую, настолько всем своим существом распознаю ситуацию как совсем никудышнюю. Кто это? «Зеленые»? Братва из города?

— О чем базар? — спросил я, чувствуя, как неожиданно охрип мой голос.

— Да за вас обоих базар, — седой усмехнулся. — Куда ломимся? Что за люди? Под кем ходим?

Последняя фраза чуть-чуть обнадежила. Если седого такой вопрос интересует, то значит — это не чистый гоп-стоп с летальным исходом, потому что в наше время именно такие и в моде.

— С какой целью интересуешься? — добавил я, хоть и с усилием, себе внешней уверенности.

— Да с такой, что интересно мне, — он снова усмехнулся. — Короче, что тут за расклады? Куда и к кому?

— Для людей Хана товар везу.

— Хана? А конкретно кому?

— Маркелу-весовому.

— Откуда? Что за хабар?

— Ты бы у Маркела поинтересовался.

— Ты не быкуй давай. Хиля, Репа, гляньте в «уаза», — повернулся он к сидящей в кузове братве. Из кузова сразу же выпрыгнули двое. Только сейчас заметил, что бандиты одеты в камуфляж, а это четкий знак того, что они чуть не на войну собрались, так им «красное» носить не по понятиям вроде, но если дело к драке идет, то понятиями пренебречь вроде как «не в падлу».

— На беспредел похоже, товар-то чужой.

— Не быкуй, я сказал, — седой уставился на нас мрачно, но соизволил добавить: — Не чистим тебя, глянут они.

Взгляд его скользнул по нашим автоматам. А не АКМС ли с глушителями он ищет? Сейчас мы с обычными АКС, глушителей с собой не брали, исключительно с целью даже случайно не засветить.

Двое бандитов подошли к уазу. Один принялся шарить в кузове, откинув брезент, второй полез в кабину. Я демонстративно повернулся в ту сторону, хотел пошутить насчет понятых, но решил, что такая шутка может иметь непредсказуемый эффект, и сдержался. Бандит, что копался в кузове, крикнул оттуда:

— Седой, тут эфедрина половина тачки!

Тот опять усмехнулся, сказал:

— Похоже, что к Маркелу едете. Откуда товар?

— Нашли, понятное дело, — снова обернулся я к нему.

— Я тачку твою в городе вчера срисовал. На Большой Садовой.

— В «Березке» кантуемся, а так вчера тоже товар сдавал.

— Что еще? — крикнул седой бандитам у нашей машины.

— Голяк.

— Чё, даже сидоров? — седой удивился.

— Сидора в «Березке» остались, мы ненадолго гоняли.

— Давай обратно, — подозвал старший своих. — Нормально все, — добавил он для нас. — Отморозки какие-то у нас побеспределили вчера. Езжайте, базара нет, — он влез в кабину и захлопнул гулкую дверь.

Седой. Интересно, он под кем ходит? Впрочем, никакой разницы. Не «зеленый», точно, поэтому и разъехались.

Что в городе в глаза бросилось, так это то, что у каждого «авторитетного» особняка на набережной стояло по толпе братвы с автоматами. Машин тоже прибавилось, к «Волгам» и «чайке» добавилось уазиков и даже грузовиков. На каждую машину, считая нашу, смотрели с подозрением. То есть все же среагировали, окопались. Им полезно.

Мы сразу на рынок не поехали, завернули в гостиницу, загнав машину на стоянку, провели часа три в номере, просто убивая время. Не хотелось слишком быстро появляться, а то выглядеть будет неправильно. И где-то за час до открытия рынка поехали дальше.

— По набережной ехали, — сказал я, зайдя к Маркелу. — Похоже, что

на нервах старшие, охраны у каждого по взводу.

— Будешь тут на нервах, — весовой вздохнул.

— Не нашли пока?

— Нет, не нашли, — он покачал головой. — Или другие «зеленые», или менты из Торжка, или откуда там. Скакнули, помочили всех и винта нарезали. Это я так думаю.

— Так у вас с Торжком мир вроде?

— Мир вроде и мир, но сам понимаешь, что с мента и с «петуха» не спросишь. У них свои заположняки, не людские. Может, Прокоп там у них сбеспредельничал, а они его срисовали. И Прокопу с братвой такое в цвет, и стучат туда с Волочка наверняка. Привез уже? — сменил он тему.

— Привез. Загонять машину?

— Загоняй.

Мы опять закатили уазик вплотную к конторе, там товар быстро приняли по счету, проверили выборочно, затем Маркел отсчитал деньги.

— На этом разошлись?

— Все пучком, — кивнул я, пряча деньги в карман. — По Хану что?

— К Хану можно, как пошабашим, но едешь один. Принимается?

— Как скажешь. Подвезете? А обратно я пешком.

Он еле заметно и как-то кривовато ухмыльнулся, словно ставя под сомнение сам факт моего возможного возвращения, но я решил заранее в паранойю не впадать. Почему? Потому что одного зовут. Хотели бы завалить, позвали бы обоих, а заодно уточнили бы, где остальная команда. В таких случаях оставлять лишних — не очень удачная идея, особенно после того, что с Прокопом случилось.

Маркел защелкал счетами, подбивая какие-то итоги, а я, вытащив из портсигара и смяв папиросу, вышел на улицу, подымить на воздухе.

— Вроде бы подвезти к Хану обещал, — сказал я Славяну почти что шепотом. — Но пускают меня одного, так что тебе лучше в гостинце ждать, я пешком приду.

— Могу прямо там, за водилу подождать, — усмехнулся он. — Тент у нас не протекает. Подстрахую.

— Там ты все равно не подстрахуешь, в доме встреча.

— Ну и что? У нас сколько рекорд сидения в засаде? Пять суток? Ну и чего бы не подождать?

— Просто, если решат вальнуть меня, то и тебя тоже, до кучи. И останется не пятеро, а уже четверо. Езжай в гостиничку, потом прикинем, что к чему. И на всякий случай на стреме будь, нас с тобой уже точно вычислили, я уверен.

— А остальных?

— Не уверен. Рассчитываю на то, что нет.

Вроде и глупо на первый взгляд в одной гостинице и на одном этаже жить, но именно что на первый. Потому что как раз так меньше всего подозрений, вторая часть нашей группы должна скрываться серьезней, в лесу прятаться, например. Иногда люди хуже всего видят то, что лежит под носом.

Славян уехал, а я остался ждать, сидя на скамеечке и вытянув ноги. Что-то опять плечо разболелось так, что сил нет, сижу вот и массирую. Руку просто вбок поднять уже проблема. Некстати, как всегда нестати. Хотя, что я себя обманываю? Болит часто, чем дальше, тем чаще и сильнее, просто иногда это делу не мешает, и терпишь, а иногда вот как сейчас, когда не знаешь, как дальше дела пойдут. А хуже всего, когда во время самого действия прихватывает. Старый стал. Рано теперь люди стареют, заметно это, годы разрухи и выживания ни для кого даром не прошли, в том числе для тех, кто под боеголовки и даже радиацию не попал. Я всего избежал вроде бы, а все равно такое впечатление, что когда-то во мне каждую кость и сустав сломали, потом это срослось кое-как, а теперь напоминать о себе начало. Не только плечо, просто оно хуже всего себя ведет.

Какой вывод? Торопиться надо. Успеть как можно больше, пока еще могу, пока не разбил радикулит какой-нибудь, пока не отнялись ноги или даже вот эта моя левая рука. Просто торопиться, не терять времени, тем более что только мысль о том, что у меня есть миссия, предназначение, меня в этом мире и удерживает. А так, с тех пор, как моих... устал я жить, короче. Совсем устал, хоть и очень быстро.

Тут в толпе на рынке лицо знакомое мелькнуло. Женщина. Шрам на лице и след ожога, уже едва заметный. Короткая стрижка, под мальчика. Точно, я ее видел тогда у КПП в Торжке, когда с колонной приехал, она вместе со мной стояла в очереди на регистрацию. А тут что делает?

Нет, понятно, что из Торжка сюда люди катаются, но она не из Торжка, она в очереди иногородних стояла и приехала со мной в одной колонне, от Данилова.

Интересно.

Я поднялся со скамейку, прошел чуть дальше, чтобы ее из виду не терять. Ага, а она не одна, с ней еще парень какой-то... за тридцать слегка, высокий, спортивный. Одет в распахнутую штормовку поверх футболки, серые новопошитые брюки с карманами на всех местах заправлены в чуть обрезанные кирзачи. На плече штатный солдатский вещмешок висит.

Волосы темные, короткие, черты лица неприметные. А там она была одна.

Что они делают? Еду покупают, вон домашнего сыра им от круга отрезали, завернули, а парень его сразу в мешок свой убрал. Вместе живут, раз вместе еду берут? Но раз она одна там была, то он местный, получается? Или порознь приехали? В любом случае немного странно. Если бы не Маркел, который вот-вот выйдет, я бы за ними пройти попробовал. Посмотреть. Потому что какая-то цепочка связи Вышнего Волочка с остальным миром этому миру вредит. Кто-то же передает сюда информацию о медицинских перевозках, верно? И не из Торжка передает, а откуда-то из столицы, с Поволжья.

В Жигулевске теперь столица, рядом с большим бункером, вырытым под тамошними горами. И Тольятти не пострадал, оттуда как-то жизнь возродиться пытается, и сидит заодно там какая-то гнида, которая за долю малую бандам информацию сливает.

А как она это делает, кстати? Вот вопрос. Или план медицинских перевозок долгосрочный, можно сразу на год вперед продать? Или по радио, кодом каким-нибудь? Радиолюбителей хватает, им не мешают, а даже поощряют всячески... Потому как землей сообщения доставлять долго, разве что фельдкурьерской службой, которая на своих броневиках и самолетах «Аннушках» туда-сюда носится. Или цепочка сложнее? Куда могут копии тех же планов поставки отправлять?

Вроде и не наша работа, слишком далек наш Грязовец и от столицы, и от Вышнего Волочка, откуда банда в рейды выходила, но только ударило по нам. По мне. Ладно, эти двое на выход пошли, а из конторы мой проводник к Хану показался. Лишь бы Хароном не стал.

Ездил Маркел на белой «Волге», понятное дело, которую кто-то начисто вымыл, пока она стояла у рынка. Катался неторопливо, как бы давая чувствовать окружающим свой авторитет. Ну и ехать недалеко. Тут везде недалеко на самом деле.

— Хан вообще какой по жизни? — спросил я.

— Крученный. Но конкретный, если да — то да, если нет — то нет, — Маркел помолчал и добавил: — Не бздюме, беспредела за ним не водится. Смотри только, чтобы у вас за рыжье не прогон был, тогда не выломишься потом.

На перекрестке с Цнинской набережной «Волга» свернула направо и

почти сразу остановилась у большого краснокирпичного трехэтажного особняка, перед которым собралось с десяток машин. Шестеро бандитов сидели на лавочках у подъезда, все вооружены автоматами, на груди «лифчики» с магазинами, в под сумках гранаты, хоть и одеты по гражданке.

— Фатерка неслабая, — вполне всерьез поразился я.

— Так и бродяга серьезный.

Маркел свернул к обочине, остановил машину, заглушил двигатель. Его узнали, так что никто из сидевших даже не дернулся, и только когда мы вылезли из салона, с нами поздоровались.

— Хан нас ждет, — пояснил Маркел и повел за собой в подъезд.

За дверью оказался довольно просторный вестибюль, где нас встретили еще трое бойцов. Один, самый немолодой из них, одетый в черную майку, из-под которой выпирали мощные, словно тросы, мышцы, остановил меня.

— Извини братан, но волыны, перья и все такое тут оставить надо. Мы тебя не знаем, так что извини.

Двое других довольно грамотно его страховали, причем Маркела пропустили дальше, чтобы в случае чего свой в секторе не оказался.

Я чиниться не стал, выложил на полированный стол ТТ, магазины к нему, затем прибавил нож вместе с ножнами. Меня тщательно охлопали, но тот самый плоский ножичек под джинсовым швом не нащупали, разумеется.

— По-братски прими, если что, — добавил старший. — Кипиш в городе.

— Нормально все, — ответил я.

— Проходи. Тут все в целости будет.

Маркел провел меня к какой-то задней двери, после чего мы оказались в просторном дворе, посреди которого возвели большую беседку из мореного бруса, крытую профнастилом. Большую часть ее занимал длинный овальный стол, обставленный со всех сторон мягкими стульями, а за столом сидело четверо.

Кто тут Хан, я понял сразу, потому что сидел он во главе стола, на авторитетном месте. Явно кавказец, пожилой, лет уже за шестьдесят, наверное, руки выдают тюремного сидельца. По правую руку от него немолодой уже русский, в толстых очках, с растрепанными седыми волосами. Одет вроде и хорошо, и все равно кажется, что в клифту лагерном, прямо как печать на человеке. Слева от старшего оказался довольно молодой мужик с ранней лысиной, виду такого интеллигентного, что и не скажешь, будто бандит.

Хозяин встал, радушно раскинул руки, жестом пригласил за стол:

— Вечера всем, — поздоровался он. — Присаживайтесь. Серый, насколько я понял, — посмотрел он на меня каким-то вроде бы даже сонным взглядом.

— Серым погнажи, — подтвердил я. — Добрый вечер.

— Садись, братва. — Он сам уселся за стол. — Я Хан, за положенца тут, как видишь. Товарищи мои, семейники, — он показал на соседей по столу, но представлять не стал. — Угощайтесь.

Стол был богат, но поразил не он. То, что я счел большим особняком, оказалось лишь его частью. Все здание было выстроено в форме лежащей «П», вход с набережной через одну ножку, а из второй, похоже, выход на параллельную улицу, но может, и ошибаюсь. Дальше у забора стоят две «Волги» и УАЗ с жесткой крышей, на колесах никелированные колпаки, а в доме, я так подозреваю, все семейники живут. Скорей всего, одно колено хозяйское, а остальные под ближних и прислугу отвели.

— Маркел сказал, что вы уже дела крутанули? — Хан снова уставился мне в глаза своим непонятным сонным взглядом. — Нормально все, по башлям разошлись?

— Все четко, приятно дело иметь, — я старательно воздерживался от фени, хотя окружающая среда так и сбивала на нее.

— Дурь тут у нас вся, если есть еще — подгоняй, дальше проще будет, уже друг друга знаете. Братва у тебя «зеленая»?

Вот как базар фильтрует, старая школа, людей по мастям не делит, не сказал «зеленой масти», хоть это теперь расхожим выражением стало. Акцента у него, к слову, нет никакого, выговор типичный для этих мест. Или тут и жил всегда, или совсем давно осел и в местном окружении существовал.

— «Зеленые» мы, всегда такими были.

— Давно начали?

— Давно, с Пятого Года, пожалуй. Ну, как закончился, с шестого уже, получается.

— А сами откуда будете?

— Да кто откуда, а собрались в Тотьме, — назвал я ближайший к Грязовцу бандитский анклав.

— Это в Вологодской? — спросил старикан в очках.

— В Вологодской.

— Четвертый изолятор, — усмехнулся он. — Побыл чутка, повязали в тех краях. А оттуда в Потьму этапом, прямо песня получилась, из Тотьмы в Потьму. На Шексне две зоны строгих, сам не чалился.

— В Шексне всех исполнили, как началось.

— Слышал, — старый вздохнул. — Загнали чуть не полк и всех расшлепали. «Вологодский пятак» тоже, со всеми ворами. Ладно, не при базаре, — махнул он синей от партаков рукой.

Загнали туда вообще-то три взвода внутряков, но поправлять не стану, это тоже лишнее. Не поймут. А командир одного из взводов Грязовецким райотделом командует.

— В положенцах кто на Тотьме сейчас? — снова спросил Хан.

— Прямо сейчас не знаю, — соврал я, хотя прекрасно знаю, на самом деле, — а года полтора назад Лука был, он общак держал. Ну и еще Мокрый со своими, но те больше «зеленые».

Вот на этом меня точно ловить не нужно, если Хан, конечно, это делать пытается.

— Бываете там?

— Редко. Вот как раз полтора года назад в последний раз, зимовали.

— А так, по жизни, из каких будете?

— Из вояк все. Не конвойные войска, — усмехнулся я. — Пехота, десантура, ну и молодой есть, уже сами учили.

Вообще чудес не рассказываю, среди «печенегов» банд из бывших военных хватает. Не то чтобы склонность, а выживают они лучше при таком образе жизни, картами пользоваться умеют, тактику знают. И что блатных, что просто шпану к себе не берут никогда, да и тем вроде запаadlo, вояки для них «красные».

— С чистого фарта живете?

— Иначе и не скажешь.

— Еще дурь есть? Или знаешь, где взять?

— Нет, случайно взяли, не так далеко отсюда. Так не знаем.

— Маркел цинканул, что наводка на серьезный куш у тебя есть?

— Есть.

— Сам почему не взял?

— Не потянем. Люди и техника нужны.

— Техника... — задумчиво протянул Хан. — Какая?

— Кран здоровый точно нужен, может, грейдер или что-то такое... тут еще и специалист нужен, который сумеет завал разобрать. Если честно, я в этом не очень волоку. А может, и взрывать придется, но с этим как раз мы справимся, есть специалист.

— Что за куш? Маркел сказал, что рыжье.

— Золото. В слитках. Прямо с Касимовского аффинажного завода.

— Слитки какие?

— Не знаю. Все в опломбированных ящиках.

— Так может, и не рыжые?

— С завода, где золото чистят? И взвод разведки в охрану, со средствами усиления?

— Откуда знаешь?

— Взвод наш, а меня с роты кинули им командовать. Я все и вез. Поэтому и жив остался, к слову, расположение наше накрыли с большим запасом, никто не вышел. А мы в дороге застряли.

Разговор затянулся. Хан вроде бы и скептический подход демонстрировал, но расспрашивал подробно и долго, то есть повелся. Не мог не повестись. Могут и не поверить, а проверить все равно попытаются, потому что такое им только раз в жизни обломиться может, да и то во сне. А я реальность предлагаю. Главное, что слухи об этом всегда ходили, так что не на пустом месте наша басня возникла. И сомнительно, и вдруг — правда? Я ведь и сам не знаю, правда или нет, разве что наша наводка липовая. Может, и возили, просто мне доложить забыли.

К концу разговора Хан все же сказал:

— Не вкупаюсь я пока. Может, и так, как ты излагаешь, а может, и не так. Поэтому торговаться пока не будем, подумать надо. Ты из города не уезжай, тут поживи пока. Пришлем за тобой.

На том и расстались. Маркел остался еще и свои дела обсуждать, а я пошел себе обратно, забрав пистолет и нож на выходе.

На следующее утро наши уехали из города, остался только Славян. Не в Торжок уехали, должны осесть пока в Борках, опустевшей деревне в паре десятков километров от города. Попутно забрали тайник из гаражей. А мы проехали снова мимо Прокоповой базы, найдя ее опустевшей. Ворота нараспашку, двери открыты. Подумав, завернул туда.

— Свалили они, что тут делать? — спросил Славян.

— Так, посмотреть хочу, — ответил я, загоня уазик за здание, чтобы даже случайно его не разглядеть было со стороны дороги.

Взял «ксюху» с глушителем, накинул ремень на плечо. Славян у машины остался, курить.

Поврежденные мной машины так и стоят, их только за гаражи оттолкали, чтобы не мешали. В самих гаражах тоже разор. Прошелся по зданиям — кругом следы того, что люди... нет, это не люди, обитатели съехали. Нашел две большие подвальные комнаты в конторском доме, с железными дверями и валяющимися на полу навесными замками. Внутри деревянные полаты с матрасами, тумбочки какие-то, в одной из комнат два зеркала на стене. Тут наложниц держали, значит.

Новых рабов успели завести? А если успели, то куда они делись? Увезли с собой? Продали в городе? В новую банду «взносом»?

В «жилом корпусе» нашел с некоторым удивлением баню прямо в подвале. Добротную такую, с предбанником, диванами и длинным столом. Еще нашел, где общак держали или просто что-то важное — на полу кусок фальшстены и там же металлический ящик, который прятали в тайнике. Открытый и пустой, понятное дело.

Куда оставшиеся смылись, интересно? В Вышний или, наоборот, как можно дальше? Могли ведь подумать, что это местные их за какой-то косяк положили, вот и сдернули с общаком в поисках безопасного места. Скорей всего, так и есть, но может, к другой банде в городе прибиться попытались.

Прокоп, похоже, отдельную квартиру занимал, однокомнатную, а остальные по двое жили. Мебель тащили отовсюду, что-то вручную сделано, но так комфортно устроились, хорошо жили. На стенах выцветшие страницы из какого-то иностранного журнала с голыми девками. Разжились где-то, «сеансы секли». В конторском доме даже столовка общая есть, с двумя длинными столами, за дверью кухня.

Интересно, сколько их осталось? В тот раз на базе трое было, то есть

от двух до трех. Их бы тоже надо, вообще-то, на ноль помножить.

Нехорошо как-то здесь, словно дух какой-то остался, аура. Давит сильно. Вообще в Вышнем мне плохо, хочется хотя бы в Торжок уехать, к нормальной жизни, с Саней вон в баню сходить, потрепаться, пива попить с рыбкой.

Закурил, выпустил дым под потолок. Почему не уйду? Что здесь еще держит? Как-то прямо под сердцем тяжесть, ощущение такое, что вроде и убил Прокопа, но мало убил, недостаточно. Нервы разгулялись, даже руки чуть задрожали. Может так быть, что плохие люди так запоганивают собой место, что это потом на нем как плесень остается? Как гниль какая-то? Сейчас вот готов в такое поверить, честно говорю.

На первом этаже в одной из квартир нашел несколько мешков и четыре деревянных ящика. Заглянул в них — тушняк, сахар, соленья в банках, огурцы с помидорами, варенье, вместо крышки бумагой закрыты и веревочкой подвязаны. Не все вывезли? Плюнули или вернуться хотят? А в мешках что? Одежда, полотенца какие-то... понятно, не влезло все, взяли самое ценное.

Насторожился. Послышалось что-то?

Точно, слышалось. Звук двигателя. Приближается. Даже слышу плеск луж под колесами уже. Сюда? А куда тут еще ездить... Так, если я слышу, то Славян на улице тоже должен, он мужик опытный.

Отступил в открытую дверь квартиры слева на площадке, как раз напротив той, в которой барахло свалено, вскинул автомат, сбросив с предохранителя.

Точно, сюда, во двор. Что-то небольшое вроде уазика, судя по звуку движка. Скрипнули тормоза, затих мотор, щелкнули замки дверей. Шаги. Дежавю какое-то, я вот тут неподалеку так на слух ждал двоих, что за женщиной гнались.

Шаги уже в подъезде, носом кто-то шмыгает. Затем двое одновременно возникли в дверном проеме, один сразу налево свернул, спиной ко мне, второй в мою сторону глянул.

Автомат треснул очередью, посмотревший на меня свалился сразу, второй дернулся, но с линии огня уйти не успел, тоже поймал грудью несколько пуль. Я подскочил к двери, присел, низом высунувшись из дверного проема, никого не увидел, бегом бросился к выходу на улицу, замер, и тут же в подъезд ударила автоматная очередь. Затем вторая, уже приглушенная, с другой стороны, кто-то охнул, выматерился, слышался звук упавшего в грязь тела.

— Серый, чисто! — крикнул Славян снаружи и тут же добавил, уже не

для меня: — Не шевелиться! Замер, сука! Замер! Руки! Руки поднял!

— Понял! Контроль у меня!

Я оглянулся на лежащих, потом взбежал на лестничную клетку, всадил каждому еще по пуле, потом уже шагом спустился и вышел на улицу.

Во дворе стоял ГАЗ-69, военный, двухдверный, а с водительской стороны на земле лежал молодой парень с бледным лицом, из простреленных ног текла кровь. Руки над собой держит. Значит, водила на улице оставался.

— Славян, дорогу держи! — крикнул я, и мой напарник, пробежав через двор, встал у открытых ворот.

— Там чисто!

— Контролируй. Ты кто? — я направил автомат в лицо лежащему.

Шагнул вперед, ногой оттолкнул в сторону АКМС со сложенным прикладом. Ага, у него еще ПМ в кобуре... Лет двадцать пять, лицо чуть скуластое, на татарина похож. Руки уже в партаках, новомодных, не тех, что раньше на зонах кололи.

— Вы чё, в натуре, творите? — вдруг спросил он. — Чё в людей стреляете?

— Да какие вы люди? — удивился я. — Говно, а не люди. Козлы вонючие. Ты мне скажи, жить хочешь или кончать тебя? Руки! — прикрикнул я, увидев, как тот потянулся к кобуре. — Щас и граблю прострелю.

Вообще выжить может, кровь течет, но не сильно, артерию и крупные сосуды Славян ему не перебил. Но это я так, в теории.

— На хрена так делать, а?

Из новых, по-человечески бухтит, не на фене.

— Ты с Прокопом бегал? До трех считаю: раз, два...

— С Прокопом.

— Сколько вас выжило?

— Двое.

— Троих насчитал.

— Еще два пацана из города подтянулись.

— Где последний?

— Где надо. На деревне ждет, с другой тачкой! — крикнул он, увидев, как я прицелился ему в плечо.

— Какой деревне?

— Этой... ну туда, на Валдайской дороге... в Коломно.

— Он прокоповский или новый?

— Новый.

- Рабы все где?
- Продали вчера, оптом.
- Кому?
- В Терелесовском, торговцам.
- В Коломно где укрылись?
- Там в деревне дорога поворачивает, дом под шифером.
- Из Волочка свалить решили?
- Ну да, — дышал он тяжело. — Чё нам тут теперь ловить?
- Спокойной ночи, — сказал я и выстрелил ему в лицо.

Вздохнул, отпустил повисший на ремне автомат, снял очки, потер переносицу, затем лицо ладонями. Все, с прокоповскими все, но гражданских продать успели, скоты. Теперь не спасешь. Налегке уходили, твари.

- Славян, шмонаем этих и едем в Коломно! — крикнул я.
- А чего там?
- Еще один живой остался.
- Исправим.

С троих убитых взяли три автомата и два пистолета, шесть гранат, но ничего интересного на них не нашли. Паспорта, почти наверняка левые, потому что выданы в Вышнем, а тут что хочешь выдадут, не по паспорту живут. В «козлике» нашли карту с пометками, но пометки стандартные — зоны заражения все больше. Пара цинков с патронами 7.62, картонная коробка с десятком РГД-5. Рюкзаки с барахлом и запасом еды, три канистры с бензином. Еще несколько номеров, включая военные, лежат под сиденьями. Налегке сюда ехали, похоже.

Да, денег по карманам нашли на удивление много. Похоже, что бандиты общак раздербанили, и каждый свою долю с собой таскал. Причем у всех почти одинаковые суммы, по четыре с половиной тысячи примерно. Это уже себе оставим, разделим группой, за эфедрин-то деньги сдать придется. А нам пригодятся, у наших всех семьи, только у меня вот так...

Трупы подцепили тросом и волоком оттащили в один из дворов в частной застройке. Дождик лить продолжает, все следы замоются. Не страшно. Да и не сунется сюда в ближайшее время никто, я думаю.

«Козла» решил прихватить. Машина без номеров, виду вполне обычного, вряд ли кто-то ее опознает. Пригодится. И выглядит вполне

прилично, следили за ней. А даже если опознает, то купил, бабки пацанам нужны были. Протестовать уже не будут.

Затем мы поехали в Коломну. Раз начали, то лучше заканчивать. Дороги дотуда под тридцать километров вышло. Сначала уазик поставили у «Березки» на стоянку, потом Славян пересел в «шестьдесят девятый». Машинка ничего так, вполне приличная оказалась, ухоженная. Два кресла, сзади лавки откидные по бортам, сугубо военный вариант. Даже тент целый, не течет нигде. Помедленней, чем уазик, разумеется, и гудит громче, но едет хорошо. Пригодится. Жрут эти «козлы» бензина, правда, немало, но зато им вообще любого качества горючка подходит.

Дорога в ту сторону ближе к городу оживленной оказалась. Там две промзоны, в которых фабрики еще работают, туда-обратно люди ездят. Дозиметрический контроль на выезде даже тормозить не стал, пропустили мимо. Уже за поворотом на Красномайский движения стало меньше. Один раз навстречу обоз из трех телег попался, затем седельный тягач с бревнами прошел, да и все. Как в Коломне с разбитого шоссе свернули, я скорость совсем сбросил. Славян взял свой автомат поудобней, проверил, как глушитель держится.

Дом под шифером на повороте и вправду один, остальные рубероидом крыты. Но все уже в негодность пришло, крыши просели, стекол нет. Когда подъехали ближе, из калитки на дорогу вышел парень в белой майке, трениках и в пляжных тапках. Автомат в руке, но держит за рукоятку стволом в землю. Расслабился, своих ожидаючи. Махнул нам рукой, не разглядел, кто в кабине, только машину узнал. Я тормознул, Славян ловко выскочил из машины и тут же свалил бандита несколькими одиночными выстрелами, по белой майке быстро разбежались кровавые пятна.

Заскочили в калитку, осмотрели двор и дом, но никого не нашли, только на таганке над небольшим костерком чайник закипал, из которого я костер и залил, подняв столб пара. Потом труп за ноги затащили во двор и столкнули в выгребную яму уборной, ржавым ломом подцепив перед этим доски у очка. Самое место, по мощам и елей.

Во дворе стояла еще одна машина, груженный всяким барахлом ГАЗ-52, вызвавший у меня приступ тяжелой жадности. Добротный такой грузовик с простым мотором, тоже в очень хорошем состоянии, резина на колесах наварена совсем недавно. И в кузове аж четыре запаски.

— Спрятать надо, машина нужная.

— Это точно, — Славян кивнул. — Груз давай прошарим.

— Само собой.

Прошарили. Нашли оружие и патроны, то, что со всей банды осталось,

похоже. То есть успели купить новое, получается. Среди него одна снайперская трехлинейка довольно свежего вида, со склада явно. РПК, причем с виду совсем новый, и к нему целых шесть «банок». Вполне себе пригодится. Рации нашли, две «сто сорок восьмых», без аккумуляторов, конечно, но подключать к автомобильной сети можно и просто к автомобильной батарее. По две антенны к каждой. Это тоже очень хорошо, километров на шесть или семь она работает вполне. Рация и в зилке у нас есть, «сто пятьдесят восьмая», они друг с другом работают, так что мы в связи прибавили теперь. Много бензина в канистрах и трех бочках, масло, потом целая коробка со всякой наркотой нашлась, не отказывали они себе в этом. Еда, запас воды, фильтр самодельный для воды же, целый мешок новых вафельных полотенец. Два десятка комплектов ОЗК и противогазы. В общем, почти все пригодится.

Отсюда и общак такой небольшой, мы в мешке убитого нашли такую же сумму, как и у остальных, то есть на четверых они его раскидали. Растратилась банда, восстанавливая утраченное имущество. Ну, ничего, теперь мы в очередной раз за их счет пополнились. Немного странно, что они сразу не загрузили «шестьдесят девятый», но, может быть, он в другом месте тогда был или еще что. Может, у них даже легковушка была, которую они продали или сбросили, а купили «козла», недаром же он выглядит так, словно только из мастерской.

Лишнее свалили в ту же выгребную яму. Не поленившись, доехали проселками до Борков, где наши устроились, оставили «газон» там, разбросали трофейные деньги на всех шестерых, а потом на «козлике» с другого направления вернулись в Вышний. На въезде машина никакого интереса не вызвала, так что все нормально. А банду Прокопа мы вычеркнули окончательно, на этот раз просто повезло, на ловца зверь прибежал.

— Искали тебя, — сказал «джинсовый» администратор, когда мы зашли в гостиницу. — От Маркела приходили.

— Передать не просили ничего?

— Сказали, чтобы вечером нашел их в «Сказке», в кабинете будут сидеть, в ресторане. Пусть к Маркелу и проводят.

— Понял, благодарю. Ствол с остальным в камеру тогда прими.

— Не вопрос.

Когда поднялись в комнату, Славян спросил ехидно:

— В бордель зовут? Сладкая жизнь?

— А чего ты ржешь? Ты тоже идешь.

— Тебя зовут.

— Уважают, — согласился я. — Кстати, да, пойду один. Если к... двум ноль-ноль не вернусь, сваливай — значит, не так что-то пошло.

— Почему так думаешь?

— «Сказка» под Бачилой, то есть Хан с ним уже поговорил, иначе домой бы позвал. К тому же расстрел Прокопа с бандой пока загадка для всех, а мы люди новые, могут на нас подумать.

— Ну так прикидывали же, Саша Кучер у нас в запасе.

— К этому надо еще беседу подвести. Ладно, собираться пора, уже и время, считай.

Я подошел к шкафу с перекошенной дверью, заглянул — ну хоть одежду не попятости, и то хорошо. Висит.

— Подвезешь?

— Конечно.

— Или ладно, сам доеду, пусть машина примелькается, а ты тогда «козла» возьмешь, если что.

— Может, все же подвезти?

— А смысл? Если и завалят, то внутри уже, все равно не увидишь.

Странно, и как-то ни страха, ни эмоций. Словно весь их запас ушел на мое личное дело, больше ни на что не осталось. Ну, мы знали, на что шли, когда решили исполнить Прокопа и остальных сразу, но все равно правильно сделали.

Зеркало в шкафу когда-то было, но очень давно, похоже, так что проверить, как солидно выгляжу, не удалось. Но в стиль попадаю более или менее, а щетина уже почти в бороду превратилась. Сбрить? Нет, не надо пока, с этими очками и кепкой она все же сильно меняет лицо.

Так, сто грамм еще накатить... человек чуть выпивший вызывает немного меньше подозрений в таких вот случаях, люди подсознательно начинают считать, что он не Прокоповых людей сегодня убивал, а где-то водку пил и чем-то закусывал.

— Все, пошел. До двух жди тогда.

— Да все пучком будет, не вибрируй.

— В любом случае ты меня понял.

Ехать до «Сказки» всего три квартала, но дождь никуда не делся, так что в машине однозначно лучше. Хотя на фоне собрания легковушек перед входом в заведение уазик смотрелся немного некстати, но мы люди приезжие, не по здешним понятиям живем. Так что остановился, выбрался из-за руля, да и пошел в подъезд.

«Сказка» располагалась в старинном длинном здании, довольно красивом, сложившемся буквой «Г», вход как раз с угла. Напротив игровой

дом, наискосок через перекресток — заколоченное и разваливающееся здание бывшего драмтеатра. Ну и маленький парк замыкал композицию с четвертой стороны.

Охрана в борделе была. Четверо здоровых парней, одетых в одинаковые рубашки черного цвета, топтались в вестибюле. Над гардеробом висела табличка: «Огнестрел и ножи сдавать». Не думаю, что это касалось всех, да и охранники были вооружены пистолетами, но мои ТТ и нож взяли и заперли в ящике картотеки, которую притащили откуда-то и поставили как хранилище. И даже номерок выдали.

На следующей двери меня принял метрдотель, наверное, — весьма благообразный мужчина в черном костюме и черном галстуке, который и спросил:

— В ресторан или поиграть?

— Меня ждут. Маркел.

— А вас как представить?

— Серый.

— Понял, — черный вежливо улыбнулся. — Должны ждать. Пойдемте.

За дверью оказался ресторан, причем обустроенный так, что и до Этого Самого выглядел бы прилично. Столы не смародерены, а сделаны, скатерти новые, стулья приличные. Может быть, и преувеличиваю, отвык просто от всего такого, но место явно дорогое. Зал аркой заканчивается, а вот там видны уже игровые столы, за которыми люди сидят, и даже, кажется, настоящая рулетка есть. А я ее только в кино видел. Впрочем, и сам ресторан наполовину уже заполнен. Местами мужские компании, а местами и с женщинами. Судя по нарядам и общему облику, дамы здесь работают. Не то чтобы прямо красавицы, но и совсем страшных нет, так что место явно элитное.

— Прошу.

В середине зала, слева, два проема были занавешены тяжелыми шторами из малинового бархата, причем я сразу же решил, что пошел на них занавес драмтеатра. Метр подошел к ближней арке, аккуратно приоткрыв штору, заглянул внутрь.

— Извините, тут к вам Серый пришел.

— Пусть заходит, — послышался голос Маркела.

Я откинул штору и зашел внутрь. Кабинет и вовсе поразил: подсвечники на стенах, картины, диваны уголком, стол с мягкими стульями. На диване, закинув ногу на ногу, сидел Маркел, а рядом с ним кто-то мне незнакомый, худой, с угрюмым лицом и красным пятном на

виске. Оба с бокалами как бы даже не вина в руках.

— Здорова, Серый! — поприветствовал меня весовой. — Знакомься, это Грек. Винца хочешь? Или чего другого?

За стол они не сели потому, что ждали старших, там все расставлено с геометрической точностью, а бутылка красного вина стояла рядом с диваном, на столике маленьком.

— Не откажусь, благодарю. — Я сел на второй диван, повернувшись к ним лицом.

— Как в городе гужется? — спросил Маркел, налив вина в хрустальный бокал из довоенных и передал его мне. — Вон яблочки в вазе, закусывай, если надо.

— А вино откуда?

— Везут с югов. Давно не видел?

— Давно.

— Бабок стоит ломовых, но можем себе позволить, — он усмехнулся.

Я принял бокал, пригубил осторожно... ну, не хуже того, что в винных до Этого Самого продавалось. Может, даже и лучше. Производитель и подрабавил, наверное, и добавил чего-то для крепости, но пить можно было и так, а не залпом и срочно закусывать. Помню, что по-настоящему хорошее вино я попробовал в Грузии, в Лагодехи, где в командировке был, причем не то, что на продажу, а для себя сделанное. И тогда только получил ответ на всегда мучивший меня вопрос: как так получается, что во всяких французских и итальянских фильмах вино смакуют, а что в магазине ни купи — смаковать точно не получится. Проглоти и закуси, иначе никак. Ну а это хотя бы просто пить можно.

— Нормально время проводим. Все забухать собираемся, да вот дела серьезные, — я обвел кабинет рукой, — надо, чтобы калган варил.

— Успеешь еще. Старшие подъедут скоро.

Грек шевельнулся, и я увидел у него под распахнувшимся пиджаком рукоятку пистолета. То есть да, не у всех оружие забирается. Или он как раз от Бачилы представитель? Очень может быть.

Разговор шел ни о чем, быстро сбились на анекдоты. Затем занавеска откинулась, в кабинет заглянул тот самый немолодой и вежливый, что обыскивал меня в доме у Хана, поздоровался, затем пропустил главного. Мы разом встали, демонстрируя уважение к авторитету. Следом за Ханом вошел старикан в толстых очках, тоже поприветствовал всех вежливо и как-то так, что я заождал от него услышать «вечер в хату, часик в радость». Ну вот ни с чем другим он не ассоциировался.

Вежливый и еще один, которого я толком не разглядел, никуда не

ушли, встали за занавесью, взяв кабинет под охрану.

— Давайте за стол все, — объявил Хан. — Диванов на всех не хватит. Бачила сейчас будет.

Хозяйское место Хан занимать не стал, сразу сел справа от пустого стула во главе стола, старикан пристроился рядом. Мне место показали напротив него. Там и тарелка уже стоит, и приборы лежат, и бокал с рюмкой. Но еду еще не приносили.

Едва об этом подумал, как сразу вошли двое официантов с подносами, начали расставлять водку, вино, минералку и сок, заглянул метрдотель, сообщивший, что салаты сейчас принесут. Заказы делать никто не предлагал, так что, думаю, был общий приказ организовать все как надо. И тут же в кабинет зашли еще двое, оба в костюмах, у того, что первым шел, под пиджаком водолазка, а второй и вовсе с галстуком. Портные в городе тоже без работы не сидят, похоже.

Тот, что в водолазке, был высок, худ, сутул. Руки мосластые, но без партаков, к моему удивлению. Лицо чуть странное — худое, подбородок острый и длинный, рот тонкий, на щеках резкие складки. Нос при этом картофелиной, глаза глубоко сидят, брови нависли, а лоб низкий и морщинистый. Как бы голову кто-то сверху приплюснул, а снизу вытянул.

Второй был краснорож, стрижен почти под ноль, отчего череп покрыт щетиной, уши ломанные, прижатые, но особенно заметны были маленькие голубые глазки в сочетании с большим толстогубым ртом, а нос между ними как-то терялся. Сложением этот второй напоминал шкаф. И тоже руки чистые. Не из блатных группировка Бачилы, что ли? А нет, вон у старшего синее из-под рукава высунулось, просто он ладони не обкалывал. Интересно, по каким статьям ходил? Некоторым точно признаки принадлежности к криминалитету наружу лучше не выставлять.

Сутулый занял хозяйское место, с чего я заключил, что это именно Бачила и есть, а краснорожий сел справа. Маркел и Грек оказались левей меня, так что попытаюсь я отсюда рвануть, ничего не получится.

Пока официанты сновали взад-вперед, серьезных разговоров никто не начинал. Бачила с Ханом негромко говорили о чем-то своем, Маркел болтал с Греком, а краснорожий шушукался с дедом. Один я за сироту вроде как.

Стол уставился закусками, живо напомнившими мне ассортимент любого ресторана на просторах СССР — салат «Столичный», салат «Мясной», салат «Мимоза» и все такое. Интересно, на горячее лангет и эскалоп будут? Впрочем, много было и грибов, соленых и маринованных, и солений прочих.

Когда официанты вышли, метрдотель, не спрашивая разрешения,

налил всем по рюмке водки, поставил графин на стол и тоже удалился.

— Ну, за жизнь бродяжью и закон воровской! — Бачила поднял рюмку.

Все чинно выпили, потому как тост ответственный, даже лицо солидное требуется. Потом присутствующие к закускам потянулись, а я сбросил себе на тарелку из хрустальной вазочки несколько скользких маринованных маслят, потом туда же добавил груздей и пару ломтиков буженины.

— А у вас, «печенегов», свои тосты есть? — спросил вдруг Хан, усмехнувшись.

— У нас тост один: «Дай бог, чтобы не последняя», — ответил я. — Жизнь такая.

— Говорят, что ты уже лет десять разбойничаешь и живой? — спросил уже Бачила.

— Так и выходит. Так что на покой пора, харэ судьбу дровичь. А то жизнь, как та веревочка, которая вьется. Осесть хотя бы надо.

— На осесть, если жить солидно, лавэ нужны, — заметил Хан.

— Согласен. Поэтому я и здесь.

— А если подписаться замочить кого, то сколько сейчас башляют?

— Не смогу разъяснить, не по этим делам. Не интересовался.

Как же достает эта уголовная манера выражаться, когда половина слов под запретом по понятиям с малолетки. Даже «спасибо» и то не к лицу считается, надо «благодарю» говорить. И вот это мое «разъяснить» исключительно для того, чтобы слова «ответить» избежать.

— Тут вот какое дело, — снова продолжил разговор Бачила. — У нас тут эпизод беспредела случился, Прокопа с его братвой положил кто-то. Умеючи положил, как детей, и всех наглухо. Поискали, полукали, а не выходит так, чтобы кто-то из местных. А тут ты со своей братвой нарисовался. И сам, как люди базарят, говоришь, что по таким делам конкретный, а «печенег» все по жизни беспредельные. И вот попадаешь ты у нас под подозрение.

— Это уже предьява? — спросил я осторожно.

— Нет, за предьяву базара не было. Но подозрение есть. И подозрение такое, что ты заказ взял на Прокопа. А земля тут наша, мы за ней смотрим, и на ней валить без спросу никого нельзя.

— Я про Прокопа этого от Маркела в первый раз узнал. Если бы я его исполнил, то сразу бы и ушел, что мне тут гужеваться? Надо бабки по заказу получать.

— За это тоже вкупаемся, потому и базар у нас сейчас людской, — Бачила мрачно посмотрел мне в глаза. — Но и подозрение есть. Вас в

городе шестеро было, четверо сразу оторвалось. А вы с понтом не вместе были. Почему?

— Надо так, — я усмехнулся. — Если про основное дело мое заговорим, все расскажу. Так проще будет. А Прокоп, как от людей слышал, сам отморозок еще тот, так?

— В городе он в понятиях жил, — ответил Бачила.

— Так он в городе и не кормился. А куда за хабаром ходил, там тоже в понятиях все было?

— Да беспредельщик Прокоп этот, чисто тут нишкнул, — вдруг заговорил дед в очках. — Мокрушник голимый, чертей себе набрал, бес. Слышал я за то, как он там бомбил, мочил всех подряд. За таким откуда хошь приедут. А тот черт, что от них выломился, мог сам вернуться.

— А куда они ходили? — спросил я, сделав вид, что меня какая-то мысль посетила.

— На восток больше, — вместо деда ответил Бачила. — С какой целью интересуешься?

— К Вологде ходили?

Бачила посмотрел на краснорожего с вопросом, тот кивнул. Это не Монгол, часом?

— Ходили, выходит. Разъясни.

— За Сашу Кучера слышали?

— Если тот Кучер, за кого думаю, то честный вор, правильный, — ответил дед. — Его еще в семьдесят втором короновали, во Владимирском центре.

— Кучера завалили под Вологдой месяца четыре назад, в машине расстреляли. Точно «зеленые» какие-то. Шуму в тех краях много было, Кучер сам в гости приезжал к Луке, кипиш большой был, Лука чуть с Мокрым не сцепился, но вроде разобрались. А кто Кучера завалил, того не нашли.

Завалили Сашу Кучера, старого вора и его «торпед» мы. Получив информацию от агентуры. Но трупы бросили на месте, потому что так поступают обычно бандиты, а не менты, а Кучер авторитет большой в блатном мире, поэтому была тихая надежда на то, что уголовники из-за него сцепятся друг с другом. Статус у него был высок, он вроде как над несколькими анклавами положенец, пусть и без прямой власти, но в большом авторитете. И убили его полгода назад, до рейда банды Прокопа, но уверен, что настолько точно тут знать не могут.

— Когда Прокоп туда ходил? — Бачила спросил у краснорожего.

— Да месяца четыре назад. В цвет.

— Вот за Кучера Прокопа этого, черта, и достали, — уверенно сказал дед. — На таких, как Кучер, закон воровской стоял.

— Может, и так, — кивнул Бачила. — Но может, и не так. Ты сам откуда за это узнал? — спросил он у меня.

— На дороге знакомых встретили, раньше с ними в Тотье зимовали. Они рассказали.

— Как-то все в цвет у тебя, — с сомнением сказал он. — Что за бригада?

— Мельника. И погремуха, и фамилия, все сразу.

Крутится там банда таких «печенегов», так и не получилось пока их накрыть. Из бывших военных, к слову, и вроде даже менты есть. Хорошо все планируют, отходят всегда хитро и по-разному. Пусть проверяют.

— Не слыхал за таких ничего.

— Это в Тотье прояснять надо. Если есть контакт, то поинтересоваться можно.

— Поинтересуемся.

Связь у них есть, выходит? Дело нехитрое, в принципе, радиолюбителя хватит. Мы слушать пытаемся, но дело это малоэффективное.

— Какой мне интерес валить этого Прокопа и здесь потом сидеть? — спросил я. — Я все же соображу, что если я тут чужой и кого-то израсходовал, то нам рвать отсюда надо. А оторваться не проблема. Если его вечером на ноль помножили, то к утру мы бы уже за Осташковым были.

Он подумал немного, затем спросил:

— Тогда опять поинтересуюсь: почему братва твоя из города выломилась?

— Подойдем сейчас к этому, все разьясню. И ушли они недалеко.

— Если по нашему делу тереть будем, то основное Бачила знает, — заговорил Хан. — Давай теперь разжуем конкретно. Что нам надо сделать и что ты за это хочешь.

— Есть золото, две тонны. Чистота «четыре девятки», я думаю, потому что с аффинажного завода шло. В бумагах обозначалось как спецгруз. Две тонны с малым брутто, то есть ящики сколько-то весят, но немного.

— Пусть так. Почему пехота груз везла?

— Потому что людей не хватало. Помните, что в стране творилось, когда все начиналось?

— Я помню только, что на зоне тогда было, — Бачила усмехнулся.

— Шухер был, — сказал краснорожий. — Только все равно не верил никто, что долбанут.

— Все верно, — кивнул я. — Поэтому и войска в расположениях оставались, типа чтобы не спровоцировать. Думали, что так на тормозах все и спустится. А потом вдруг раз — и прилетело. В общем, вызвали меня, приказали взять разведвзвод и на машинах выдвигаться в Касимов. А там в два спецвагона пересели, машины просто бросили. Маршрут дальше был, и тут приказ разгрузиться по пути поступил. Разгрузились. Вагоны на станции отцепили, придали другому составу, а как мы тронулись, через несколько часов и долбануло. Вот и все.

— А не вернулись за грузом почему?

— Я тогда еще служил, хранил военную и государственную тайну. Потом уже задумываться начал, но был далеко, да и прикидывал, что вывезли все давно. Я Маркелу рассказывал, что случайно в тех краях оказались, вот и решил глянуть.

— И что?

— Да то, что здание подрывники специально сложили. А если так сделали, то с какой целью? Если груза нет уже.

— Проверить бы сгонять, — сказал красномордый. — Для начала. Не объяснять что там, пусть просто глянут. Что скажешь? — повернулся он ко мне.

— Тут вот какое дело, — я посмотрел ему в глаза. — Я как место покажу, так и не нужен стану. Не подходит мне такое. Поэтому и люди мои уехали.

— Разъясни, — потребовал Хан.

— Тут просто все. Если нас разом взять, то и выпытать несложно, так? А если не взять всех, а только меня, то вам надо учитывать факт, что там люди недовольные в лесу. Опытные люди. С минами, тротилом и граниками. Тогда меня трясти уже невыгодно, дешевле дружить.

— За нами беспредела не водится вообще-то, — сказал Хан.

— Я тут человек чужой, новый, всех раскладов не знаю. Мне осторожным нужно быть.

— И как сделать хочешь?

— Я аванс возьму. Сто тысяч. Отдам своим людям, а они с ним уедут, — я говорил медленно, отделяя каждую фразу. — Сам с вами останусь, чтобы не думали, что порожняка прогнал. Если что не так, с меня и ответ. А если подвал вскрываем и все на месте, хочу десять процентов.

— А если не на месте?

— Меняете меня на свои бабки.

— Тогда мало получится, если просто лавэ назад. У нас расходы будут.

— Вот в натуре, — закивал Бачила, — мы тогда лавэ теряем, а ты при

своих.

— Я других вариантов не вижу. Сверху нам накидывать особо нечего, так что проще и не заводится.

Хан посмотрел на деда в очках, тот чуть подумал и сказал:

— Да правильно говорит, если за большой куш трем, загоняться за проценты несолидно. Он же тоже на нервяках будет, если что не так, то ливера вынем. Ровный расклад. А так гостя нашего на кровное свое поменяем, все в елочку.

Дед тут, похоже, за главного блюстителя понятий. Интересно, кто он такой, так ведь и не представил никто.

— Пять процентов, — сказал Бачила и показал пять пальцев. — Пять. И при обломе просто бобули обратно.

Я сделал вид, что сильно задумался, затем кивнул:

— Согласен. Сто кусков вперед, пять процентов после. Если облом, то бабки возвращаем. На место едем сразу, разведывать там нечего, просто развалина панельного дома, трех этажей. Подъезд нормальный, технику развернуть можно. Если с утра начать, то за день можно справиться, я так думаю. Ну, за два, может быть, никак не больше.

— Как-то легко ты на пять пошел, — сказал Хан.

— Есть причина.

— Разъясни.

— Это все равно много. Плюс сто косых. С этим осесть можно, хватит уже по лесам гонять.

— Здесь осесть хочешь?

— Место понравилось. И коммерцию открыть можно. Или прислониться к кому-нибудь. Пора, а то ни жизни, ни бабы, устали уже.

— Ладно, давайте по второй. — Бачила сам взял бутылку и наполнил рюмки, причем начал с меня, вроде как с гостя. Из чего я сделал вывод, что переговоры пока идут удачно. А почему им неудачно идти? Куш такой светит, что не удержатся они, все равно туда попрут, причем все. И даже Зураб, как мне кажется, все равно в этом деле обозначится. Вот такая у меня уверенность имеется.

Когда подали горячее, тот самый эскалоп с хорошим гарниром, Бачила сказал:

— Раз ты остаешься, то на мою хазу переходи. И тебе за гостиничку башлять не надо, и мне спокойней.

— И что, взаперти там сидеть?

— Ну чё сидеть? — он вроде даже чуть оскорбился. — Не чалка, как человек поживешь. И баб води, не вопрос, — он ухмыльнулся. — И тут

шкур полный дом, иди да харь, для правильного братка не жалко. Лучше, чем по диким хуторам ночевать.

— Или вон всей кодлой на Прокопову точку заезжайте, — засмеялся красномордый. — Там теперь свободно.

— Не, бойцы пока сами поживут, — отказался я с улыбкой, показывая, что гостеприимства не отвергаю, но у нас свои планы. — А вот домик бы я снял какой, может, даже и под будущее. Чтобы тачку на двор загнать и все такое. С баней бы.

— Это к Семенычу как раз, — сказал Бачила, кивнув на красномордого. — Есть у Монгола что под сдачу в центре?

— Должно быть, — тот задумался. — По Третьей Пролетарской все хаты его. А если реально соберетесь сюда на жительство, то без шуток базу Прокопа бери, там все чики, и никто не претендует.

Да, теперь уже точно никто не претендует.

— Ты завтра с утра... ты же в «Березке», так?

— Так.

— Я пацана подошлю, он тебя проводит и все обскажет, где и как. Колов триста готовь на месяц, примерно.

Я досидел до конца ужина с этой компанией. Сидели неторопливо, пили умеренно, наркотой никто не баловался. Не тот уровень. Разве что Семеныч пил чуть больше других и еще сильнее краснел рожеею. Он мне все же «черной мастью» не казался, из других он. Если Монгол бывший хозяйственник калининский, то этот... черт его знает, кто он такой, но не уголовник в прошлом. Да и язык у него хоть и с примесью фени блатной, но иной, видно, что просто от окружения нахватался.

Еще возникло смутное подозрение на то, что Семеныч нашу «банду» целит на место выбитой Прокоповой. Хоть и не пойму, чем надеется заманить, если мы вдруг золото возьмем и разбогатеем. А может, просто на натуру бандитскую рассчитывает, что она все равно вместе с жадностью верх возьмет, поведемся на очередную добычу.

После ужина в кабинете начали появляться дамы, стало шумно, Хан с дедом начали прощаться. Их никто не уговаривал остаться, так что я понял, что и мне не грех свалить отсюда. Сослался на то, что надо обозначиться перед напарником, что было правдой, сказал, что объелся, что тоже правда, и что спать хочу. Удивились, но удерживать не стали, так что я заключил,

что этот раунд остался за мной. Если бы у них причины были, то меня отсюда бы не выпустили. Только расслабляться все равно не стоит.

— Как все дальше видишь? — спросил Славян.

— Пес его знает, вроде клюнули. Но просто не будет, однозначно. Следить начнут.

— А сейчас-то чего? Мы пока вроде бы просто жизнь прожигаем, это Колун с остальными на хуторе комаров кормят, — он хохотнул.

— Боюсь, что мы в одном просчитаться могли...

— В чем?

— В том, что они разведку сперва туда зашлют. И как мы там ни прятали то, что здание развалено недавно, может вскрыться.

— И что тогда?

— Тогда их там складывать самих придется, — вздохнул я, — а дело не сделаем.

— Что-то уже сделали.

— Мало. Нужен запасной вариант.

— Выдвигай, — предложил Славян.

— Нет его пока, не придумал. В моем воспаленном воображении рисуется большой взрыв. Чего-то вроде авиабомбы, в правильном месте, где все соберутся. Но как ее туда доставить — понятия не имею.

— Нам бы еще найти того, кто информацию Монголу сливает.

— Думаю об этом постоянно, но идей нет никаких. Если связь по радио, то тогда вообще глушняк, его только на месте словить могут. Так мы знаем только то, что течет в сторону Монгола.

— Монгол все равно бабки как-то передавать должен. Кто-то катается туда-обратно.

Я задумался, затем кивнул.

— Да, кто-то ездить должен, — и при этом мне сразу вспомнилась та женщина со шрамом на лице, которую я увидел на базаре.

Но она своим ходом, с обозами, это долгий путь. Не очень верится, что кто-то с таким курьером будет серьезные суммы передавать. А с кем можно передавать? Банду туда и обратно гонять? Так банда верней в проблемы влетит. Сам получатель сюда ездить будет? Несерьезно.

Хм... а если... а если тот, кто сдает информацию, сам по командировкам катается? И, например, доезжает до Торжка? Круг таких людей совсем не широк, центральная власть визитами представителей особо не балует. Ездят с деньгами казенными, для сберкасс и отделений

Госбанка, ездят фельдкурьеры, даже летают, в Торжке «Аннушка» садится на базу вертолетную, где сейчас вояки... И еще инспекции всякие катаются, фининспекция, Минздрава... хм, а вот последнее как-то уже интересно звучит, учитывая тот факт, что Прокоп грабил именно медицинские грузы и всегда самые ценные.

— Ну вот смотри, если брать инспектора Минздрава...

— Вполне подходит, — сразу поддержал мысль Славян.

— Я в курсе. Так вот, если брать инспектора Минздрава, который приехал в Торжок, то кто ему может помешать скататься сюда, в Вышний, за деньгами... хотя нет, опасно, ему сюда не стоит...

— А вот отсюда привезти могут. Но нужна связь, — завершил мою мысль Славян.

— Верно. Кто-то должен дать знать сюда, что получатель денег уже в Торжке. И ему их просто привезут на мотовозе, а заодно примут информацию на будущее.

— Вот в десятку попадаем, я думаю. И на виду все, и все равно подозрений не вызовешь. Вопрос только в том, как часто эти инспекции ездят.

— Отсюда не уточнишь, — я поморщился. — А как с этими разберемся, то уже и не поймает.

— Их и так не поймает, — Славян отмахнулся. — Они что, раз в неделю ездят?

— Они ездят, я думаю, как раз с грузами лекарств. Просто тот груз, что сюда идет, для Монгола неприкосновенный.

— А груз лекарств вместе с остальными заказами идет с колонной Центроснаба, так?

— А колонна Центроснаба ходит примерно раз в два месяца, — ответил я.

Деньги, лекарства, какие-то особо дефицитные запчасти, те же аккумуляторы, которые теперь в одном-единственном месте делают, все это развозится колоннами Центроснаба. Едут из города в город по графику, попутно собирая там плоды производств местных, нужных центру. Правда, местами не колонны ходят, а речные суда, но к Торжку это точно не относится. Вот куда надо смотреть, только там может быть наводчик.

— А связывается как?

— Кто-то есть в Торжке. Из купцов, скорей всего.

— Почему так думаешь?

— Радиотелеграммы в Вышний. Можно дать знать, что информатор приехал.

— Логично, — кивнул он.

— Логично, — согласился я.

— Кстати, на кой ляд ты дом снимать собрался?

— «Психология» называется. Чуть больше доверия к нам, вроде как планы строим на дальнейшее.

Когда-то давно, когда моя физиономия еще не примелькалась в райотделе, мне уже пришлось изображать из себя бандита, чтобы выманить банду из той же самой Тотьмы. Банда была осторожной, на доверие не шла, подозревали злодеи что-то. Переломным моментом стала моя попытка купить у них БТР-40 с тракторным дизелем. Торговался так, что всем осточертел, оставил задаток, нудил и всех доставал. В результате оказался в доверии, потому что человек с другими задачами как бы не будет так рвать душу за каждую копейку. Потом банда выманилась и попала в засаду. А бронетранспортер потом так и служил в отделе.

— А если доверия не будет, то что они сделают? Завалят нас прямо здесь?

— Не думаю. — Я взял с тумбочки бутылку минералки и приложился к горлышку. — Все равно попытаются разъяснить нас дальше. Куш большой, потерять жалко, а вдруг он все же существует? Постепенно все происходить будет. Кстати, надо бы «козла» куда-нибудь занывать, на всякий случай.

— Куда?

— Хрен его знает. Куда-нибудь. Куда можно пешком дойти в случае чего.

— Может, куда-то к базе Прокопа поближе? Там весь район пустой. Или в гаражи?

— В гаражах, боюсь, детвора может бегать, все же близко. В Пригородный можно, пожалуй. Давай пораньше встанем, ты первый отъедешь, подождешь, а я следом, чтобы на двух машинах не мельтешить.

— Да, так лучше всего.

На этом и уснули. Мелькнула мысль о том, что нас могли и прослушивать, но я ее отмел. Для бандитов сложновато, к тому же в номере только розетки, а их я на микрофоны проверил. Больше тут ничего не сделаешь. Противника не следует недооценивать, но и переоценивать не всегда полезно.

Как и планировали, на следующее утро сорвались в семь утра. Сначала Славян укатил на «шестьдесят девятом», потом, минут через двадцать, выехал я на уазике. Уазик приметный, его уже запомнили, так что он с нами и останется. Место я уже держал в уме — старое автохозяйство почти у воды, разведаль, когда бродил тогда пешком возле бандитской базы. И то, что здесь ни души не бывает, понятно сразу. Место заброшенное, другим бандитам тут делать нечего, а мирняк вблизи гнезда беспредельщиков тоже гулять не станет.

Проехали туда по остаткам старой дороги, завернули на территорию через вываленные ворота. Сначала хотели приткнуть машину в один из старых боксов, но потом загнали в большой цех, и там «козлик» встал за старым ржавым станком и грудой мусора так, что, даже заглянув в ворота, его не обнаружить. Потом прошлись по цеху, собирая с пола железки, чтобы не рисковать колесами, если быстро уезжать придется. В довершение положили в машину пару АКМ из трофеев, магазины и четыре гранаты.

— Нормально, дочапаем, если надо, — заключил Славян, когда мы закончили.

Хотел было растяжку поставить на всякий случай, но в последний момент передумал. А если не враги, а просто случайный кто-то зайдет? А то и дети забегут? Скинули просто массу с аккумулятора и на этом закончили. Потом закурили, стоя в воротах, на улице по-прежнему моросил мелкий дождик. Что-то совсем дождливое лето получается, даже для нынешних времен. Нам, может, и хорошо, но колхозники уже плачут, так и до неурожая недалеко.

— Не хочется тут просто отвисать, — сказал Славян, выпустив дым. — Ждать, пока эти до чего-то договорятся.

— А что предлагаешь?

— Да ничего, — он махнул рукой с папиросой. — Так, на жизнь жалуюсь. Лучше бы с нашими в деревне сидел, шашлык жарил. Мяса они купить успели.

Это да, верно, все же в компании своих куда лучше, чем в месте, где не знаешь, что тебя ждать может. Я и сам сплошное томление духа ощущаю, трудно просто ждать. Да и в Торжок сообщить свои выводы про наводчика нужно, а как это сделать так, чтобы подозрений не вызвать — ума не приложу. Понятно, что никто не может помешать мне кататься туда на мотовозе, но именно в этот день меня и тут могут начать искать, и если прознают, что туда ездил, то просто не поймут. Пусть даже не заподозрят, а именно не поймут, потому как делать там нормальному бандиту нечего, все

развлечения здесь. А вот именно непонятное подозрения и вызывает.

А мне в Торжке лучше. Я лучше с Саней в баню схожу или даже в столовке у рынка поем, но буду знать, что вокруг нормальная жизнь, а тут... как на Луну попал, как тот Незнайка. Сколько придется здесь еще байдыки бить? Быстрее бы авторитеты местные думали, что ли...

— Ладно, поехали в гостиницу, — сказал я, пряча окурок под мусор.
— Прислать там за нами кого-то должны.

— Поехали.

В гостинице долго и лениво завтракали, сыграли пару партий в «русскую пирамиду», потом снова попили чаю, и уже затем в ресторан зашел какой-то парнишка с острым крысиным лицом в прыщах.

— Я к Серому от Семеныча, — объявил он мне. — Насчет дома.

— Поехали, — подхватились мы оба.

Парнишка прикатил на «москвиче» оранжевого цвета, стоявшем у входа. Пригласил к себе, но мы отказались и поехали следом на уазике. Через несколько минут свернули на стандартную улочку в районах частной застройки — полоса разбитого асфальта, обочины с канавами, сирень вдоль заборов. Место заселенное, похоже, люди ходят, где-то собака забрехала, услышав машины. «Москвич» остановился у добротного деревянного дома под шифером, с новым забором, наш проводник выбрался из-за руля, вытащил из кармана связку ключей, потряс.

— Этот, — объявил он, показав на дом. — С баней, только дров нет.

Он отпер навесной замок на калитке, пропустил нас во двор. Я огляделся. Запущенный сад, отчаянно нуждающийся в прополке, зато в углу двора новая с виду банька с навесом, под навесом стол и лавки. Стопка силикатных кирпичей, из них, похоже, когда-то мангал складывали. «Маклер» между тем отпер дверь, позвал нас за собой.

Внутри вроде все обычно, но и не совсем — вся мебель новая, явно местной выделки. Просто, конечно, но добротно. В моем доме в Грязовце все так же, тоже мебель заказывали. Только никому не нужна теперь. Пытался я дом продать, но не получилось быстро, поэтому просто запер и уехал.

— Ну как?

— Отлично все, — кивнул я. — Почем стоит похоронить?

— Триста пятьдесят колов в месяц.

— Лавэ тебе?

— Ага.

— Кто тут раньше жил?

— Под сдачу дом. Монгол своим сдает обычно, кто у него работает. До

вас тут шеф-повар из «Сказки» жил, переехал теперь, свой отремонтировал. У нас тут семь домов по этой улице.

— Понял. Когда заезжать можно?

— Да хоть щас, только тут ни простыней, ни подушек, ни матрасов, ни посуды.

— Я понял, купим.

— Тогда ключи. — Он протянул связку. — Это от двери, это от калитки, это от ворот, — перебрал он их. — Два комплекта. Если больше нужно, то на базаре металлоремонт есть.

— Я видел, благодарю. А с домами под продажу в городе как?

— Есть такие. У Монгола бригада ремонтирует, а он потом продает. Можно пустой занять, они все починят, но пустые в хреновых местах остались.

— Я понял.

На сем и расстались, а у нас хоть какое-то занятие появилось. На базар поехали. Закупили всякого по самому минимуму, все равно добру пропадать, еды взяли на вечер со всем прочим. Потом из гостиницы вещи забрали и к обеду уже заселились в дом. Как раз две комнаты в наличии. Но времени на все убили немного.

Теперь надо наш новый адрес дать кому следует. Написал все на бумажке, затем проехали мимо усадьбы Хана, где я малевку передал через охрану, предупредив, что это самому Хану и важно. Ну а дальше обедать пора совсем уж настала, и направились мы в базарную шашлычную. Самое подходящее место, чтобы на глазах быть. И машина пусть лишний раз мелькнет. Если кто и видел нас с «шестидесят девятым», то забудет понемножку.

В «кабинете» пусто не было, но заседали не бандиты, а двое мужиков общались, сидя напротив друг друга за столом, на купцов похожи. Я заглянул, поприветствовал, на всякий случай запомнил лица, потом мы заняли столик в зале, у дальней стены, поздоровавшись с хозяином, Симой и шашлычником. Примелькались немного, тоже хорошо.

А это кто?

За столиком точно напротив выхода из кабинета та самая женщина со шрамом на лице сидит. Сидит одна, что немного непривычно. Нет, в городе на самом деле беспредела нет, но это в бандитском понимании, а место здесь такое, центровое. То есть женщине «самой по себе» сюда ходить не то чтобы следует одной. Значит, или не одна, может, ждет кого-то, или «не сама по себе». А если не считать почти исчезнувших следов ожога и шрама, то она даже симпатичная. Фигура хорошая, глаза большие... но вот в глазах

все же есть что-то такое, что намекает: «Не лезь, не ищи беды». И вооружена, кстати, под легкой курткой контуры кобуры прослеживаются. Интересно.

Женщин в бандах здесь почти не бывает. У «печенегов» часто случаются, да, у «зеленых» время от времени, а вот в банды городские, живущие с территории и по понятиям, женщин не берут никогда. Ну, в качестве полноправных.

Я понимаю, что она кем угодно может быть, но все равно... не укладывается она ни в одну из возможных схем. Если она при купцах, то почему с попуткой приехала? Не бывает так. При бандитах? Тогда куда ездила так далеко и почему одна? Женщины теперь еще и в добычу превратились, вот в чем дело. Мужчины тоже, в принципе, заезжайся — и будешь потом лес валить или торф резать на бандитов, но женщины в особой опасности, так что вот так, сами по себе, ездят редко. Правда, колонна была сильная, так просто ее не разнесешь, но все же...

Упростившаяся жизнь поделила все на стандартные шаблоны, люди живут одинаково, точнее — типы людей живут одинаково внутри себя. И если кто-то в шаблон не укладывается, у меня, как стража порядка, он вызывает интерес. Она, в данном случае. Может, за этим и нет ничего интересного, но понять все же хочется.

Какая-то новая официантка, не Сима, притащила большую миску салата из огурцов и помидоров, выставила пиво, сказала, что шашлык скоро готов будет. Тут в шашлычную вошел тот самый парень, что был тогда с женщиной на рынке. То есть не одна все же. И тоже вооружен, кстати, куртка чуть натянулась сзади, когда садился, а еще через нее перекрестье ремней оперативки проступило.

Пусть оружие ни для кого не запрещено даже здесь, но пистолеты носят нечасто. Как раз пистолетов немного, в отличие от автоматов и прочего, стоят они достаточно дорого, да и не нужны они в городах обычному человеку чаще всего. В том же Торжке или нашем Грязовце тихо, преступности и вовсе нет, какой смысл на себе весь день железяку таскать, а если за город ехать, то там уже автомат нужней. Здесь, в Вышнем, пистолет разве что от перепившей братвы нужен, но люди стараются туда не ходить, где те пьют. То есть, если человек с пистолетом, то он, скорей всего, с ним ходить должен по той или иной причине. По работе или опасаться чего-то конкретного.

Парень обедать не стал, посидел с женщиной, подождал, пока та закончит, затем заплатил по счету, и они вдвоем вышли. А дальше я через окно разглядел, как они уехали. На машине, на рафике, причем их ждали. И

за рулем сидел тот самый Паша, что меня возил. К тому же мне показалось, что он не нанят, а с ними, по каким-то деталям показалось.

На связь с нами вышли вечером. Мы со Славяном сидели во дворе с чаем, устроившись на верандочке при бане, когда услышали, как тормознула машина. Хлопнула дверь, Славян насторожился, но я сказал:

— Нормально все, кто-то один.

Калитка была не заперта, в нее вошел один человек, поднялся на крыльцо, но я его окликнул:

— Мы здесь!

Сумерки уже, а мы в тени сидим.

Человек оказался Маркелом. Подошел, сказал:

— Я на секунду. Хан на завтра зовет, домой, к обеду, в три. Вдвоем приходите. Все, у меня дела еще, завтра увидимся, — и ушел.

Вдвоем — это не очень хорошо. Лучше бы одному. Насчет того, что нас порознь расспросят, я не слишком опасался, легенду мы проговорили до мельчайших подробностей. А вот того, что нас решили аннулировать, опасался куда больше. Грохнут обоих, и что тогда с того, что остальные где-то? Никто и не узнает, кто именно нас завалил. Не убедил я их, решили, что это мы Прокопа с его бандой сложили. Или просто кто-то видел, как я в Торжке в отдел ходил, а тут опознал.

Нет, ни хрена.

— Один пойду, — сказал я. — А ты наоборот свали куда-то пока...

— Куда?

— А на Московское шоссе, где завод ЖБИ. Он пустой, встань там где-нибудь на территории. Я пешком дойду. Часов до семи жди.

— Понял.

— Если не приду, то сваливай. Поменяй уазик на «козла» и уезжай, так проще проскочить будет. Уазик там оставь, на всякий случай. Мое барахло все и оружие в кузов кинь.

На следующий день Славян смылся пораньше, а я пошел пешком в сторону Цнинской набережной, благо недалеко совсем. Похрен, что там Хан сказал, мы «печенег», под ним не ходим и сейчас под него не идем. Мы сотрудничество предложили, не более чем. Место тут его? Так мы и не возражаем, пусть себе его.

На этот раз перед домом охраны не было, а вот машин хватало,

съехались на поговорить, похоже. И возле машин братва курила, общалась. Опять на входе забрали пистолет и большой нож, опять не нашли ножа маленького, а заодно и рояльной струны в поясе брюк.

На этот раз собрались в столовой размером с актовый зал, жил Хан на широкую ногу. Собрались давно, позвали меня на самом деле не обедать, со стола прислуга уже убирала, выставляя разве что чай и какие-то сладости. На десерт пригласили, короче. Или место так указать решили, или сначала разговаривали сами. Потому что за столом сидели и Хан, и Бачила, и Семеныч, и еще один человек — пожилой, даже старый кавказец с худым носатым лицом. Судя по занимаемому месту, это Зураб и есть. Маркел отсутствовал, но дед в очках никуда не делся. Сегодня на нем был синий свитер с высоким горлом, но выглядел все равно лагерной одеждой, тут уже ничего не исправишь.

— Садись, чаю с нами попей, — пригласил за стол Хан после приветствий. — Зураб, это Серый, за кого разговор был. Что один пришел, двоих же приглашали?

— Славяну сгонять в одно место сегодня надо, ждут там. К вечеру только вернется.

— Это к братве твоей, что ли? — спросил Семеныч.

— К ним. У нас график контактов, нарушать нельзя. Вы, уважаемые, решили что-нибудь? — решил я дальше сироту не изображать.

— А то сам начнешь? — усмехнулся Хан.

— Пойду другой заработок искать. К зиме сюда вернусь, зимовать как раз. Можете думать не спеша. Без вас все равно не выкопаю.

— А если тебя мусора где-то завалят, кто выкопает?

— Тогда лежать останется, где сейчас лежит.

— Так нам не в мазняк, — он снова усмехнулся. — Но проверить мы все же должны.

— Как?

— Мы разведку пошлем, — сказал Зураб, если это он, конечно. Но «чайка» у ворот стояла. — С тобой.

— Был вроде бы разговор. — Я посмотрел на всех поочередно. — Разведка место узнает, дальше я не нужен.

— Тут ты прав, базара нет. Я бы сам так думал. Но они там с тобой останутся, нас вызовут, дадут координаты. Сто косых они вам на месте отбашляют, как увидят место. Ты там с братвой своей будешь, наших пацанов будет с десяток... мясня точно никому не нужна, так? Тем более что у тебя братва крученная, резкая. Место ты знаешь лучше.

Я сильно задумался. Не сделал вид, а именно задумался. Потом сказал:

— Бабки пусть при встрече отдадут, мне так спокойней будет.

— Нет, на месте отдадут, но если там все как надо — отбашляют без базара, отвечаю. — Зураб налил себе чаю. — Угощайся, тут вкусно готовят.

— Благодарю.

Я тоже налил себе и взял с блюда эклер.

— Я тебя тоже понимаю, ты человек тут новый, но я авторитет не порожняками заработал. Братва отдаст сто кусков на месте. Затем отламываете пять процентов рыжья. Такой договор. Согласен?

Ситуация разворачивается по худшему варианту, они все же разведку посылают. Наверняка делегаты от всех, доверия между авторитетами тут тоже немного.

— Там они вокруг посмотрят, убедятся, что не в блудняк нас ведешь. Если все, как ты сказал, все приедем. По-другому мы не можем.

Могут. Потому что выбора нет. Но и у меня козырей мало. Могут и просто меня сейчас взять, потому что тот самый, что Хана охранял, сейчас в зале сидит, и с ним еще один, здоровенный, на культуриста похож. И оба со «стечкиными». Возьмут, выпытают место и все равно пошлют разведку. А разведка выдаст, что там все свежее, и тогда хана рабу божьему Сергию, а засада не состоится.

По пути что-то придумывать придется. Никуда не денемся.

— Согласен. Когда ваши люди готовы будут?

— Послезавтра.

— Мы их на дороге встретим, за Кожино, где карьер, — сказал я медленно. — Перед Есеновичами. Если будет больше десяти — просто уйдем. Во сколько?

— Ты лучше отсюда с ними езжай.

— Мне спокойней оттуда. И удобней, потому что планы менять не придется. Нам вас кидать тоже не в масть, с кем потом копать будем? И пусть две машины возьмут, на всякий случай. Рация у них будет, так понимаю?

— Не знаю, я в этом плохо разбираюсь.

— Будет, — сказал Семеныч. — Все как у людей.

Нет, Семеныч точно не из блатных. Не так все в нем.

— Если короткая связь у них есть, то пусть у Кожино вот на этой частоте вызовут. — Я достал блокнот и записал четыре цифры. — Мы рядом будем. Во сколько ждать?

— С утра, — снова ответил Семеныч. — Рано.

— Кому частоту? — показал я листочек, зажатый между указательным и средним пальцем.

— Лучше мне, — Семеныч забрал бумажку.
— Но бабки пусть покажут, когда приедут.
— Хорошо, — почти серьезно кивнул Зураб, в душе потешаясь над моей глупой жадностью.

Ушел я оттуда своим ходом, хоть моя идея в восторг их не привела. С другой стороны, им на конфликт идти не хочется, и к тому же, если брать ситуацию такой, какой мы ее придумали, нам действительно невыгодно их обманывать. А им нас. Разве что вот эта разведка все карты путает. И из города съехать нужно, как бы авторитеты мнение не поменяли, не верю я во все их обещания, если честно. Повод сказать, что «обстоятельства изменились», всегда можно найти.

Пошел в сторону базара, пару раз аккуратно проверившись и почти сразу обнаружив хвост. Как минимум двое — мужик в спецовке и с сумкой на плече и какой-то молодой, с руками в карманах и брезентовом кепи. Издалека вести пытаются, улица все же пустая. Надо их терять, они тут лишние. Любопытство не порок, но большое свинство, особенно в такие времена и в таких местах.

Прибавил ходу, думая над тем, как это лучше сделать, но вскоре услышал звук догоняющей меня машины, насторожился, отступил в сторону, но это оказался знакомый рафик.

— Подвезти? — Паша быстро опустил окно.

Ты гля, вспомнил меня. Хотя с той поездочкой в Пригородный вполне мог запомнить. И очень вовремя он сейчас.

— Ну, подвези, — кивнул я.

— Опять за пятифан? — уточнил он.

— Опять. Разве плохо?

— И опять на Шмидта?

— Не, теперь на Московское, к заводу ЖБИ.

— Садись назад, тут сиденье грязное, поехали. Завод же брошен, что там нормальному человеку нужно? — добавил он после того, как я влез через заднюю дверь в салон, в котором осталось только два ряда сидений.
— Ты вот, ей-богу, все в какие-то странные места катаешься.

— Кому странные, кому и не очень. Поехали, — я сразу сунул ему пятерку.

Мы поехали. Я посмотрел назад. Мужик в спецовке смотрел вслед,

запоминая машину, а пацан бегом понесся назад.

Паша сразу же, словно скрываясь от слежки, свернул направо, потом налево, опять направо, а затем вырулил на разбитое и грязное Московское шоссе, которое вело через пустые и брошенные районы. Заросшие кустами обочины, какие-то промышленные здания без окон и местами без крыш. Немалая стая бродячих собак на пустыре, задумчиво смотревших нам вслед.

— Когда дождь уже закончится... — вздохнул водитель. — Осточертела эта грязь и мокрень.

— Не подскажу, с прогнозами погоды у меня слабо.

— Крыша еще дома течет, чинить надо, а времени нет.

— В своем живешь? В частном?

— Да, заняли тут пустой, вроде починили, а все равно хреново получилось.

— С семьей? — начал я его подталкивать к тому, что интересно мне.

— С друзьями. — Он схватил пачку папирос с самодельной полочки на панели и выудил оттуда одну. — Угощайся.

— Спасибо. — Я взял папиросу, смял мундштук, приоткрыл ветровичок в двери. — Ты не местный, что ли?

— Я-то? Местный, просто раньше в хрущевке жил, но там геморя больше, чем в частном. Только воду таскать задолбаешься. И рафик ставить некуда, а тут двор свой.

— С друзьями извозом занимаешься, что ли?

— Не, кто чем. Я извозом, еще человек на мотовозе кассиром работает, еще один там же дозиметристом. Так вместе проще.

— Возраст у тебя уже семейный вроде как.

— Успею. — Он выпустил дым в окно. — Это в Торжке семейным и детным льготы всякие, а тут всем все похрен.

— Там платят? — изобразил я удивление.

— А то! Ремонт бесплатный и все такое.

— А чего здесь живешь?

— Получается так. Ехать туда одному стремно, можно не доехать — или рафик застрянет, или напорешься на кого-нибудь. Поездом — тогда машину здесь бросать. Работа, опять же. Как-то на жизнь зарабатываю. А по ходу и веселей здесь малость. Не знаю.

— Машину тут продай, а там купи.

— А кто ее дорого возьмет? Никто, — он сам же ответил на свой вопрос. — Искать надо. Была бы «буханка» — давно бы сдернул, на ней проехать можно огородами. Но на «буханку» тугриков не хватит, они в

дефиците.

— А колонны на Торжок не ходят, что ли?

— А на хрена они нужны? Туда железкой все таскают.

— А как братва легковушки из Торжка гоняет?

— Так то братва, — Паша засмеялся. — У них по дороге все схвачено.

По шоссе едут, никуда не торопятся.

— А в Торжке что бы делал?

— Да то же самое. Лучше бы вообще грузовик, тогда работа была бы.

— Искать не пробовал? Их по всяким колхозам до сих пор хватает.

— Что ближе, то обшарено уже, голяк, а дальше ездить страшно.

Слушай, а ты сам откуда вообще?

— Издалека, случайно здесь оказался.

— Надолго?

— Не очень. Уеду скоро.

В очередной раз глянул назад — нет, никакого хвоста, пусто на дороге. Как мне Паша удачно подвернулся, прямо подарок. Никто не ожидал, а я так особенно.

— И как вообще в Волочке показалось?

— Тебе честно или вежливо? — почему-то не хотелось из себя бандита изображать.

— Понял, — он хмыкнул и снова затянулся папиросой. — На любителя место, конечно. А по большому счету один хрен везде. Тут тоже, если не нарываешься, то живешь спокойно.

— Оно хорошо?

— Привыкли все. Тут же с самого начала так. По сути посмотреть — власть как власть. В Торжке тоже нарываться не нужно, просто вместо бандитов менты заплющат или другая власть. Кесарю кесарево, слесарю слесарево, нигде ничего не меняется.

— Ты там за долги в рабство попадешь?

— Это да, есть тут такая штука. Долги лучше вообще не делать. Монгол их потом с тебя со шкурой возьмет.

— Монгол тут главный кредитор?

— Он самый, все под ним. Типа главный банкир. Вон ЖБИ, приехали, — показал он пальцем на обшарпанные корпуса завода, к которому вели ржавые рельсы, сквозь которые пророс высокий густой бурьян.

— Спасибо, — специально вместо «благодарю» сказал я. — Тут меня скинь тогда.

— Да, минутку. — Он откинул противосолнечный козырек и вытащил из-под прищепки сложенную бумажку, протянул мне. — Передать просили.

Всего хорошего.

В некотором недоумении я выбрался наружу, а рафик неторопливо развернулся и поехал обратно в город. Чуть подумав, я направился к заводу по разбитому грейдеру, полосой вдавленного в глину гравия прорезавшему заросший пустырь. Дождик так и продолжал моросить, тихо постукивая по наброшенному капюшону штормовки.

Славян наблюдал за входом, устроившись между грудой кирпичей и штабелем старых железобетонных плит. Так враз и не заметишь. Зато он меня заметил, встал, помахал рукой, после чего я прибавил ходу. На этот раз у него РПК с «бубном» в руках. Вот действительно, чего у нас много, так это оружия.

— Ну, что у тебя?

— Хреново у нас, они разведку все же послать хотят. — Я полез в карман за портсигаром.

— Твою мать, — выдохнул он. — Час от часу не легче. Что делать думаешь?

— Не знаю. Вместе думать будем. Погнали сейчас на Пригородный, за «козлом», и потом в Борки, к нашим.

— А разведка эта самая?

— На дороге встретим. Стремно в городе оставаться как-то, не пойму я этих авторитетов. Вроде и все правильно говорят, и в то же время как психа с топором у себя за спиной чувствую. И не знаешь, когда он тебя по репе рубанет. Пошли к машине. И да, уходить будем скрытно.

— Это как?

— Прямо из Пригородного, проселками, за постами уже. Ничего, покатаемся.

— Да я не против.

Я с чувством решительного облегчения вытащил из машины автомат с двумя магазинами, смотанными лентой через деревянные брусочки. С ним в руках как-то лучше, комфортней, что ли.

— Да, погоди минуту, — сказал я Славяну и наконец развернул записку.

На вырванном из старого блокнота листке химическим карандашом был написан адрес «Бежецкий тракт, 22. 21.00».

— Это что?

— Гм... хрен его знает, — протянул я озадаченно.

— Что за адрес?

— База Прокопа, не понял, что ли?

— И что теперь?

— А поехали туда, — ответил я, подумав. — Поехали. Только не прямо туда, а чуть в сторонку. И поехали заранее.

Понятно, от кого записка. Почему-то большой беды я от них не жду. И рафик меня нагнал не случайно, конечно. То есть меня кто-то вычислил и следит. И точно не бандиты... если это, конечно, не слишком умная провокация. Ладно, посмотрим.

Через город ломиться не стали, проехали окраинами, пару раз проверялись, но хвоста за собой не заметили. Да и сложно тут хвостам, народу мало, машин еще меньше, незаметно не получится следом таскаться. Свернули к бывшему женскому монастырю, оттуда проехали к шоссе и сразу же соскочили на проселок, который повел нас вокруг прудов прямо к Пригородному. Правда, пришлось месить грязь местами, хоть дождик и закончился, а в одном месте уже подумал, что придется откапываться. Но прорвались, ладно. Затем в объезд добрались до того дома, из которого я тогда наблюдал за бандитской базой. Машину поставили сзади, с дороги ее видно быть не должно, да и смотреть станем в две стороны, не как тогда.

Расположился у окошка, на прежнем месте, достал из сумки термос с кофе. С ним веселей сидится.

Кем они могут быть? Вот ума не приложу. Кто-то из Торжка на нелегальном положении работает? Тогда бы мне сообщили, наверное. Не могут они из Торжка быть. Тогда кто? Герои-подпольщики? Или все же провокация? Может, и провокация. Единственный аргумент против — все прошлые два раза я Пашу сам находил, это никак постановкой быть не могло. Эту пару в городе видел каждый раз при таких обстоятельствах, что опять же они специально на глаза попасться не могли.

Ладно, подождем.

Появились они вовремя, минут за пять до оговоренного времени. Рафик подъехал со стороны города, встал у ворот базы, открылись двери. Водитель остался за рулем, а мужчина и женщина вышли. Вооружены оба. Зашли на территорию, огляделись, кажется, даже проверили здания, потом снова вышли на дорогу. Паша, опустив боковое стекло, закурил.

Я спустился с чердака, позвал Славяна, и через минуту мы подкатили к микроавтобусу. Никто из подъехавших никаких признаков агрессивности не проявлял, просто стояли и ждали. Мы остановились рядом, я вышел из

машины.

— Добрый вечер, — поздоровался мужчина. — Меня Игорем зовут. А вас Сергеем Павловичем, так? Просто прочитайте, чтобы тут непонимание не разводило, — он протянул мне сложенную бумагу. — Это радиограмма.

Я взял листок, развернул, прочитал. Ну да, лучше было с этого начинать. В радиограмме сказано, что Сеня в столовой проверял у меня наличие магазина в ТТ. Еще упоминался мой визит в райком. То, что во время совещания в штабе разрешили курить в классе. Ну и то, что мы затерли грязью изломы упавшей стены в Ржеве. Да, вполне себе опознались.

— Понятно, спасибо. — Я вернул бумагу, которую Игорь тут же поджег зажигалкой, держа за уголок. — Вы от кого тут работаете? И по каким задачам?

— Элина, — вдруг представилась женщина. — Пашу вы уже знаете.

— Знаю, да, катались. А вас еще на въезде в Торжок видел.

— Я вас тоже опознала. А вы Вячеслав, так? — спросила она у Славяна.

— Проще Серый и Славян, на всякий случай, — поправил я ее. — Так кто вы? Про нас вы уже все знаете, как я вижу.

— Можете считать нас резидентурой. — Игорь бросил остаток горящего листа на землю, убедился, что тот догорел, и затем растер место своим обрезанным сапогом. — Из центра.

— По какому ведомству?

— По вашему, какому же еще, других не осталось.

— И у вас связь есть, как я вижу.

— Да, есть.

Мы рацию для дальней связи везти не рискнули, «печенег» такими не пользуются, не нужна они им. Там максимум несколько километров нужно для координации действий. Если бы кто-то увидел дальнюю, могли бы подозрения возникнуть.

— Вы нам хотите помочь или сами помощи ищете?

— Скорее вам. Мы в курсе плана операции. Теперь в курсе, нас два дня назад в известность поставили.

Ага, вот оно что. То ли командование из Торжка вышло на центр, то ли те как-то выяснили, что мы тут затеваем. Как? Да по партийной линии могли, вплоть до того, что секретарь райкома наехал на свое руководство, давя на партийную совесть, а те пошли к кому следует.

— Это хорошо, что в курсе. А по-другому помочь не планируют? Силами и средствами, например?

— Что-то планируется, но до нас не доводят, сами понимаете. Мы здесь с целью разведки, наблюдения и сбора информации, не больше. Такие резидентуры почти во всех бандитских районах уже есть.

Я кивнул, полез за портсигаром. То есть власть все же решила попытаться навести порядок, иначе зачем им разведсеть налаживать? Давно пора, вообще-то.

— То есть вы для нас сейчас канал связи?

Я продул мундштук папиросы, смял его, прикурил.

— И канал связи, и послушать можем, о чем бандиты говорят, мы частоты слушаем.

— Вас-то еще не засекли?

— Нет, мы редко на частоте задерживаемся, — сказала Элина. — Аккуратно работаем.

— Что-нибудь для нас полезное слышали?

— Слышали болтовню между радистами. Один другому сказал, что послезавтра едет с какой-то колонной, куда — сам не знает. Скучно им так сидеть у себя, треплются часто. Радиста идентифицировали как некоего Васю, позывной «Мойка». Знаем, где живет, если что. На Осташковской улице, это почти сразу через мост от Цнинской, где все усадьбы старших. Немного за тридцать, невысокий, худой, светлые волосы, стрижется коротко, нос вздернутый, глаза близко к переносице, уши оттопыренные и красные.

— Что-то еще?

— Да. Он же проболтался некоему Жене, позывной «Хата», что должен будет выходить на связь каждые четыре часа. Сказал, чтобы тот был на связи постоянно.

Вот это уже ценно. График связи противника всегда знать полезно, а заодно знаешь, что разведку по пути валить нельзя, тогда весь план развалится к чертовой матери. Впрочем, я и не ожидал, что они в полном молчании поедут, это даже для бандитов было бы глупо.

— С Торжком связаться сможете?

— Конечно.

— Надо сообщить, что противник высылает на место разведку. Делегаты от всех трех боссов, предположительно до десяти человек, две машины. Будут искать возможную засаду, так что лучше пока все силы оттянуть. А мы будем думать, как это все разрулить.

— Это плохо, — сказал Игорь. — Руководство рассчитывает на то, что основные силы бандитов уйдут из города.

То есть центр решил помочь делом? Это обнадеживает. Если бандиты

всей толпой выберутся, неплохо бы вообще засаду на маршруте следования организовать, но черт знает, как они поедут, про Ржев они будут знать к тому времени.

— Мы попытаемся выманить. Но есть осложнения, вы уже слышали.

— Я понял. Вы обратно в город сейчас?

— Нет, мы сваливаем, наши люди в Борках. Могу дать частоту, но связь будет только до послезавтрашнего утра, дальше не знаю, как пойдет. По легенде нам связываться не с кем, могут засечь.

— Я понял, — повторил он. — Давайте частоту. Если за завтра будет что-то важное, дадим знать.

— Про радиста этого что еще знаете? Кто он вообще? Хотя бы по типу?

— Не бандит, местный, как я думаю. Просто работает.

— Хорошо. Это хорошо. Спасибо. Как вас искать, в случае чего?

— Мы на Чкасовой горе живем, пересечение с Желябова. Угловой дом, зеленый, не ошибешься. Но днем там лучше не мельтешить.

— Догадываюсь. Оpoznаться как?

— Никак, просто стучите, выглянем.

— Еще дайте знать: информатор, который сдает бандитам грузы лекарств, почти наверняка ходит с колоннами Центроснаба. И бывает в Торжке. Предположительно работает в мединспекции. Контактит с Монголом.

— С Семенычем, скорей всего. Тот у Монгола главный по всем... операциям.

На этом и разъехались. Они в город, а мы в сторону автохозяйства, где «козла» спрятали. Темнеть сейчас начнет, ехать уже не стоит по развезенным проселкам, так что в спальничках заночуем, найдем место под крышей.

С рассветом на обеих машинах выехали в Борки. Вокруг города против часовой стрелки, почти заросшими проселками, через Красномайский, где проскочили мост через Шлину, не встретив ни единой живой души. Люди еще и просыпаться не начали, даже те, кому на работу, вот и тишина мертвая. Дальше пошла старая дорога через густой лес, которой почти и не пользуется никто, судя по следам, потому что в этом направлении ездить теперь просто некуда. Старый мост через Цну сохранился, он у нас на картах был помечен как действующий, так что дальше мы оказались на нужном нам берегу.

Калининская область — место все же своеобразное: речки и речки сплошные, а где не речки, там болота. Вроде и много дорог, но все они рано или поздно ведут к немногочисленным мостам, а у мостов чего угодно можно ждать, но вот именно этот опасений не вызывал. Ну кому и какой смысл здесь засаду держать?

В лесу пахло зеленым, воздух пить можно вместо чистой воды. Всегда лес любил, и сейчас эта страсть не делась никуда. Именно в лесу ты как-то особенно остро ощущаешь близость природы, той самой, которая сейчас стирает и растворяет в себе шрамы случившейся войны. Тут, на узкой дороге, не видишь ни развалин, ни убожества нынешней жизни, здесь даже о плохом думать совсем не хочется. Гаснет в кустах фырчание двигателя, перебиваемое утренним пением птиц, солнце местами расписало светлыми пятнами падающие на дорогу тени.

Между тем «козлик», который я вел, вполне оправдывал свое название, то есть машина старательно скакала на всех кочках, но зато без всяких проблем пересекала любую грязь, которой после затяжного дождя здесь хватало. Впрочем, не такая уж и глубокая грязь, лесная почва все больше песчаная, это не чернозем, который в сушь как камень, а в дождь как свежий навоз.

После моста до деревни, раскинувшейся посреди заросших полей на вырубке, осталось всего ничего, и уже через считанные минуты мы разглядели серые дома за покосившимися заборами, просевшие грязные крыши, разросшиеся сады во дворах. Где устроились наши, разглядеть не получалось, но когда мы проехали через саму деревню, на дорогу неожиданно вышел Димыч, поднял руку, останавливая нас.

— Доброе утро, — высунулся я из окна. — Хорошо замаскировались.

— Стараемся. Ждали вас.

— Как узнали?

— Связь была вчера. Односторонняя, разумеется, — усмехнулся он, заметив мой вопросительный взгляд. — Торжок сказал, что вы сюда выдвигаетесь. Проблема?

— Да, сейчас обсудим.

— Заезжайте во двор, — он показал на распахнутые ворота, вросшие в землю и почти уже скрытые за кустами. — Тут дом более или менее, жить можно.

Оба грузовика стояли в саду, прикрытые маскировочной сетью, с десяти шагов не разглядишь. Во дворе из ведра умывался Николай, помахавший нам рукой.

— Завтрак есть? — без долгих вступлений осведомился я, выбравшись из машины.

— Шашлык холодный остался. Будете?

— Все будем, только давай.

Зашли в дом, в котором слегка пахло сыростью и трухлявым деревом, Димыч зашел следом.

— Мартын с Лехой спят еще, — пояснил он. — Будить?

— Можно позже, успеем поговорить.

Я так понимаю, что эти двое ночью дежурили, так что пусть выспятся.

Мы уселись за покосившийся шаткий стол, Димыч принес закрытый котелок с кусками шашлыка, перемешанного с холодным луком, выложил мешок черных сухарей, затем развернул сверток с вареными яйцами, пучок зеленого лука, присовокупил к нему баночку с крупной солью, выставил две алюминиевые миски, сказал:

— Чайку поставлю, как раз пора.

Шашлык даром что вчерашний, а пахнет замечательно, сразу аппетит бешеной собакой в кишки вгрызся. Вытащил из кармана нож, из рюкзака вилку, подцепил кусок мяса и раскромсал на три части. Замечательно. Тут же схватил яйцо, облупил по-быстрому, посыпал солью, откусил, макнул в соль пучок лука.

Николай вернулся в дом, растираясь полотенцем на ходу, пожелал приятного аппетита, на что мы ответили кивками и невнятным мычанием.

— У вас тут как было? — спросил я, прожевав.

— Тихо. — Николай накинул рубашку и подсел к столу. — Ни души, как на даче сидим.

— Завтра поедем уже, заканчивается ваша лафа.

— Рассказывай тогда, не тяни.

— Пожрать дай... дача тут у них, а я там как Штирлиц.
— По борделям ходил, небось.
— Был в борделе, — кивнул я. — В «Сказке». Братва авторитетная пригласила.

— И как?
— Каком кверху. Кормят там вкусно, к слову.
— А что тогда здесь жрешь?
— Так это когда было. Кстати, что с «газоном» делать будем? — я показал пальцем за окно. — Тут бросать жалко, возвращаться за ним сюда страшно, а перегнать в Торжок не получится.
— Продать хочешь, что ли?
— Не, я бы хорошему человеку подарил. Ему нужней. Как раз «газон» лучше всего подойдет.

«Газоны» эти, пятьдесят второй и пятьдесят третий, по нынешним временам чуть ли не самая востребованная машина у частных. Жрет немного, едет хорошо, по бездорожью нормально, две с лишним тонны везет. Я бы его Сане подогнал, соседу из Торжка. Вот исключительно в виде «спасибо» за то, что человек хороший. Понятно, что не до того нам сейчас, но это на первый взгляд. А на второй... а сделать хорошее дело в списке приоритетов на каком месте вообще должно быть?

— Спрячем давай. А потом сгоняем, если так уж нужно.
— И то.
Верно. К Есеновичам отгоним и там в лес. И сетку сверху. Все равно с утра ехать. А потом вернемся, там от «советского» Кувшиново, откуда Саня и родом, к слову, не так уж и далеко.

Когда проснулись все, разговор уже пошел по делу.
— Короче, они послали разведку. Надеялся, что авторитеты побоятся кого-то посылать. Но мы тут сами себе проблему устроили — завал слишком большой. Те просто сами раскопать не смогут, вот никто себе голову и не морочит теперь. Думают только о том, чтобы потом никто никого не кинул.

— Со связью, — даже не спросил, а сказал Николай.
— Со связью, — подтвердил я. — И с графиком связи.
— То есть положить их сразу не получится?
— Положить, может, и получится, просто смысла никакого. Основные силы тогда из города не выйдут.
— А кто конкретно на связи должен быть?
— Не знаю пока. Увидим. Но если ты думаешь насчет одного радиста оставить, то не уверен, что сработает. Наверняка старший должен на

частоте быть.

— Скорей всего, — согласился Николай. — И я бы еще следом группу послал.

— Зачем? — повернулся я к нему.

— А чтобы убедиться в том, что на дороге горелых машин и трупов не осталось.

— Вряд ли. Они же не знают, куда мы идем и какой дорогой, тем придется в прямой видимости быть. И они могут прикинуть, что мы заслоны выставлять будем. Нет, будет одна группа, в этом я уверен.

Николай отхлебнул чаю из эмалированной кружки, задумчиво посмотрел в потолок, затем сказал:

— Тогда все равно придется их складывать на месте. Дать доехать и валить. Оставлять радиста и трясти его на игру. А дальше как выйдет.

— Сколько их будет? — спросил Димыч.

— Человек десять, — ответил за меня Славян. — Больше, чем нас.

— Больше, — подтвердил я. — И будет две машины. Одна, я думаю, пойдет как машина связи. Во второй будут бойцы. Кататься с радистом им никто не даст.

Николай усмехнулся.

— В принципе, какие-то идеи возникают.

— Вот именно что «какие-то», — ответил я. — Если идея неправильная, у нас будут потери. Если там устроят засаду, то мы потеряем заодно и радиста. Их радиста. И все труды попусту.

— Не попусту, Прокопа мы израсходовали, — возразил Славян.

— Мало. Этого мало. Вместо него кто-то другой тем же займется. Ладно, давайте думать, как взять вторую машину сюрпризом, чтобы без большой стрельбы.

— Если там будет две машины.

— Если будет две, — согласился я. — И если их будет не больше десяти, как они сказали. Я бы слишком доверять им в этом не стал.

— Больше пошлют, — уверенно заключил Николай. — Точно больше. Именно для того, чтобы мы даже не дернулись.

— В любом случае придется везти их до Ржева. Только там у нас будет предсказуемый маршрут, заезжать придется по Осташковской улице, к месту других подъездов нет из-за разрушений. Можно дать знать своим, пусть устраивают засаду там, машину с антеннами не трогают. Они почти наверняка пойдут следом за нами, так безопасней.

— И что?

— Есть пара идей, я об этом со вчерашнего дня думаю. Есть. Уазик

тогда тоже прячем, на «шестьдесят девятом» поедem. Он лучше подходит. И да, ПКМ туда перекинуть надо, заранее, чтобы потом не мельтешить. Димыч, — окликнул я пулеметчика, — пока с РПК походишь, мы тебе привезли.

— Есть, товарищ командир.

Вот да, так бы всегда и отвечал.

— А РПГ в грузовик. В кабину. И пусть там живет.

— И что ты задумал? — спросил Леха.

— «Задумал» пока сильно сказано, но пара идей есть. По принципу «всегда делай то, что ожидают меньше всего».

Этот принцип я сам себе каждый день в течение десятка лет повторяю. Может быть, из-за него и стал начальником ОББ. Люди, какими бы они умными ни были, все же чаще всего мыслят штампами, так проще. И даже самые опытные, если не самые умные при этом, используют штампы чаще других. Слишком много вот этого самого опыта, на каждое действие есть как шаблон своей реакции, так и шаблон действий противника. Теория вероятности работает. Так вот каждый шаг твой должен быть спланирован таким образом, чтобы в списке допустимых вероятностей находился на самом последнем месте. И тогда система прогнозирования у противника может развалиться как карточный домик.

Вечером на связь вышли «подпольщики». Передал через них все, что узнал, и все, что придумали. Потом от них же пришло подтверждение, что в Торжке все получено, постараются организовать засаду на Осташковской и аккуратно выставить наблюдателей на других направлениях. Это обнадежило, но связь получается одноразовая, завтра уже ее не будет. До вечера готовились, разложили все, как планировали, легли пораньше, причем на этот раз все, рискнув, а с ранья выехали на всех четырех машинах в направлении на Есеновичи.

Дотуда было около тридцати километров, но дорога такая, что еле ползли, убили часа два. Там же нашли место в лесу с густым подлеском, загнали туда уазик и «газон», накрыли сетями, примаскировали ветками. Не думаю, что кто-то найдет, разве что медведь из любопытства укрытие разорит, их почему-то запах бензина приманивает, как народ заметил, но тут уже ничего не поделаешь. Скинули клеммы, скрыли следы, как могли, и поехали оттуда в сторону Кожино и карьера, где встреча назначена.

Место выбрали не случайно, там поля широкие, можно занять позицию на опушке леса и наблюдать, чем мы и занялись. Леха на рацию сел, а остальные в прикрытие и наблюдение. Ждем, теперь просто ждем.

Бандиты вышли на связь через два с лишним часа после нашего прибытия на место. Запросили «Серого», я откликнулся. Представились «Мойкой», то есть их радист свой позывной с собой потащил, из чего я заключил, что он точно не из военных.

— Выдвигайтесь за Кожино и ждите, — сказал я. — Мы подъедем.

— Через пятнадцать минут будем там.

Появились они не через пятнадцать, а почти через полчаса, но когда появились, мы выругались почти хором. Из деревни выползли три машины, «шишига» с тентом и два БТР-60, Не пожалели резервов, похоже.

— Твою мать, — сказал я от всей души. — Твою же мать!

Как минимум шестьдесят процентов моего плана сразу ухнуло в сортирную яму. Как мы это могли не предусмотреть? Ждали грузовиков, уазиков, не знаю чего, а они с броней приперлись. Не ездят сейчас просто так на броне, ломается она быстро, жрет много, берегут для крайних случаев... а ведь он для них крайний и есть, черт возьми, именно крайний. Вот и не пожалели, выделили.

Задача выбить остальных и захватить радиста усложнилась до невозможности. Машина со связистом не идентифицируется, а БТР или сгорит, или прорвется, если его не жечь, и просто уйдет. Пусть даже засада в Ржеве поддержит нас гранатометами и броней — все равно ни черта не получится. Только на поражение бить, всех подряд. Кругом облом.

— Поехали, что ли, — мрачно сказал я, поднимаясь на ноги. — Будем решать проблемы по мере их поступления.

— Первая уже поступила, — дополнил мою мысль Славян.

Мы с ним уселись в «козла», он за руль, а я за командира, остальные загрузились в зил . Сделали небольшой круг через язык леса и выкатились на едва заметные остатки бывшей дороги через поле. Через пару минут мы уже тормознули возле бандитской колонны, во главе которой стоял вооруженный бронетранспортер, направивший на нас стволы своей башни.

Я толкнул дверцу, вышел, и почти одновременно из люка показался Семеныч собственной персоной, еле протиснулся. Меня даже мысль посетила о том, что если этот БТР загорится, то он и выскочить быстро не сможет. Чуть странно было его видеть в «березке» и с автоматом, пока он у меня в голове только в уголовный антураж Вышнего Волочка вписывался.

— Доброе утро, — поприветствовал я его, подходя. — Не ожидал

видеть здесь.

— Кто-то же должен сделать все сам, чтобы было сделано нормально, — выдохнул он. — Все по плану?

Нет, не бандит, точно.

— Да, все штатно. У вас сейчас сеанс связи будет, как я понимаю?

— Все верно, сообщим, что встретились. Потом поедem. Куда путь держим?

— А деньги при вас? — я усмехнулся.

Семеныч постучал автоматом в броню, из люка сразу же высунулся парень в шлемофоне. Молодой, блондинистый, наверное, как раз и есть радист Вася.

— Сумку сюда кинь, — скомандовал главный. — Ту самую.

— Момент!

Он нырнул в люк, высунулся снова и спустил на ремне увесистую брезентовую сумку. Семеныч ее принял, расстегнул клапан и показал мне содержимое.

— Сто штук.

Купюры от червонца до четвертного сплошь, все больше потрепанные. Я наугад вытащил три пачки, пролистал, проверил несколько купюр на свет, обнаружив все подходящие водяные знаки.

— Пересчитай, если хочешь, не вопрос, время еще есть.

Я быстро пересчитал пару других пачек, там тоже все сошлось.

— Нормально.

— Пока у нас будет.

Между тем его «личный состав» чуть расслабился, полез и из брони, и из грузовика наружу. Там уже бандиты однозначно, даром что в военный камуфляж вырядились, морды не спутаешь.

Семеныч залез в БТР, прихватив сумку с деньгами с собой, минут через пять выбрался обратно, увесисто спрыгнув на землю.

— Ну что, куда едем все же?

— В Ржев.

— Ржев?

— Именно. И пойдем вот так. — Я открыл планшет, развернув карту.

— Отсюда на Щелье, оттуда на Жданово, Нижние Котицы. В Селижарово не пойдем, там опорник, свернем вот здесь на Большую Волгу, там мост цел. И оттуда проселками на Дмитрово, Краски, там тоже мост, и оттуда до шоссе. И дальше через Бахмутово на Ржев.

— У моста охрана может быть.

— Не было, мы ездили.

Вообще-то есть, но ее спрячут, туда из Торжка приедут.

— Ладно, посмотрим. Вообще маршрут — как пьяный еж гулял.

— Зато спокойно. Мы так поедem, а как остальные — пусть сами решают.

— Хорошо, тогда давайте вперед, мы за вами. Не гони, спокойно пойдem. Грузовик свой в колонну поставь, между бэтээрами, спокойней будет.

— Нет, мы в своем порядке всегда, так нам спокойней. Народ у меня сыгранный, знают, что при проблемах делать, с вами не ездили.

— Ну, смотри. — Семеныч спорить не стал, но посмотрел на меня с сомнением. — Уазик-то свой красивый куда дел?

— В городе оставил.

— А во дворе не видели.

— Не во дворе, просто спрятал.

— На ЖБИ, что ли? — спросил он с усмешкой.

— Нет, — вздохнул я, демонстрируя то, что вопросы мне надоели. — Я два раза в одном месте не ставлю. Давайте свою связь, ждем, и потом поехали.

И направился к нашим машинам. Оглянувшись, увидел, как из бронетранспортера выбирался радист с «имуществом». Бортовая «раз-два-три» отсюда уже не добывает.

Привычные и знакомые лесные дороги. Что в Грязовецком районе катался по ним постоянно туда и сюда, что теперь катаюсь. Мы впереди идem, чуть оторвавшись, ЗИЛ перед колонной едет. Даже связь держим, приспособили обе трофейные Р-148, к обычным аккумуляторам подсоединили, без запасных никто не выезжает.

«Козлик» едет бодро. Даже не прыгает особо, потому что на таких дорогах и кочек-то нет. Пару раз попадались упавшие деревья, их тросом сдергивали, ехали дальше. Путь у нас долгий, почти четыреста километров такими винтами, зато бандиты видят, что стараemся никому на глаза не попасться.

Ну и как нам с ними быть? Мысль о засаде прямо в Ржеве кажется теперь все менее и менее удачной. Как-то хитрей нужно действовать, а вот как? Понятное дело, что идентифицировать командирскую машину засада разве что по позиции в колонне сможет. У нас есть РПГ, так что спалить

один из бортов можем даже мы, но дальше-то что? В лоб переть нельзя, засада только спутает карты окончательно, надо хитрость какую-то удумать. Только хитрость не удумывается. В грузовике двое, оба в кабине, он, похоже, запас топлива везет. Во втором БТР человек восемь, в головном, командирском, шесть, наверное.

Ладно, будут привалы, на первом же посмотрим, как бандиты себя ведут.

Я достал из рюкзака «марголин», навинтил глушитель, сунул оружие в оперативку. Зачем? А увидим, мало ли. Все же он очень тихий, никакой ПБ или АПБ с ним не сравнится. Если, например, застрелить кого-то за броней, то уже рядом с машиной никто ничего не поймет, особенно при работающем двигателе. Посмотрим, короче. Но вообще надо быть как-то предусмотрительней, что ли.

Кувшиново, к которому мы подъехали, пришлось объезжать по большой дуге. По дороге наткнулись на два грузовика с людьми, и хоть я знал, что бандиты ничего не сделают, на кону куш большой, все равно сердце сжалось. Просто не должны такие вот здесь ездить. А подъехать можно, мы же подъехали. Впрочем, тут патрулируют, просто сегодня патрули дома сидят, все по той же причине. Нам дорогу освободили. А люди в грузовиках нас за своих приняли наверняка, просто военная колонна прошла.

Привал устроили в лесу, не доезжая давно опустевшего Жданово. Свернули с дороги, укрылись за подлеском, остановились. Семеныч, выпрыгнув из бронетранспортера, сразу же направился к нам.

— Как посты выставляем? — спросил он сходу.

— Берите то направление, — я показал назад по дороге, — а мы возьмем это.

— Хорошо. У меня связь сейчас, потом поговорить подойду.

И наши, и бандиты вылезли из машин, но друг с другом не смешивались, каждый своей кучи держался. Семеныч отобрал одного, показал направление, тот кивнул и пошел вразвалку. Так, они одного на фишку назначили. За пулеметами никого не осталось, кажется. Может, и неразумно, но в реальности приближающиеся машины в такой тишине слышно издалека, а экипаж совсем рядом, успеет замахнуть в машину. Так что да, наблюдения достаточно.

— Давай, изображаем расслабленность, — скомандовал я своим тихо. — Запоминаем все, что видим. Мартын, ты на фишку, вон в том направлении, но смотри больше сюда.

Бандиты, расстелив на траве брезент, устраивались на обед. Семеныч

забрался в БТР, радист пока внутри, а водила вылез. Заслонка над триплексом поднята, на командирском месте никого не вижу... или разглядеть не могу. Так, грузовик к броне подгоняют, дозаправить хотят, похоже. С грузовиком двое. На брезенте семеро.

Так, радист со старшим вылезли, сейчас Вася антенну растягивать будет... Семеныч рядом крутится.

В принципе... может, сейчас? Если начать решительно и резко, то вполне можно... сидящих пулеметом и гранатами, сразу, мне заскочить на броню БТР, попутно привалив заправщиков, а одиночка, ушедший на пост... справимся как-нибудь. Даже если в другом бронетранспортере кто-то на пулеметах сидит, то с такой дистанции ничего сделать не успеет. А верхние люки открыты, можно туда гранат опять же накидать. И ведь Семеныч сейчас от нас точно атаки не ждет, у него ума хватает понять, что если мы их за нос водим, то точно не для того, чтобы разведку выманить.

И что выиграем? Ничего, на этом все и закончится. Не тут их надо глушить, после, хотя бы после того, как доложат, что уже в Ржеве. Или на подступах. Про Ржев он в Вышний уже передал наверняка. Да и слишком велик риск того, что все пойдет не так, их слишком много, да и разбрелись малость, одной очередью не положишь и гранатами не закидаешь.

Не сейчас. К сожалению, не сейчас.

На этот раз связь у бандитского главного растянулась минут на десять. Когда он подошел, я к тому времени уже бутерброд с тушенкой жевал и на греющийся чайник смотрел.

— Пошли, прогуляемся, — сказал он. — Только тоже хавчик какой-нибудь у наших прихвачу.

— Тут на всех хватит, — показал я на наш стол, устроенный на откинутом заднем борту «козла». — Угощайся.

— Благодарю.

Он навалил себе такой же бутер, после чего направился в сторону, а я за ним следом.

— В Ржеве что за место? — спросил он. — Арсенал?

— Да, на территории, — не стал я играть в скрытность. — Там покажу.

— А с заразой там что?

— С другой стороны заедем. С востока нельзя соваться. Кстати, я все поинтересоваться хочу... тот дед в очках, это кто?

— Это Костя Вятский, старый вор, просто живет сам по себе, при наших старших вроде советника и наставника, — Семеныч откусил от бутерброда, страхуя ладонью горку тушняка. — Ему вроде как все трое старших отстегивают что-то на хорошую жизнь, а он понятия толкует.

Старик Бенамуки, короче, — он усмехнулся. — Все приходят к нему и говорят: «О-о-о!» — Семеныч, балансируя бутером, изобразил жест Пятницы из фильма про Робинзона, который с Куравлевым.

— Извини, а ты с кем?

— С Монголом я. Мы не блатные, разные люди.

— Просто я пока там гужевался, так до конца и не понял, кто такой Монгол. Зураб, Хан, Бачила — понятно, делят город, у каждого свое войско. А про Монгола несколько раз слышал, но так и не вкупился.

— Монгол коммерсант. Бизнесмен. Он бабки зарабатывать лучше всех их троих умеет. Раньше его под себя кто только не хотел взять, но ничего не вышло. Он такой вольной птицей нужней.

Ну, то, что он на Монгола работает, я и раньше понял, но спросить лишний раз не мешает.

— А в чем интерес? — спросил Семеныч.

— Да так, за будущее думаем. Идти под блатных неохота, не наши там понятия, самим по себе сложно будет, я думаю. Все поделено наверняка.

— Если вернемся и бабки получишь, я тебя с Монголом сведу, с ним перебазарь. И ему люди боевые нужны, и к делу можно прижаться, по уму на всех хватит. Ты же не с голой жопой, с положением человек, и с бабками будешь.

— Сам-то раньше чем занимался? Ну, до Этого Самого?

— Служил по одному ведомству, — не стал он пускаться в подробности. — Веришь, я до сих пор с блатными компанию водить не привык. А у нас их нет, тебе тоже проще будет.

Про уазик больше не вспоминает. А, нет, вспомнил...

— Кстати, а чего ты такой осторожный? — спросил он. — Даже тачку спрятал куда-то.

— Я живой потому, что осторожный. Сам знаешь, что «печенег» даже для босяков расходный материал. И кидануть не раз пытались, и даже грохнуть.

— Нет, у нас с этим не так, — сразу же сказал он. — Все трое слово держат, авторитеты все же. Рассчитаются с тобой, все чики будет. Потому и мир сейчас в городе, что договариваться умеют.

— Так это друг с другом.

— Ты уже тоже там помелькал, тебя порожняком прогнать — свои начнут коситься. Сегодня тебя, завтра его. — Он затолкал в рот остаток бутерброда, прожевал быстро. — До Бачилы был тут такой Торец, старший у них, поймал бога за бороду. Тут вместо того, чтобы заплатить, на базаре отъедет, там чота загрузит... короче, мочканули его вместе с торпедами.

Что там и как конкретно, никто не знает, но теперь все они под Бачилой. Ништяк все будет, я серьезно.

— Это радует. Можно планы строить.

— Чай там готов, что ли? — Семеныч посмотрел на место привала. — Пошли?

К вечеру добрались почти до Бахмутово, но дальше не поехали. Я изобразил озабоченность, сказал, что нужен привал, а выдвигаться следует с утра пораньше. Нет, развалины ночью демонстрировать лучше, но не уверен, что бандиты на это пойдут. Так что это был еще один спектакль, рассчитанный на рост доверия. На привале раньше мы уже с Семенычем как приятели беседовали, правда, я не мог отделаться от ощущения, что он сам подобную драму играет в моем направлении. Интересно даже, по какому ведомству он раньше служил?

Бандиты вели себя, как и раньше, то есть взять по-нахальному можно, только одна проблема — нет гарантий того, что радист уцелеет и Семеныч. Главного бы захватить хорошо, чтобы он мог сам на связь выйти. Если один этот Вася на частоте окажется, могут и не поверить. Семеныч, конечно, упереться может, фигурант он крепкий, похоже, но и не таких раскалывали. Если даже ему прогуляться предложить, то нет гарантии, что смогу его взять, не убивая. Больно уж здоровенный, бык настоящий. А пойти гулять вдвоем не получится, я думаю, заподозрит нехорошее. Даже пытаться уговорить не буду.

В противном случае даже начинать нет смысла. Ну, убьем полтора десятка бандитов, сожжем три единицы техники, а толку-то? Город под бандитами так и останется, штурмовать его в лоб ни у кого сил не хватит, потери будут огромными, уничтожить всю верхушку разом не получится.

Ладно, ночь впереди, посты усилятся, но остальные будут спать. Семеныч тоже, подозреваю. Дальше у них по плану связь с утра и затем уже с места. Взять с утра попытаться? Или под утро? И как они ночевать будут? Палаток не разбивают, как я вижу. Как и мы, в грузовик под тент полезут? Все? Ну а почему бы и нет... Главное — где будут спать командир и радист? И как у них посты сменяются ночью?

На отсутствие дисциплины у бандитов рассчитывать не следует, сюда самых толковых должны были взять, и к тому же старший их явно в кулаке держит, никто ничего поперек не говорит. Он слово скажет — и те

исполняют. Пусть с ленцой, пусть понтуются, но делают, что говорит. То есть служба нести будет. И держатся они в стороне от нас, соответственно любое движение с нашей стороны в их направлении вызовет подозрение.

Засада... засада их просто сожжет, если не прорвутся. Или же остановить колонну в зоне засады. Как-то спокойно остановить, так, чтобы не возникло паники, а наоборот... И для этого надо связываться с нашими в Ржеве. Наша Р-158 и на штыревую антенну отсюда дотянется, но только как это сделать незаметно? При смене поста, раз уж мы за это направление отвечаем? Семеныч на ночь наверняка захочет смешанных караулов, почти наверняка, на его месте я бы захотел. Но вот я их не хочу и Семенычу не подчиняюсь, вроде как не доверяю до конца. На это и буду давить. Потому что мне очень нужна связь с Ржевом, а нужна она потому, что есть некая идея. А для этого надо незаметно оттащить рацию куда-нибудь подальше от лагеря. А как? Вот черт его знает.

Лагерь между тем обретал черты ночной стоянки. У бандитов даже что-то горячее варилось, запахом тянуло во все стороны. От борта грузовика в сторону натягивался брезент, под него лапник набрасывали. Похоже, что часть бандитов под ним и будет спать.

Я нашел Семеныча, спросил у него:

— В броне ночники работают?

— Шутишь? — удивился он вопросу. — Накрылось все давно. А что?

— Я бы тогда выдвинул их к дороге, замаскировав. — Я показал рукой направление на предполагаемую позицию. — Но без ночников смысла нет, проще спрятать.

— Не работают. И кто тут ночью вообще поедет?

— Мало ли. А с утра тогда на «козле» уже вперед выдвинемся, дозором. Частоты только согласуем.

Логичное и понятное желание, если бы он даже и хотел возразить, то возражать нечего. Бронетранспортер в дозор гнать глупо, он сам по себе мишень, а такие «козлики» ездят, никто сразу стрелять не станет, сначала опознать захотят.

— А на месте что за обстановка?

— Есть где броню спрятать, прикрывать будет. Только я бы основные силы на месте не ждал, ну его, в лес предлагаю отойти.

— Там посмотрим, — уклончиво ответил Семеныч.

— Сам увидишь все.

Дело шло к темноте, то есть появилась возможность унести рацию незаметно, наконец. Что не так просто, потому что рюкзак весом в

четырнадцать килограмм маленьким сделать трудно. Тоже пришлось целый спектакль с перекладыванием имущества в грузовике устраивать, перебрасыванием всякого из «козла» в его кузов и обратно. Но рацию ушедший на пост Димыч все же унес. Здоровенный Димыч, потому что повесил на грудь и за его безразмерной фигурой она скрылась.

У Семеныча опять был сеанс связи, судя по недолгому времени, прошедший вполне штатно. Ну и хорошо, пусть и дальше на наш счет расслабляются, чтобы к завтрашнему дню мы доверия еще больше набрали, пусть даже чуть-чуть.

Выждал еще часа три, чтобы лагерь уснул окончательно. Затем встал, направился в кусты, выразительно оторвав бумагу, так, чтобы звук услышали, еще и мял ее на ходу. По кустам продвинулся дальше, ориентируясь по звездам, видимым в просвете в деревьях у дороги, нашел Леху, который уже сменил Димыча, забрал у него рацию и направился дальше от лагеря, специально оставив нашего радиста на посту. С железом и сам справлюсь, а вот если его там кто-то случайно обнаружит, то это станет еще одним маленьким плюсиком в нашу пользу.

Ты должен создавать вокруг противника свою собственную вселенную, информационное пространство, собранное не в лоб, а вот из многих маленьких деталей, невинных и малозаметных самих по себе, помогая ему делать выводы самостоятельно. Отвлекать и размывать его внимание, показывать ложные угрозы и прятать настоящие, и именно для этого мне нужен сеанс связи. Мне нужно сделать так, чтобы бандиты повели себя определенным образом, встали в зоне поражения засады, встали сами и чтобы решили, что это и есть самая умная мысль — остановиться. Именно тогда у нас появится шанс выполнить нашу работу, а не безнадежно загубить все дело.

От Бахмутово до Ржева было рукой подать, так что лагерь встал не слишком рано. Я вроде бы как обсудил это с Семенычем вечером, и мы оба пришли к выводу, что ломиться с рассветом не следует, нужна максимальная видимость. Мой же сеанс связи прошел незамеченным, притащить рацию обратно в полной, хоть глаз коли, лесной темноте было уже совсем несложно, так что подозрений ни у кого никаких не возникло.

— Я тут подумал, — подошел я к Семенычу, когда лагерь уже собирался, — ты прав, пожалуй. Загоню свой зилот в колонну за броню. Куда его, за «шишигой» или перед?

— Ставь перед, нормально будет.

— Колун, загоняй в колонну после второй брони! — крикнул я, затем повернулся к Семенычу: — Тут километров десять осталось, не больше. Пока пойду дозором, но у города прижмусь к колонне, там уже не отставайте. Связь установить надо, нацель радиста своего.

— Пошли. — Семеныч направился к командирскому БТР. — Василий, выглянь! — он постучал прикладом автомата в броню.

Из люка китайским болванчиком возник радист.

— Связь прими от дозора, — получил он немедленно команду.

Наши радиостанции с бортовой «раз-два-три» работают, так что связь установили быстро, без проблем. Пока все по плану идет, а вот как дальше... ладно, посмотрим.

— Держусь в километре примерно, — еще раз объявил я. — Перед поворотом на Ковынево встану, дождусь вас. И там уже доплунуть можно.

— Это в городе или территория арсенала в Мончалово?

Поизучал Семеныч карты, не без того.

— В городе, у станции практически. Вагонами ведь шло, — дал я еще кусочек информации. — Там почти сразу увидишь, не ошибешься. В Мончалово грузовиками с городской территории возили, если надо было.

— Ладно, понял. Двинули уже, что ли.

Я побежал к «козлу», который уже тарахтел прогретым двигателем. Прыгнул на командирское место, сказал Славяну:

— Все, едем.

Машина поехала вперед, колонна стояла на месте, дожидаясь команды к началу движения. Разведывать на самом деле было нечего, тут обо всем позаботились и без нас, так что больше выглядывали признаки наличия

засады, но ничего не обнаруживалось. С этой стороны к городу специально никто не подъезжал, так что и грязь на дороге неезженная, и все такое прочее. Вообще здесь люди редко бывают, как мне сказали, и радиации боятся, и взято в Ржеве все ценное давным-давно, ничего не осталось.

— «Серый» «Мойке», пока все чисто, начинайте движение, — передал я, проехав как раз километр примерно.

Дальше скорость тридцать километров в час, как согласовали, так и едем впереди. Посадки вдоль дороги разрослись, в них любую засаду можно устроить, но как раз этого никто делать не стал, самый опасный район без проблем проедем. На связи со стороны колонны сидел сам Семеныч, наш грузовик тоже слушал, а вот засада частот не знала. Я аккуратно пытался подсунуть нашу рабочую частоту, но радист Вася дал свою, а настаивать было бы глупым. Ну да ладно, остальное согласовано.

Колун выделил мне свой ПБ, который я сейчас сунул под «лифчик», закрепив там, для нашего плана он лучше слабосильного «марголина». Все проговорили за ночь, шепотом и оглядываясь, но план вроде бы толковый, может сработать, и даже, как мне кажется, не так много риска в нем.

— Стой, ждем их, — скомандовал я.

Да, как раз нужный поворот, пусть колонна догоняет.

Утро сегодня сухое, на небе ни единой тучки. Закончились дожди, похоже. Птицы поют, природа совсем уже человека забыла во многих местах. Даже сам разрушенный город зарастать начал понемногу, отсюда видно.

— Едут, — сказал глядевший в зеркало Славян.

— Давай вперед помаленьку, пусть догоняют.

Машина снова тронулась, я вызвал «Мойку», сообщил, что все по плану и штатно. Головной БТР прижался к нам, следующий шел за ним как привязанный. Если засада, то оба рванут вперед что есть дури, попытаются уйти, отстреливаясь из башенных пулеметов. Именно так на засады и нужно реагировать, что нам никак не подходит, так что сделаем все... всегда и везде вводи противника в заблуждение, этот как бы истина номер один.

Кусты сирени по кюветам, красные цеха огромного Ржевского кирпичного завода, бетонная ограда автохозяйства справа. Разрушений в этом месте мало, сюда волна почти не докатилась, все стоит на своих местах, я почти физически ощущаю напряжение наблюдателей и стрелков в колонне. Место выглядит пугающим, видимость ограничена, хотя, если присмотреться, то поймешь, что противнику тоже особо негде засады устраивать, нет нормальных позиций и сектора никакие.

Нас уже должны были заметить и сообщить о движении дальше. Ждать должны. Сейчас слева будет забор с высоким цоколем и решетками на нем, вот он и нужен. Правильное место, просматривается вроде бы во все стороны, выглядит безопасно. Справа, чуть в стороне от дороги, три пятиэтажные хрущевки торцом в эту сторону. Вот там и должно все начаться.

Сердце заколотилось, чуть руки не затряслись. Все, вон нужное место, сейчас... Славян тоже на нервах, лицо бледное. Ну да, нам по факту по канату пройти нужно и не свалиться. Сейчас, вот-вот...

— Скорость не снижай, не снижай... Не приведи бог бандиты что-то заподозрят.

Где-то вдалеке, может быть даже на другой стороне города, загрохотал крупнокалиберный пулемет. К нему тут же присоединился второй, третий, грохнули гранатные разрывы, пересыпало все автоматной стрельбой — где-то вспыхнул и резко вышел в точку кипения бой, причем серьезный, к нему и характерные басовые нотки КПВТ присоединились, и РПГ отметились, и взрыв тяжелый ахнул, вроде как технику спалили с боекомплектom. Но не здесь, далеко...

— Стой! — скомандовал я и выскочил из машины.

Правильно встали, похоже, как надо, как раз напротив средней хрущевки. Теперь недоумения на лицо, развести руками, вон Семеныч из командирского люка рожу высунул, вид у самого удивленный.

— Что за хрень? — крикнул он.

— Без понятия! Но это не к нам, далеко долбят! — крикнул я, подбегая к бэтээру.

— Да слышу, что не по нас, — он сморщился. — Кто тут быть может?

— Никогда никого не встречал. В любом случае это не там, куда нам надо. Смотри, — я раскрыл планшет и полез на броню, словно желая показать Семенычу карту.

Славян вылез из-за руля и стоял рядом с дорогой, с несколько преувеличенным недоумением крутя головой. Пока все как надо, как планировали...

— Это там где-то, по звуку судя, — я показал в сторону юго-восточной окраины города. — А нам вот сюда, — я толчком откинул целлулоидную крышку командирской сумки, демонстрируя вложенную карту города. — Нам вот тут до конца...

Семеныч внимательно уставился в карту, и то, что я выдернул из-под «лифчика» ПБ, стало для него сюрпризом. Еще большим сюрпризом стало то, что я приставил срез глушителя к его локтю и выстрелил. Раздался

задавленный хлопок, лязг отскочившего затвора, по броне покатила выброшенная гильза. Семеныч охнул от боли, получил вторую пулю, уже в плечо, а третью я выпустил в обалдевшее лицо водителя, торчавшего из люка, после чего обхватил шею Семеныча рукой и, навалившись всем весом, потянул его вниз, в сторону переднего триплекса, из люка.

Мне не справиться с ним так, в рукопашке, это я трезво понимал. Но с простреленными суставами Семеныч не был противником, он как-то обмяк и почти вывалился наружу, застряв в люке ногами, а я тянул и тянул его дальше, не давая ни малейшей возможности ни автомат схватить, ни до АПС дотянуться. Увидел, как подбегает к бронетранспортеру Славян, уже приготовив две гранаты.

Сразу четыре гранатных шлейфа сошлись на второй машине. Два протянулись с крыши хрущевки, еще два прямо из-за цоколя забора, где показались подскочившие люди в камуфляже. Рвануло разом, сильно, пахнуло в нашу сторону жаром, ударило по ушам гигантской кувалдой, машина тут же вспыхнула. Сзади, от нашего грузовика, слышалась стрельба, Леха и Мартын валили двух бандитов в кабине «шишиги», шедшей следом за ними.

Славян одним рывком заскочил на броню, рванул чеки из обеих гранат, кинул их обе в водительский люк, слышно было, как хлопнули сработавшие запалы. И тут же еще две гранаты полетели в люк боковой, открытый в честь хорошей погоды. В стальной утробе бронетранспортера разом заорали, из люков полезли его обитатели. Двоих из них Славян срезал из автомата, частыми короткими очередями, еще двоих, выскочивших через верхний люк, свалил снайпер, работавший с крыши хрущевки, кажется. Одного убил я из ПБ, он вылез через правый боковой, совсем рядом, и так и остался свисать из люка. Не стреляли лишь в радиста Васю, идентифицируя его по танковому шлемофону. Такие были на убитом водителе, еще на Семеныче и больше ни на ком. Вася выскочил через верхний люк и почти сразу свалился лицом на дорогу, прикрывая голову руками. Гранаты взорвались одна за другой, негромкими хлопками, я услышал, как выбитые запалы отрикошетили от брони. Взрывчатки в них не было, мы подобные использовали как раз для того, чтобы кого-то спугнуть с позиции, если надо было взять живым.

Из второго БТР, уже пылавшего костром, не вылез никто. Из последней машины тоже никто не выскакивал. Семеныч, которого я продолжал изо всех сил удерживать за шею, точнее, просто висел на нем, только хрипел. Подбежавший Славян вцепился в его здоровую руку, кто-то еще бросился помогать, выбежав из-за забора, здорового бандита

перевернули, а затем как застрявшую пробку выдернули из бутылочного горлышка люка. Кто-то успел выдернуть из кресла убитого водителя и теперь отгонял уцелевший БТР в сторону, подальше от горящего.

— Ну, что? — спросил неожиданно возникший в суете Вася Котов. — Все?

— Только начали, — прервал я его радость. — Начать и кончить. Но тут справились, да. Раненого перевяжите, он тяжелым должен быть.

Лучше бы целым брать, но... не ровня я Семенычу в драке, он бы меня просто сломал, если бы я вручную брать его кинулся.

Из-за построек выкатились «броня» и машины, выстраиваясь вдоль дороги. Семеныч, связанный по ногам, лежал на носилках у санитарной «таблетки», ему оказывали помощь двое, а еще один охранял, наставив автомат. Радиста Васю перетащили в кунг подъехавшей штабной «шишиги», следом за ним кинулся я, обнаружив внутри обоих моих приятелей-оперов из Торжка и какого-то незнакомого человека в полевой офицерской форме и с эмблемами войск связи.

— Всем привет! — сказал я сразу всем, втолкнувшись внутрь. — Вася, когда следующий сеанс связи, а? Давай, не тяни!

Вася, молодой блондинистый хлопец, был заметно испуган, ломать его сейчас самое время. К тому же он технарь из города, это его первый выход в поле, похоже, и он вот так сразу закончился. Трясти, пока теплый.

— Как до места доедем и осмотримся.

— А резервный?

— В пятнадцать ноль-ноль.

Значит, до трех часов нужно добиться сотрудничества от Семеныча. Без него у нас точно ничего не выйдет, все насмарку. Того хоть перевязали? Сдав Васю под охрану, все пошли к «таблетке». Давить так давить, хором, может, что и получится.

— Вы из центра будете? — спросил я незнакомого капитана-связиста.

— Так точно, Константинов, — он протянул мне руку. — Центральный аппарат МВД, Тольятти.

— Тут только вы делегатом или реальная помощь имеется? — не удержавшись, спросил я.

— Имеется.

— Две роты полного состава центр прислал и несколько эмвэдэшных спецгрупп, специалистов, — пояснил Михаил.

Семеныча с носилками уже уложили в «таблетку», но мы, подойдя, просто оттерли врача в сторону, невзирая на протесты. В разговоре же я решил издалека не заходить, вываливать все как есть, думаю, что так будет

проще. Нет за Семенычем романтики воровской, так что и их законы его не очень колышут, я думаю. А вот собственное благополучие должно волновать.

— Семеныч, — сказал я, открыв боковую дверь уазика и оказавшись рядом с его головой. — Ты все понял, так? Теперь у тебя есть выбор: или сотрудничать, или в молотилку. По всей вашей братии бандитской уже принято решение, то есть они даже в городе не отсилятся. Все, кранты им. Но если они выйдут сюда, то потеря будет меньше. И это тебе зачтется. Если справимся без твоей помощи, то все, сам понимаешь.

Он как-то очень спокойно посмотрел на меня, потом в потолок машины, вздохнул тяжело. Похоже, что он под обезболивающими, только ждать, пока у него в голове туман развеется, мы не можем. Но если бы врач его не уколол, то его бы болью скрутило при двух разрушенных суставах так, что толку еще меньше было бы.

— И взамен что?

Неожиданно вместо меня ответил Константинов:

— Жизнь, свобода. Подлечим. Будешь жить под надзором в Муроме. Даже работу получишь. Но только если работаешь с нами от всей души, так сказать. Банды приходят сюда, мы их тут накрываем — ты с нами в расчете.

— Щедро, — Семеныч попытался усмехнуться.

— Это много. Жизнь и свобода. Что еще?

— Надзор?

— Надзор — это не шахта и не шпаловый завод на лесоповале, где бы ты креозотом дышал и креозот жрал бы. В конторе будешь сидеть. Только при этом еще сдаешь своего информатора, который Монголу давал сведения по отправке лекарств. Вот тогда да, тогда мы в расчете.

Ага, вот оно что... Дошла все же информация по адресу. И что же это получается? Если информатор работает с Семенычем, то на самом деле вот этот самый Семеныч мою семью заказал? А мы тут сотрудничество и чуть ли не помилование обсуждаем? Не многовато ли ему?

Я задавил в себе желание вытащить из кобуры ТТ и пристрелить бандита на месте, прямо на носилках. Все же задавил, удержался, хоть и почувствовал, как в голове зазвенело от сдерживаемой ярости.

— Ну? — спросил Константинов.

— А гарантии какие? — прохрипел Семеныч.

— Мое слово. Какие еще могут гарантии быть? — жестко ответил капитан. — Мы все можем в любой момент изменить, так что гарантий нет. Но обещать — обещаю. Сам решай. Или все, или ничего. Или сдаешь всех и выманиваешь банды сюда, плюс информатора и тех, через кого он в

Торжке работает, или вышка. Сейчас решай, никакого времени на размышление не даю. Хорошо, минута у тебя, — Константинов демонстративно подтянул рукав и посмотрел на часы. — Время пошло.

Семеныч уставился в потолок. Я даже забеспокоился, что он просто отключился от реальности, но ровно через минуту, когда капитан произнес: «Время вышло!» и потянулся к кобуре, тот вдруг сказал:

— Согласен. Только еще и документы мне меняете.

— Не проблема. Кто информатор?

— Баба одна, Малахова фамилия, в Центроснабе работает, — тихо сказал он. — Выходит на связь, когда в Торжке. Связь через купца Белова, он с нашей лесопилкой в контакте. Просто отправляет телеграмму про то, что заказывает конкретное количество товара, вот и все. Потом кто-то от нас едет мотовозом в Торжок.

— Доктор, — капитан повернулся к врачу, стоявшему неподалеку, — нам нужно к пятнадцати ноль-ноль иметь его более или менее в товарном виде, чтобы говорить мог хотя бы.

Семеныч справился с сеансом связи, может, даже и не дав никакого тайного сигнала о том, что захвачен. Хотя и не получил при этом никакого конкретного ответа. Сообщил, что есть разрушенное здание, завалено оно давно и явно специально, так просто не откапашь. В общем, подтвердил то, что мы и придумали. Дальше сообщил, что начинает разведку местности, но пока ничего подозрительного не заметил. Говорил он не с главными, а просто диктовал, так что ответ мог прийти в следующий сеанс связи, а может, и еще позже.

Радист же Вася оказался в «расколке» простым, на бандитов он именно работал, за зарплату, и идее о том, что город изменится, вроде даже как обрадовался. Ну, или сделал вид, что обрадовался. Правда, держали его все равно под стражей, и рядом с ним сидел еще один дежурный по связи, чтобы Васю контролировать.

После трехчасового сеанса обоих пленных спешно перевезли в Старицу, где Семеныча заперли в отдельной палате Центральной Районной больницы, а Васю рядом, найдя комнату с решетками на окнах. И там же установили рацию, растянув антенну на крыше, сломив сопротивление медиков, запротестовавших было.

У нас же как-то сразу не оказалось работы. Засада организовывалась без нас, наступление на Вышний Волочек тоже, и даже арестовывать купца Белова никто не собирался, за ним просто установили аккуратное наблюдение. Попутно Семеныч сдал еще двух бандитских агентов в Торжке, так что за ними теперь тоже приглядывали. То есть нигде мы были не нужны, сделали свое дело — и все. А убить Семеныча было и невозможно, и просто слишком глупо сейчас, так что эмоции пришлось сдержать.

Мне приходилось присутствовать при всех сеансах связи, на всякий случай, и не зря, как оказалось, потому что во время разговора решающего Хан затребовал меня на частоту и только потом снова вернулся к разговору с Семенычем. И затем как бальзам на душу, сообщение о том, что они будут на месте в течение двух суток.

То есть все же клюнули. По-настоящему клюнули. Хуже то, что потребовали их встретить на подступах к Ржеву, а встречать-то и некому уже. Еще хуже то, что надо будет сперва выйти на связь на УКВ и опознаться. Зато обозначили направление подхода, с той стороны, с которой

мы шли. Но вообще выбор не слишком велик, потому что река Волга, текущая от Селигера, с ее разрушенными мостами сильно снижает свободу маневра. Отчасти поэтому мы Ржев в качестве приманки и выбирали. А им нужно пройти колонной, причем местами пусть пока еще и не враждебной территорией, но все же такой, по которой большую банду пропускать не захотят.

И все же альтернативные пути есть, к сожалению. И гарантии того, что они поедут именно так, получается и нет. То же Селижарово можно объехать и с другой стороны, старыми лесными дорогами, в каком бы состоянии они ни были. Если у банды тяжелая техника, то прорвутся однозначно.

— Он могут и через мост у Колокольцево пойти, и выйти туда с востока, — разглядывал карту Кононенко. — Тут не угадать. А встретить их нужно у Климово, как раз перекресток. От Климово можно по двум параллельным сперва ехать, как раз лес минуешь, а когда дорога в одну пойдет, то дальше поля, с засадой будут проблемы.

— Они нас вскроют раньше, — сказал опер Михаил. — Как только увидят, что встречаются не те. То есть дальше Климово никто не пойдет, там все и начнется.

— Согласен, — сказал Константинов. — Только где-то там их и встречать.

— А мы так место заминировали хорошо в Ржеве, — вздохнул НШ части. — И все впустую.

Место для засады там и вправду не очень. Противник может подойти с двух направлений, сходящихся под прямым углом, и по двум же отойти. Ровно в этом месте местность открытая, укрыть свои силы сложно. Если подойдут из-за моста, то тогда вообще все сложно, они еще и заслон смогут выставить на отходе. С умом придумали, на самом деле, теперь приходится скрипеть извилинами и без особого результата. И времени на организацию не так много. То есть его просто мало, потому что выдвигаться нужно прямо сейчас, еще и местность доразведать полагается вообще-то.

— Тут еще проблема, — сказал я. — Если большими силами туда подтянемся — точно оставим следы. Много следов. А они наверняка с головным дозором пойдут, на уставном удалении от основных сил.

Вот так какой-нибудь уазик наедет на следы большой колонны нашей брони и сразу тревогу поднимет. И все, те развернутся и дернут обратно в город.

— Наши силы должны выдвинуться к Вышнему Волочку сразу, как сообщат, что бандиты вышли из города, — сказал Константинов. — Но у

них другие задачи, выставлять заслон большими силами... очень некстати получится.

— И у нас здесь сил недостаточно для того, чтобы делить на два направления, — сказал Кононенко. — Учитывая, что часть тоже уходит на Вышний.

— Выдвигаться дальше, прямо сейчас, — предложил Вася Котов. — Первая часть маршрута у них все равно... нет, они и там могут пойти через Фирово и Великооктябрьский, — он сморщился, как от лимона.

— Они могут вообще через Новгородскую область погнать, — сказал Николай Матвеев. — Но дальше все равно упрутся в Волгу. Моста у Колокольцево им не миновать, это единственный район, куда они выйдут с гарантией.

— И где проблема устроить засаду, — добавил Кононенко.

— Именно так.

— В лоб идти воевать... лучше их было бы в городе брать, наверняка ведь с броней придут и прочим. И сил, сил мало. Ударим слабо — просто разбегутся, гоняйся потом за ними по всему району, таких дел натворят...

— Бить надо сразу, тут сомнений нет, — согласился Константинов. — Сразу всех выбивать.

Авиацией на марше... как много все же времени прошло с тех пор, как это было возможно. То, что осталось от авиации, даже таким словом называть неприлично. Ничего уже давно не летает, кроме самых простых «Аннушек», да и тех мало.

— У нас тут два танка, «шестьдесят вторые», — сказал начальник штаба. — Мы их планировали на перекрытие путей отхода, если банда из города попытается прорваться на восток — северо-восток, там поле, дистанции большие, плюс зона заражения. Только танком и брать. Один пока сюда ехал, дважды ломался, но сейчас починили вроде бы. Есть минометная батарея неполного состава, трое «саней». Четыре СПГ-9, должны были установить на крышах. Две «зушки», на грузовике и сто пятьдесят втором, бэтээры.

Вроде бы много, да. Но только у бандитов может быть не меньше. Ну, танка у них не может быть, никто на танке в такую даль не попрется, но в остальном... Мы их ждали здесь, на территории арсенала, хорошо все спланировав, так что отсюда они бы не выбрались. Но тут их можно не ждать, так получается, поэтому все планы псу под хвост.

— Я бы на их месте все же со стороны Колокольцево подошел, — сказал я. — А Волгу не пересекал. Доразведал окрестности, опознал бы с западного берега, если что не так — выставил бы заслон и уходил. Там

даже заминировать подступы можно, время будет. Не погонишься серьезными силами.

— Да, там позиция выгодней, но если что не так, то их и ждать будут с большей вероятностью оттуда, — сказал Константинов.

— Можно даже двумя группами подойти, — добавил Николай. — И ждать связи на подступах. «Угадайка» получается. Можно Семеныча, в принципе, подвезти поближе и заставить на связь выйти, но дальше они максимум встречающую машину ближе подпустят, вот и все. Ничего не выигрываем.

— Ничего, — подтвердил я.

— А вот если вообще не встречать и на связь не выходить, что будет? — спросил Котов.

— Разведку вышлют, вот и все. Никого в городе не найдут, дальше вернутся, — ответил я.

— Все верно. А если вернутся, то по какому маршруту пойдут?

— Ну... — я задумался, — по тому, которому и шли. Раз сюда дошли, то и обратно так же двинут.

Мы переглянулись. Первая здравая идея за все совещание.

— То есть, — Кононенко ткнул указкой в карту, — если сосредоточить наши силы просто в Селижарово, мы их тогда успеваем перехватить на обоих маршрутах, так? Маршрут у нас куда короче будет.

— Верно. — Константинов тоже подошел к висящей на стене карте. — А в Селижарово у них агентуры со средствами связи быть не может?

— Если кто-то туда недавно приехал, — сказал опер Сеня. — Там и место не слишком стратегическое, и взяли там месяца три назад мутного персонажа с рацией. Неизвестно, на кого он вообще работал, утверждал, что рацию нашел и продать хотел, поэтому и не регистрировал, но сейчас его там нет. Могу запросить тамошний отдел, пусть посмотрят, кто в последние дня три появиться мог.

— Вот будь добр, запроси как можно быстрее, — сказал Кононенко. — Так, дальше... Где нам всю свою колонну прятать? Товарищи милиционеры, жду идей.

— На стекольном заводе, там забор высоченный, — сразу ответил Михаил. — И между трех корпусов так можно загнать, что ниоткуда просматриваться не будет. Следы только на дороге оставим.

— А они этой дорогой на том участке не пойдут, — прокомментировал Вася Котов. — А так следы и следы, по району кто угодно ехать мог.

— Тогда задачи ставлю, — взял быка за рога Кононенко. — Вы, шерифы, — он показал пальцем на Михаила с Сеней, — срочно связь с

Селижарово, пусть изолируют любую возможную агентуру. Если неправы — извинимся, проставимся потом и все такое. Но выход информации о нашей дислокации нужно исключить. Теперь к вам, — он посмотрел на меня. — Лишних людей у меня нет. Нужна группа, которая с радистом банды выдвинется примерно в район встречи. Причем по-умному выдвинется, так, чтобы еще и наблюдать можно было. Необходимо засечь появление их колонны, дождаться, когда они пойдут обратно, и сообщить. Все. Должны справиться, я думаю.

— Справимся, — кивнул я.

— Позицию ищите сами, по месту, подсказать ничего не могу, на разведку и рекогносцировку времени нет.

— Что с их разведкой делать, которая в Ржев пойдет? — спросил Котов.

— Складывать всех. Это твоя забота. Чтобы никто не ушел. Вернутся они или нет, бандиты все равно повернут, но сил у них останется меньше. Сергей, — снова окликнул меня Кононенко, — если сможете провести минирование дороги, то проводите. Угадали мы с маршрутом или нет, но если они на отходе понесут еще потери, будет только хорошо. Запаникуют, рванут обратно не так осторожно. И опять же основной засаде работы меньше. Как понял?

— Все понял, сделаем, — бодро ответил я, чувствуя прилив возбуждения. Кажется, все же что-то придумали, это может сработать. Должно сработать.

«Козла» своего оставили в Старице, его потом перегонят, а вместо него взяли трофейный БТР-60. Не то чтобы воевать собираемся, но кто знает, КПВТ в башне точно лишним не будет, тем более что взяли для него еще один боекомплект. Набросали в десант и в грузовик противотанковых мин и тротила со средствами взрывания, бочки с бензином, затолкали за броню Васю с рацией и бойцом-радистом, который за Васей приглядывал, и рванули из Старицы как можно быстрее, потому что время поджимало.

Путь в нужном направлении оказался чертовски неудобным, то есть обратно до Ржева, а оттуда прежним маршрутом. И далеко, и есть риск напороться на бандитов, если они раньше выдвинулись или разведку заранее выслали. Я бы на их месте выслал, причем сразу после того, как наша группа вышла из Вышнего Волочка.

Шли ходко, не очень-то сберегая технику, лишь бы время отыграть. Опять заморосил дождик, как нельзя кстати... или наоборот, скорее. Следы не смоешь, слишком мелкий, а вот лежать в засаде под ним как-то уже совсем не очень. И опять плечо разболелось. Оно у меня к дождю схватывается, похоже.

Почти сто километров прошли меньше чем за три часа. До Этого Самого вроде расстояние — тьфу и растереть, я на своем стареньком «москвиче», удачно купленном примерно за год до того, как все случилось, за час с чем-то проскочил бы, но те времена в прошлом. Кстати, тот «москвич» нас и спас, пожалуй, тогда. Успели проскочить участок дороги за Москвой, по которому ударили чуть позже. Лет через шесть я в том месте был, уже по новой своей службе, и своими глазами видел ржавые остовы машин на дороге, а в них останки людей. Ко всему привык уже вроде бы, но мороз по коже продрал. Спас тогда семью, а потом не уберег.

БТР расплескивал лужи, плавно покачиваясь на неровностях, гудели сзади двигатели. Ехали молча, в напряжении. Ситуация как начала развиваться непредсказуемо, так и дальше все шло. И время поджигает, нам еще нужно позицию найти, а мне то место достаточно хорошо запомнилось, раз мы там по мосту шли. Сложно там с позициями: или все просматривается хорошо слишком, или не просматривается вообще ни черта. Придется технику где-то в лесу маскировать и на НП выдвигаться пешком, а это означает, что если что-то в очередной раз пойдет вкривь и вкось, мы даже броню быстро не подтянем. Ладно, у нас с собой еще и два РПГ-7 есть на этот раз, не один, и восемь выстрелов к ним. Хотя до РПГ доводить не хочется.

— Близо уже, — сказал сидевший за баранкой Славян.

— Вижу. Сейчас прикидывать будем, как с дороги уходить.

— Вон место нормальное, сразу в лес, — показал он рукой через триплекс.

— Давай.

Бронетранспортер легко перевалился через мелкий кювет, втиснулся между кустов и медленно попер дальше. Зилон последовал за ним.

— Стой, я выйду, пешком поведу, — сказал я.

Черт, плечо... В люк еле выбрался. Соскользнул с мокрой брони на мягкую лесную подстилку, пошел вперед, прикинув направление по компасу, потому что ориентироваться тут никакой возможности. БТР, урча двигателями, неторопливо тянулся следом. Когда на просвет впереди стало можно разглядеть противоположную опушку, я махнул рукой:

— Все, стой!

Грузовик объехал броню, встал рядом. Народ полез из машин, ежась под дождем и накидывая капюшоны штормовок. Я еще и панаму пониже натянул, чтобы в очки не брызгало. Кто-то закурил, прикрывая папиросы ладонью.

— Тент натяните, — скомандовал я.

Пусть какое-то укрытие будет. С костром пока непонятно, получится разжечь или нет, от него и запах далеко, и дым может быть, все сырое вокруг, так что хотя бы так пока. А так в зилке и столик складной есть, и стулья, без этого никуда, часто приходилось ночевать в лесах, даже не выгружали, всегда все с собой.

Теперь искать позиции для наблюдения. Та еще задачка, но найти нужно.

— Коля, Мартын, давайте со мной, — позвал я двоих. — На остальных пока лагерь. На связи быть.

Мы прихватили с собой одну из Р-148, подключенную к мотоциклетному аккумулятору, который Мартын тащил в сумке на боку. Вот вроде радиоаппаратура уцелела, а с аккумуляторами к ней проблема. Если точнее, то нет их просто, аккумуляторов этих самых, и выпускать некому. Хотя бы автомобильные и мотоциклетные делают, и то хорошо.

Шли по лесу, но вдоль самой опушки, что тянулась по берегу Волги. Хотя сама Волга... больше на насмешку над именем похоже, метров тридцать в ширину, не больше. Самый исток, можно сказать. Примерно через километр небольшой лесной массив, в котором мы укрылись, оборвался, и дальше тянулось лишь сильно заросшее поле. Укрыться в нем проблемы не будет, а вот передвигаться уже не очень, все равно заметно получится.

Мост через реку виден отсюда неплохо, но вот подступы к нему не просматриваются ни с какого из направлений. Сам мост высокий, на капитальных опорах, еще долго простоит, но только его и видно. И местность слегка холмистая. Настолько слегка, что штабная карта это не отражает, но при этом настолько холмистая, что прямого обзора ни в одну сторону не будет, даже если лес спилить под корень. И еще на старой карте нет того засилья кустарника, которое мы теперь видим.

Это и хорошо, и плохо. Нам трудно наблюдать, да, никуда не денешься от этого, но в случае необходимости мы даже БТР можем подогнать скрытно к любой позиции и так же быстро вывести его из-под обстрела, случись такая надобность. Но пока нужно именно наблюдать, а с этим проблема.

— В деревне засесть? — предложил Николай.

— Они деревню сами занять могут, — вздохнул я. — Причем неизвестно какую. С запада подойдут — устроятся в Колокольцево на том берегу. С севера — займут Климово. Как-то вдоль дороги бы смотреть.

Я снова раскрыл планшет с картой.

Есть рощица возле Климово, но не уверен, что в ней удастся всерьез укрыться, больно уж маленькая. За дровами туда попрут или что — могут и наткнуться. И технику там точно не замаскируешь.

Придется выставить два парных поста, в разных местах, чего из всех сил хотелось избежать. В лагере останется тогда только двое наших и приданный радист, плюс пленный Вася, то есть никакого резерва и маневра оным, и даже БТР в таком случае остается без стрелка, превращается в обычный транспорт с плохим обзором. Надо было одной машиной ехать, но опять же опасно — а как сломается? Поэтому грузовик и пришлось брать.

Нет, ничего ниоткуда толком не просматривается, вообще. Нет другого выхода. Ну, здесь можно пост одиночный оставить, все же расстояние до моста... метров шестьсот выходит, даже один справится и с наблюдением, и с рацией. До ветру? Ну вот пусть сядет на корточки и так наблюдает, а потом лопаткой прикопает, чтобы ароматом не тянуло. А второй пост парный, ему выдвигаться... недалеко, в принципе, так, чтобы можно было наблюдать дорогу от Климово на Суходол. Тут три пустых деревни подряд, строены на широкой вырубке, которая подзаросла сейчас...

— Мартын, ты здесь пока, наблюдай, — сказал я. — Коль, пошли в Шолохово, там крайние дома проверим. Может быть, с чердака смотреть получится.

— Логично, — кивнул он.

Я смахнул рукавом капли воды с целлулоида, закрыл планшет, поднялся.

— Пошли.

Направление взяли по азимуту, старались идти по прямой, так что выбрались примерно туда, куда и рассчитывали. Деревня Шолохово, заброшенная людьми много лет назад, тонула в настоящих джунглях из ивняка, сирени и черемухи, сквозь которые проглядывали серые от непогоды или покрытые облезшей краской стены домов и провалившиеся под снегом крыши. Следов присутствия людей не обнаружили, зато наткнулись на хорошо натопанную кабанью тропу. Даже мысль мелькнула пройти по ней дальше, вдруг подсвинка подстрелить получится? Ничего, дозиметром проверить мясо можно, а потом и на жаркое. Но именно что мелькнула и дальше унеслась. Кто тут что сейчас жарить будет?

— Вон те два дома, — Николай показал глушителем своего АКМС. —

Крыши над кустами, обзор должен быть.

— Согласен, — кивнул я.

Стараясь оставлять как можно меньше следов, мы прошли меж покосившихся заборов, полуразваленных сараев, заросших опятами старых промокших поленниц, выйдя к двум домам, самым близким к дороге. Полезли в правый, оттуда вроде бы обзор должен быть получше, да и крыт он шифером, поэтому есть надежда на то, что чердак не сгнил совсем, не провалимся. А иначе как сверху смотреть не получится, кусты все перекроют.

Дом как дом, обычный, деревенский. Края эти и в советские времена богатством не отличались, так что все тут было простенько и даже убого. Ну и мох уже по стенам с плесенью, пол в углу прогнил, а в выбитое окно даже ветка проросла. Лестница на чердак тоже сгнила, да и потолок со стропилами был такой, что лезть туда совсем не хотелось. А вот второй дом, хоть и стоял хуже, оказался сохранней, как ни странно. Кровельная жесть, ржавая и грязная, местами вздыбилась, но минимум половина потолка держала еще крепко. А наблюдать и в дыры можно, их тут хватает.

Климово, такое же заросшее, как и Шолохово, просматривалось все же с этой позиции неплохо.

— Смотри, ездил кто-то, — сказал Николай.

— Ага, точно.

На заросшем проселке просматривалась колея. Несвежая, несколько месяцев ей уже, я думаю, весной кто-то проезжал, но все же осталась.

— Мину бы в нее заложить, — пришла мне в голову мысль.

— А если кто-то другой поедет?

— Да кто здесь поедет? Снимем потом, а вероятность появления мирняка именно сейчас... ну сам посуди.

— Тоже верно, — согласился он. — Надо бы закопать, пара мест вполне годится.

— Вот и давай за миной и Димычем. И тротила кил десять прихватите, уложим. Потом здесь вдвоем и останетесь.

В принципе, мы воевать не должны, наша задача — сообщить, в каком направлении отходит банда. Но если они двинут в этом направлении, то могут выйти на наши следы, дальше нам пришлось пересекать дорогу, а тогда проблем станет намного больше. Надеюсь, что подрыв их остановит, а может, они даже подумают, что мина там давно лежит, следы-то здесь старые. Так что заминируем дорогу, пусть будет.

Вернулись они довольно скоро. Приволокли мину, тротил и рацию, установили связь с лагерем и Мартыном. Оставив Димыча на чердаке

наблюдать, мы с Николаем двинули по дороге в сторону Климово, не влезая в колею, разумеется, а стараясь держаться за кустами. На мокрой траве следы все равно заметные получаются. Выбрав местечко за лужей, где и колея поглубже, выкопали яму, уложили в нее тротил, на него разместили мину. Лишнюю землю в лужу перебросали, яму засыпали и «замыли» водой, получилось вполне себе незаметно. Даже если бэтээром наехать, с таким зарядом он на оставшихся колесах уползти не должен. Затем я оставил Николая на НП, а сам пошел обратно к Мартыну.

День прошел тихо. Пост в Шолохово сидел под крышей вдвоем, так что менялись сами, между собой, а вот на втором НП организовали ротацию, Мартын со Славяном меняли друг друга. Там под плащ-накидкой прятаться приходилось, да и нельзя держать одного наблюдателя. Я же шлялся по окрестностям в надежде подыскать приличные позиции. Думал даже о том, чтобы вплавь переправиться на другой берег, но не нашел ни подходящего спуска, ни подъема, течение сильное. А потом еще и обнаружил, что в трофейном БТР сливные пробки в днище не установлены, то есть мысль о переправе отпала естественным путем. Надеюсь, хотя бы пулеметы к точному бою приведены, потому что пристреливать их здесь мы точно не можем.

Противоположный берег, заросший широкой полосой леса, не просматривался вообще ниоткуда, сектора наблюдения в ту сторону не имелось. Полностью открытых пространств не было ни в одном направлении, карту вообще хотелось сжечь, потому что никак она не отражала тот факт, что с Этого Самого тут все так разрослось. Ни одного поля шире трех сотен метров, да еще и все они ограничены зарослями.

По здравому размышлению я понял, что главной нашей заботой будет сам мост. Если банда отойдет в западном направлении, то они его могут просто взорвать, чтобы исключить преследование. Взрывчатки у них с собой много, никаких сомнений, а мост пусть и основательный, но если не полностью взорвать, то повредить его можно, даже без квалифицированных подрывников. А мостов через Волгу, которая тут чуть не половину области делит пополам, осталось не так много, и люди ими пользуются.

Берега тут крутые, мост висит высоко, но у него над Волгой всего один длинный пролет. На верхушку каждого из быков ведет лесенка, там площадка, с которой заложить взрывчатку под балки никакой проблемы не

составит. Правда, площадки могут простреливаться с позиции наблюдателя, обе. И туда можно подогнать БТР. Но опять же проблема — никто не помешает бандитам под прикрытием леса выдвинуть свою броню и выйти во фланг нам на дистанцию меньше ста метров. То есть сколько-то времени подрывников отгонять получится, но недолго.

В любом случае что-то делать надо, поэтому я дошел до моста и поставил по паре растяжек на спусках на обе площадки. Хороший человек с добрыми намерениями на них не полезет, а плохому туда и дорога. От моста прошел на другой берег, не увидев там ничего обнадеживающего, тоже никаких удобных позиций, добрел в обратном направлении до Климово и уже там обнаружил достаточно длинный и хорошо просматриваемый отрезок дороги, но только мост оттуда виден не был. Осталось выматериться и злобно плюнуть.

Как они будут минировать мост?

Хм... вообще-то, если бандиты будут уверены в том, что на них никто прямо сейчас не нападет, они подгонят грузовик со взрывчаткой как можно ближе. А остальные машины оттянут подальше. Логика подсказывает только такой вариант.

Так...

С какой стороны? С той, в которую будут уходить. В принципе, в районе моста дистанций для РПГ достаточно, можно на сотню метров подойти местами. В кузов? Черт знает, где там что лежит, в кабину достаточно ударить. Но даже если в кузов и удастся подорвать взрывчатку, с мостом случиться ничего не должно, он крепкий. И если грузовик рванет прямо на нем, то, скорей всего, ничего не случится.

Управляемый бы фугас заложить, но у нас для него ничего нет, кроме мотка телефонного провода и детонаторов. На mine подорвется кто угодно, кроме машины подрывников.

Еще БТР сможет достать кого угодно у самого моста... а у нас есть коробки с МДЗ, даже более того, как раз такая лента в КПВТ сейчас и заправлена. Очередь в двигатель, воспламенение почти мгновенное, а затем по кузову, в разные места. На шести сотнях метров точность будет снайперская, а заряд взрывчатого вещества заставит сдетонировать тротил, там каждая пуля как капсюль-детонатор.

Это да, это может сработать. Не думаю, что у них взрывчатка по ящику в разные машины разложена, никто так делать не будет. Взорвать к черту их машину и тут же сваливать самим, оставив при этом на месте наблюдателей с рацией. Они сообщат, когда банда уйдет. А если мост взрывать не полезут, то... тогда сидим тихо, основные силы с бандой лучше

нас разберутся.

В общем, на такой схеме я и остановился. Неплохо бы из кустов с РПГ подстраховать, но людей на это нет.

Подумав, нагрузился еще одной миной и мешком взрывчатки, сам дошел до участка дороги между Шолохово и Суходолом, где это все и заложил, тщательно замаскировав место. Так оно получше будет.

Потом засел над картой, еще раз просматривая путь отхода в случае возникновения очередных непредвиденных обстоятельств. Тут есть два варианта: один по основной дороге на Ржев и второй — лесными дорогами на Старицу, но там петлять долго придется... к чему мы уже привычные. Проверил, можно ли подогнать БТР на позицию, а затем мы со Славяном, предварительно дозаправив из бочки, его туда загнали, тщательно замаскировав сетью и срубленными кустами. В такую сырую погоду да за такое короткое время они пожелтеть не успеют, продержатся сколько надо. А при необходимости придется продвинуться вперед метров на тридцать, не более.

Бандиты вышли на связь около десяти утра следующего дня. Мы как раз втроем, с Васей и приданным радистом Митей, молодым, цыганистого вида парнем, сидели под тентом в зилке, рация подключена к аккумулятору и растянутой на деревьях антенне. Вася, высказывавший вполне явные признаки настоящей готовности к сотрудничеству, прилежно откликнулся за «Мойку», сообщил, что мы ждем. Позывной «Туз» на связь потребовал Семеныча, но «Мойка» ответила, что тот выдвинулся вперед с группой, а здесь только длинная связь осталась, иначе антенну не развернуть. Посоветовал вызывать на бортовую на прежней частоте. «Туз» ничего не ответил, явно связываясь со старшими.

— Сожрут? — спросил слушавший все Леха, заглянув в кузов.

— Должны, — пробормотал я. — До точки встречи все равно выдвинутся, не удержатся. И посмотрим, как Славян работает.

Затем Славян сообщил, что пошли вызовы на бортовую «раз-два-три» бронетранспортера, требуя Семеныча без всякого позывного, причем с характерными шумами, из чего мы заключили, что вызывают на ходу, то есть противник совсем близко. Ну и в моих глазах их организация связи сильно упала, раз они не сообразили главному в разведке присвоить отдельный позывной. В ответ Славян должен был пошуметь и похрипеть

помехами, побормотать невнятно, так, чтобы на той стороне могли подумать, что проблема со связью.

Затем пошли снова вызовы на «сто тридцатую» с требованием связаться с Семенычем, но Вася сообщил в ответ, что связь никудышная, одни шумы и ничего не слышно. Нет, обмануть мы не рассчитывали, но сбить с толку таким способом можно.

— Леха, за старшего. Вася, Дима, связь заканчивайте, дальше только по нашим задачам, понятно? Все, я пошел.

Подхватив АКМС с глушителем, тот самый, из которого застрелил Прокопа, я выпрыгнул из кузова, в очередной раз охнув от всколыхнувшейся боли в плече, поправил съехавшие очки и побежал в сторону бронетранспортера. Пока я там нужней.

Банда появилась почти сразу, как я добрался до машины. Сначала через мост неторопливо проехал БТР-40 с дозором и торчащей антенной, затем показалась сама колонна. Двадцать одна машина. Бронетранспортеры, шестидесятые и сто пятьдесят вторые, БРДМ-2, пара уазиков, из которых я узнал тот самый, что видел во дворе у Хана, с железной крышей и колпаками на колесах, «шишига» с кунгом и антеннами, еще машина с кунгом, явно жилым, прошел автокран на базе КраЗа, прошел еще КраЗ, тягач, два наливника, три грузовика с тентом. Даже полевая кухня на прицепе проехала, чего никак не ожидал, а после колонны проскочил еще один «сороковой».

Все здесь. Все на восточном берегу. На мосту заслон никто не выставил. Через пару минут на связь вышел Николай:

— Вошли в Климово, вытягиваются вдоль улицы, останавливаются.

Запросил Митю, который у нас был за «Березу», тот сообщил в Селижарово, оттуда подтвердили прием.

То есть, скорей всего, отходить они будут тоже через мост. Почти наверняка. Черт, вот бы с той стороны еще как-то пару-тройку мин сейчас заложить... Но нет, ненужный риск, и вообще туда разве что вплавь. У нас в грузовике, кстати, надувная лодка есть и пара камер, мы предусмотрительные, в этих краях из ручьев и речушек целая сеть, но... нет, плохая идея. Может, банда сразу назад попрет, а идти минировать — это часа полтора надо, как минимум. Или куда больше. Но соблазн велик, очень велик.

— Что там в деревне?

— Стоят, от машин далеко не уходят, выставили посты. Два «сороковых» ушли в сторону дороги.

Понятно, попытаются найти Семеныча, покатаются по окрестностям.

Или прямо в Ржев разведку погнали? Все может быть. Нет, сначала поищут все же.

Моя догадка подтвердилась минут через пятнадцать, когда со стороны Климово прилетел тяжелый звук взрыва. Неплохо садануло, семнадцать килограмм тротила в общей сложности. Затем пошла активная стрельба, стихшая через пару минут. И тут же на связь вышел Николай:

— Шестидесятку снесло, с двухсотыми, похоже.

— Принял. Все, отходите к лесу, дальше по дороге.

— Уже. Там во все стороны долбили, нашему чердаку тоже досталось.

Ушли.

Теперь они на опушке засядут около Суходола, будут наблюдать — не попытается ли банда продвинуться дальше по той дороге. Не думаю, что они это сделают, решат, что там все заминировано, но лучше быть уверенным.

Затем около часу ничего не происходило. Я сидел в кустах, наблюдая за мостом. Мартын сместился дальше от реки, наблюдая за флангом, лес никто не прочесывал, вторая мина не взрывалась. Стрельбы тоже не слышали. И Николай активности не наблюдал. Скорей всего, авторитеты никакого решения принять не могут, ситуация им непонятна. Ни своих, ни врагов, ни чего другого. И уже потери. Но в том, что на Ржев они уже не пойдут, я был уверен.

А вот затем издалека послышался шум двигателей, и колонна двинула через мост в обратном порядке, на этот раз даже без дозора, а так, все скопом. Машины шли одна за другой, исчезая за опушкой леса на той стороне реки, а последний БТР-40 остановился на самом съезде с моста. Два пулемета лежали на заднем борту, две головы торчали за ними. А затем к мосту задом сдала «шишига» с тентом, рядом с которой шли четверо в камуфляже.

Все, как я и думал... все, как я и думал.

Нет, не так. Они прямо на съезде с моста, где асфальта вообще нет, мины закладывают. Тогда не будем мешать, их проще снять потом или на месте подорвать, мосту от этого ничего не сделается.

Да, уходят.

Вызвал Митю:

— Сообщай, что пошли на запад, пусть встречать готовятся.

— Принял.

Вот и все, мы свое дело сделали. Выждав еще минут пятнадцать, я отозвал Мартына с поста, и мы направились к БТР. Оттянемся в лес, еще подождем немного и двинем следом за бандой, на всякий случай.

Бандитский бронетранспортер подорвался всерьез. Два правых передних колеса снесло вместе с подвеской, корпус лопнул по сварке, внутри, на местах командира и водителя кровь, причем много крови. Люки открыты, вокруг на дороге следы. Дальше никто не поехал, следов уже нет, только старая грязная колея. По ней добрались до следующей своей мины, сняли аккуратно, нечего ее тут оставлять. Потом выкатились обеими машинами на главную дорогу. В зилке остались Леха и радисты, остальные загрузились в БТР. Теперь хоть экипаж полный и два гранатометчика в десанте, мы оба РПГ туда загрузили. Более или менее полноценная боевая единица получилась.

— Дистанция в колонне сто метров, — объявил я. — Не гоним, идем спокойно, не забываем, что за мостом мины, снять еще надо. Для грузовика сигнал тревоги — красная ракета в вашу сторону. Тогда просто сматываетесь как можно быстрее. Любая ракета, на самом деле, как увидели, так и валите. Поехали.

Славян воткнул передачу, и бронетранспортер, рыкнув двигателями, тронулся с места. Несмотря на желание не лезть под дождь, пришлось встать ногами на сиденье, подстелив туда тряпку, высунуться в командирский люк, потому что с мехводского места, как и с командирского, через триплексы в люках ни черта не видно. Представьте, что ведете наблюдение через окошко бани, сидя в метре от него. Или дальше. Видишь все, как через тоннель, немного вперед и больше никуда. В «семидесятке» и «восьмидесятке», последнюю из которых я едва успел застать на службе, крышка водительского люка вбок откидывалась, и «мазута» мог поднять сиденье, чтобы в этот самый люк высунуться, но в старом БТР-60 так не получится. Вот обычно и приходится командиру сидеть на броне над мехводом и «рулить ногами», толкая сапогом его то в одно плечо, то в другое. Зато поднятая крышка люка перед тобой внушает некое иллюзорное чувство безопасности. Но пересечь все же не рискнул, потому что наткнись мы на кого-нибудь, машина не сможет сразу открыть огонь, надо будет перескочить из люка в люк и еще крышки захлопнуть. Поэтому «рулил» сорванной веткой, стараясь держать ее в поле зрения триплекса. Хуже, но все же можно.

Проскочили мост, остановились в самом его конце, я спрыгнул с брони. Мины не так чтобы очень уж хорошо скрыли, разрыхление грунта видно, но на ходу вполне можно не заметить. На самом съезде две

воткнули, причем слишком близко одна к одной, и дальше еще две, в ямах в асфальте. В остатках асфальта, если точнее, потому что ямы на нем давно слились в некий причудливый орнамент. Но и проехать можно на самом деле, просто аккуратно.

Все же сняли. Откопали бережно, сдернули кошкой издалека, обнаружив, что на неизвлекаемость их не ставили, просто зарыли — и все. Сбросили с моста в Волгу и погрузились в БТР снова. Время потеряли, но так мы и не спешим особо никуда.

Машины тронулись, БТР проехал по ямам из-под мин колесами, на всякий случай, вдруг мы что-то пропустили, и покатил неторопливо по заброшенному шоссе, где местами из ям уже и кустики расти начали. Однако раскатанные по нанесенной грязи следы колонны противника видны были четко, никаким следопытом быть не нужно, чтобы следовать. И нашим маршрутом они идут, тем самым, который мы сообщали. Зря, пожалуй, раз мы со связи пропали и все пошло не так. Я бы маршрут сменил на их месте в подобной ситуации.

Вон поворот на Лыкшино, следы туда ведут, ну и нам по следам. Поворот с двух сторон стиснут лесочком, не просматривается дальше. Я обозначил направление «удочкой», бронетранспортер послушно пошел в поворот. Лесок слева, лесок справа, вон они уже метров через сто заканчиваются, дальше опять заросшее поле, уже и не поле даже, а поляна рукотворная, тут пятнадцать лет никто не пахал, вдалеке деревня видна, такая же полуразвалившаяся и заброшенная, как и все в этом месте. Жмутся люди к городам теперь, жмутся, никто не хочет жить на отшибе, предоставленный самому себе и милости лихих людей, что могут появиться в любую минуту. Для многих и грабеж не так важен, сколько возможность развлечь возвращенную в себе изуверскую сущность. Сколько людей эта самая война убила, но ведь и сколько выживших перекалечила так, что они и не люди уже, а какие-то иные существа, хуже волков, которых тоже развелось немало.

Взгляд сфокусировался на движении, что-то катилось по дороге нам навстречу.

— Противник по курсу! — заорал я, отбрасывая ветку и выхватывая ракетницу. — Огонь!

Я смог только выпустить красную ракету настильно над дорогой в сторону идущего следом грузовика, но сигануть на командирское место до того, как загрохотал КПВТ, не успел. Мой люк наводчику не мешал, ствол левой сдвинулся. Садануло по ушам как кувалдой, невзирая на «говорящую шапку», трасса унеслась вдаль, в сторону темно-зеленого силуэта,

плывущего над высокой травой, брызнула там искрами и вспышками, вторая очередь полетела, когда я уже провалился в люк и захлопнул крышку.

Еще очередь, еще, вроде бы даже сверкнула дульная вспышка с той стороны, но тут же потянулся дым, кто-то выпрыгнул через верхний люк, Димыч тут же переключился на ПКТ, густо посыпав место пулями.

«Бардак», а это был именно БРДМ-2, полыхнул тусклым пламенем. Они точно шли по-походному, я даже успел заметить силуэт человека сверху, и люк водителя наверняка был открыт. То есть как раз их пулемет и «зажало», а дальше наши МДЗ прошли тонкую броню «бардака», вовсе не рассчитанную на защиту от подобных калибров, влетели в моторное и сразу же зажгли двигатель. Выскочить, похоже, сумел лишь командир, но не уверен, что ушел, трава это место закрывает.

— Давай левей, в поле! — проорал я Славяну.

Если это дозор, то сейчас покажутся основные силы, а поросль кустарника вдоль дороги и следующий язык леса нас прикроют. Хотя бы в лоб не выскочим ни на кого. Откуда они взялись? Распознали засаду и вернулись? Ну так и здесь засада может быть давно, проще менять маршрут дальше, пытаться уходить просеками и совсем глухим проселками, пусть через другую область и в объезд, но не обратно.

БТР ломился через кусты и траву как взбесившийся слон. Почва под колесами плотная, тут давным-давно никто ничего не пахал, дерн держит, машина не вязнет.

— К опушке и мордой в кусты.

Глянул на наводчика — он все правильно делает, башню уже развернул. Грузовик хоть ушел?

— «Береза», «Береза», как слышишь?

— Слышу хорошо!

— Уходи! Вторым маршрутом! Как понял?

— Понял, ухожу вторым маршрутом!

— Как оторвешься, вызывай «Городок», сообщи, что банда вернулась.

— Понял вызвать «Городок» и доложить о банде.

— Действуй!

Хоть тут все нормально. А нам что делать? Банда же прорвется, засада ее на другом маршруте ждет. Уйдут — и все псу под хвост, все старания наши...

— Вон туда, левей! — Мне снова пришлось высунуться в люк и орать изо всех сил, хорошо, что хоть пулемет назад направлен. — В самый уголок втыкайся, видишь?

Там же еще дорога, в объезд того самого лесного массивчика, точнее даже клочка леса, который мы сейчас проскочили. Нам только стрелять и менять позицию, БТР не танк, его сблизить и из СВД пробить можно, и как угодно, но этих надо задержать. Так что у нас только маневр, маскировка и точный огонь. Сколько там осталось в КПВТ? Половина коробки? Нет, больше, очереди короткие были.

Доехали, вломились в кусты с треском, встали.

— Назад немного! — крикнул Славян. — Сектор закрыло!

БТР дернулся, продвинулся немного, снова замер. Я вспомнил карту... нормально, правильное место, только тут ко второй дороге и можно прорваться, дальше уже большой лесной массив, колонна через него не пройдет.

Так и высовываясь из люка, схватил бинокль. Дым со стороны дороги гуще, «бардак» разгорелся, уж он точно все. Что там еще у них было? «Шестидесятки» самое опасное, ну и если пехота с РПГ подберется. Но не думаю, что они это сейчас сделают, надо еще и направление на нас определить.

— Славян, будь готов, бьем и сразу отходим. Колун, Мартын — давайте с границами в лесок, выходите к развилке. Если кто туда прорвется — долбите, и сразу отход в направлении Жаднево, понятно? Не смена позиции, а отход! Позиция нам не нужна, только движение!

— Есть! — гранатометчики выскочили через люки, прихватив свои «шайтан-трубы», тут же исчезли в зарослях. А вот теперь хорошо, что после Этого Самого так кустарник попер, раньше такие рожицы насквозь просматривались, а теперь тут глухая «зеленка».

Испуг прошел, его уже нет, голова заработала ясно и совершенно трезво, включился боевой режим. Все страхи загнаны куда-то вглубь, потом уже прорвутся. Или не прорвутся, если я на этом закончусь. Ну да не страшно, я много уже сделал, хоть и хочется сделать больше.

Никого, пока никого, но появятся...

— Димыч, первую в МТО, вторую в экипаж, чтобы стрелка задеть. Славян, быть наготове, сразу же в отрыв.

Ну, давайте уже... все равно мы вас первыми заметим... хоть и сквозь кусты. Но эти кусты в нашу пользу, от нас они далеко, а полоса их узкая, для нас вы как за масксетью будете двигаться. А вот вам они в оптику лезть будут и все закрывать к чертовой матери. Это опять наш шанс, мы его используем на сто процентов.

Приходится из люка торчать, ТПКУ только вперед нормально видит... да и надежней так, мне сейчас обзор важнее, чем собственная безопасность

и дальномерная шкала. Здесь кругом прямой выстрел, никаких поправок не нужно.

Есть, движение...

— Славян!

За кустами едет что-то... «сороковка».

— Пропускай!

Наши примут, случись чего, а так у них крупняка нет, опасности меньше... Есть, бэтээр, наш близнец!

— По бэтээру! Огонь!

Дудухнул КПВТ, выбросив длинный хвост пламени, прошла по корпусу машины дрожь от отдачи. Еще очередь, вижу вспышки в задней части силуэта. Бронетранспортер противника резко снизил ход, но не остановился, и тогда Славян выпустил очередь подлинней, примерно под башню и в командное отделение. Встали вроде...

Башня повернулась вправо, резко встала на тормозе, и тут же над головой защелкало и густо посыпались сбитые листья и ветки, по нас влупили из пулеметов с «сороковки», зазвякала броня под пулями... только бы зад не пробит...

КПВТ вбил в плохо заметный силуэт остаток ленты, затем туда куда щедрей досыпал ПКТ, затем я заорал:

— Пошел! Славян, пошел!

Машины рванула с места, вломилась в заросли, размывая уже свой силуэт, несколько раз щелкнуло по металлу, брызнуло искрами от башни, подмялись какие-то кусты, которые Славян сослепу не разглядел, но серьезных деревьев на этой опушке нет, все больше кустарник, этим нас не остановишь.

— Налево по дороге!

Машина рыскнула влево, выбросила колесами комья грязи, качнулась на заросшем кювете, выкатила на дорогу.

— Славян, правей, на тот язык, вправо десять! Так же встань!

— Ленту сменить надо! — проорал Димыч.

— Встанем, и меняй!

Снова в поле, совсем неширокое, куда так же вытянулся лес языком, вот прямо на него. Еще чуть-чуть, вломились, замерли.

— Пара метров вперед, пока перезарядимся!

Рывок, тормоз. Черт, помочь бы Димычу, но тогда наблюдать будет некому. Давай, Димыч, давай... снизу лязг упавшей пустой коробки, глухое бряканье полной. Вот ствол быстро поехал вверх, снова металлический звук... ну же...

Там, за кустами на дальнем краю поля, с которого мы свалили, опять какое-то движение. Пехота, похоже... да, несколько человек, видно плохо, но продвигаются в сторону подбитого БТР, который хоть и не горит, но стоит на месте недвижимо. А ведь если там в башне ничего не повреждено, то он еще и огонь открыть может. А «сороковку» не вижу, ее уже рошица закрыла, даже не знаю, повредили мы там у них что-нибудь или нет, но пулеметы в нас били, пока мы не скрылись.

Лязгнул отведенный затвор КПВТ, обозначая прогресс. Ну, еще разок...

За рошей дважды бабахнуло. «Сороковку» достали? Больше в том направлении никого не было, а это явно РПГ.

Вдруг стоявший за кустами БТР родил искру желтого пламени, из которой в нашу сторону пронеслись зеленоватые трассы, пройдя выше, но совсем рядом, над самой головой. Второго лязга затвора я не услышал, но ствол КПВТ буквально упал вниз, изрыгнул шлейф огня в ответ и сразу же еще раз. И тут вдруг зазвенел корпус нашего БТР, прошел мелкой дрожью, что-то лязгнуло, звук работающих двигателей изменился, как-то ослаб и охрип. Наш пулемет снова загрохотал, я успел разглядеть искры вдалеке — оттуда больше никто не стрелял.

— Славян, вперед!

Но ничего не случилось, машина стояла на месте. Я нырнул внутрь, в дым и запах горелого масла, и увидел, что все водительское место забрызгано, даже залито красным, а странно скособоченное тело Славяна завалилось на борт.

— Димыч, прикрывай! Дави там все!

Затарахтел ПКТ, зазвенели гильзы в трубе, я вцепился обеими руками в куртку Славяна, его тело странно подалось, словно внутри штормовки оно превратилось в студень, потекла кровь, но мне все же удалось вытащить его с водительского кресла и втиснуться туда самому. Глянул на приборы, стерев кровь с панели рукой — левый двигатель все, помер. Из отсека дымища, но это не пожар, это масло на горячем. Воткнул первую, вдавил газ, машина как-то увечным рывком тронулась с места, но тяжело, с трудом, даже кусты продавила с усилием. Звук сзади как из бочки с гвоздями. Буквально на себе протащил БТР по полю, до следующей роши, до какой рукой подать было, втиснул между деревьев опять, чуть дальше, встал. Подумав, тронулся снова. Хоть бы до Жаднево дотащиться, тут и километра нет, и лес прикрывает, и проселок старый за ним имеется. Там и наши должны быть, и черт знает, может быть, получится проехать дальше, а там все же есть и открытый участок, и место, где «броня» наша сможет

встать для своего последнего и решительного.

— Димыч, ты как? — крикнул я.

— Цел, — откликнулся он. — Славян убит?

— Убит, — выдохнул я. — Сразу. Двухсотый.

— Твари, суки, — выругался он.

Тяжело. Мы все уже давно вместе, как пальцы на руке сработались, и вне службы друзья не разлей вода. И вот нет одного из нас. Случалось и раньше терять людей, и не однажды, и все равно каждый раз как нож под сердце. Не стоят бандитские жизни этих людей, не стоят. Бандиты вообще стоимости не имеют с тех пор, как решили таким делом заняться. Они скорей всему мирозданию должны за тот воздух, который перевели за время своего существования.

Машина шла медленно, дымно, но шла. С отключенными передними мостами даже прибавила немного. Вон уже Жаднево, там наши или еще нет?

Куда? Да вон в тот перешеек лесной, что перед нами. Еще чуть-чуть, чуточку... ну же... есть, опять за кусты сразу, встал. Откинул водительский люк, высунулся снова. Отсюда плоховато видно, но все же как-то... Повоюет еще «броня» хотя бы немного, пулеметы живы, а КПВТ — это сила, из него еще много бед наделать можно. Подумав секунду, вытащил на броню СВД с подсумком. Пусть тоже под рукой будет.

— Движок заглуши, задохнемся нахрен! — крикнул Димыч.

Да, в отсеке и вправду сдохнуть можно. Заглушил, затем откинул оба бортовых люка, пусть вытягивает хоть как-то, а то Димыч уже кашляет. Чуть подумав, сказал:

— Рядом буду, слушай, — и выбрался из машины.

Вон тут, в кустах залягу, лучше будет обзор. АКМС поставил к колесу, пусть ждет, а сам с винтовкой. Прополз под низкими ветками, одну чуть надломил, заставив опуститься пониже. Надеюсь, что движение никто пока заметить не успел.

Вот деревня, ближайшие дома, здорово сектор перекрывают. Где наших искать? Связи нет, вторая носимая рация в зилке осталась, так что никак. Но они сообразят зайти за деревню, это стандартно и обычно, в самой деревне нас искать не станут, мы так не делаем никогда, если специально не планируем. Должен я их увидеть. И случиться с ними ничего не должно, потому что стрельбы не слышал, просто рвануло тогда дважды — и все. И не ровня им эти бандиты вышневолоцкие, даже близко не ровня. Они городские твари давно, налоги там собирали и друг перед другом понтовались, а мы за такими уже десять лет гоняемся, изо дня в

день, и днем и ночью, и зимой и летом. Таких бойцов я и не знаю, где еще искать, не бывает у людей такого опыта, наверное. Ну, разве что у таких же, как и мы.

Бандиты что делать будут сейчас? Воевать или на прорыв пойдут все же? Убитые у них точно есть, должны быть и раненые. Окажут помощь сразу? Это время займет... Как они пойдут? По дороге или через поле на другой стороне? Я бы через поле пошел на их месте. И что тогда? Дать бэтэру довоевать? А почему бы и нет? Бегун из него никакой теперь, а вот стрелок вполне еще. И наводчик оба пулемета перезарядил, я слышал.

— Димыч! — подбежав к машине, я всунулся в люк. — Жди наших. Потом с ними против часовой обходи деревню, там меня найдете.

— Что задумал?

— Дело задумал, делай как сказано. Портплед с выстрелами возьми... оба возьми, тебе просто ждать, потом между собой раскидаете. Рацию тоже.

Димыч взял и свой пулемет, и портпледы, и рацию, дважды сбегав туда и обратно, а я снова упал на водительское место, чуть перетащив тело Славяна и пристроив СВД на соседнее сиденье. Заведется?

Завелся, зарычал, даже потащил меня дальше. Черт, видно плохо, как бы в дерево не упереться, не сдюжит машина дерева, и так на честном слове ползет, завывает. Ничего, терпи, тут недалеко, а дальше... а дальше видно будет. Что-нибудь дальше будет, я тебе обещаю, даже гарантирую. А вот и проселочек, теперь легче будет, низенькие кустики давить даже сейчас не проблема.

Дыму опять нагнало, но с открытыми люками чуть легче, хоть и тянет в кашель. Немного еще, вон поворот, а там до дороги меньше ста метров останется, кажется, насколько я карту помню. Хорошо карту учил, долго сидел, теперь сам себе пятерки ставлю за прилежание.

Машина, уже постанывая, все же дотащилась до места, впихнулась в кусты. Движок заглушить, задушит, голову в люк, воздуха хватануть забитыми масляной гарью легкими. Продышался как-то, влез обратно, подключился к «раз-два-три», а тут она возьми, да и заговори голосом Лехи.

— Кто на частоте? «Береза» вызывает «Ольху», «Ольха», отзовись.

— На связи «Ольха», — откликнулся я. — Что у тебя?

— Я их отправил самостоятельно, вернулся, как стрельбу услышал.

— Твою мать! И на хрена? Где ты сейчас?

— У моста, на западном берегу. Куда мне дальше?

— Дальше? — Какой смысл ругаться, если он уже здесь... зато и

вторая рация носимая с ним. — У моста в лесочке скройся, наблюдай. Будь на связи.

— Принял наблюдать и быть на связи.

— Димыч?

— Все слышал, — откликнулся пулеметчик.

— Я на позиции. Жди наших.

И отключился, закрыл крышки на триплексах, после чего захлопнул оба верхних люка и полез в висячее сиденье наводчика. Расстопорил башню, крутанул на сто восемьдесят, я теперь машину мордой к врагу поставил. Если враг, конечно, с той стороны покажется.

Дистанции? Проще по карте... просматриваемый участок дороги — метров четыреста, поле вижу где-то на пятьсот. Нормально. Уперся в налобник, покрутил башню немного, стараясь поймать такой угол, чтобы в двадцать три градуса поля зрения втиснуть и дорогу, и хотя бы начало поля. Не очень, придется туда и сюда подкручивать. Поелозил ладонью по рукоятке, пару раз перекинул палец по кнопкам электростарта. Слева большой пулемет, справа маленький. Большой экономим, если появится техника без брони, пятьдесят патронов в коробке — не много, надолго не хватит, а менять коробку самому — тоже то еще занятие.

Покурить? А почему бы и нет? Наощупь достал из портсигара папиросу, выдул из мундштука крошки, смял, разве что на зажигалку отвлекся на секунду. Даже напевать что-то стал, из той эстрады, что до Этого Самого, вспомнилось, сам не понял что.

Проскочили уже? Нет, Леха доложил бы. А что тогда? Развернулись? Решили другими проселками прорываться? Двадцать одна машина там была, двадцать одна... то есть двадцать, если учесть тот БТР, что тогда на mine подорвался. Минус «бардак», минус еще «шестидесятка» и «сороковка», судя по всему. Семнадцать. Несколько из них не вооружены, так что с этим пока не ко мне.

Чуть левей башню, кусты заодно просмотрим, могут и пешие дозоры выслать, потому что не знают, что их может у моста ждать. А вдруг мы тоже дозором были? И там целая армия развернулась?

Дымный серый шлейф вдруг прочертил воздух с опушки, грохнуло, БТР сотрясся, и одновременно с этим я понял, что еще жив и даже цел, ничего со мной не случилось, и палец тут же утопил кнопку электростарта. Затарахтел ПКТ, длинная очередь хлестнула по кустам, откуда вылетела граната, я в прицел увидел, как взбило тучей грязь и листья, но я водил стволом из стороны в сторону, чтобы с гарантией расстрелять, разнести позицию гранатометчика. Увидел силуэт в кустах чуть правей, перенес

огонь туда, кажется, даже попал, а может, он и залег, и тут вторая граната пронеслась в мою сторону... и ничего.

Там же кустарник густой, так что или выстрел бракованный, или как-то ее там развернуло, не сработало.

Снова заработал пулемет, выискивая позицию второго стрелка. До них метров двести, не больше, из РПГ меня достать проще простого, я бы с первого выстрела попал вот прямо сюда, в лобовой лист, и этого бы хватило.

Только подумал — и удар по ушам, в глазах искры, запах горелого металла — и все равно жив... только в глазах круги, и где-то сзади, у двигателя, разгорается желтоватое пламя. Черт, разлитое масло занялось, или сгорю, или дымом задушит, или добьют.

Схватил винтовку с автоматом, головой вперед вывалился из бортового люка на траву, потеряв очки и охнув от боли в плече. Но очки хоть прямо под носом свалились, искать не надо. Вскочил, пригнувшись, бросился в кусты, прикрываясь корпусом машины, и тут ей снова досталось — бабах!

Все, конец бэтэру, накрылся окончательно. А у меня в ушах звон, в глазах круги. Сдернул с башки шлемофон, отбросил, он теперь только мешать будет, не слышно из-под него ничего, а я и так резко на уши «потугел».

Присел, оглянулся. Даже с этой стороны увидел, куда прилетел первый выстрел — в колесо левого борта, ниже корпуса. Его разнесло, и с этой стороны второму досталось. Поэтому и цел. А последняя в моторное, похоже, угодила, спасла перегородка, но вот теперь пошел пожар, там же баки. Все, сгорела машина.

Закинул автомат за спину, подсумок с магазинами к СВД на ремень через плечо, отбежал дальше, залег. Пополз вперед, стараясь впихнуться под низкие ветки и оказаться за пучками травы. Остановился, приложился к винтовке.

Да, вдоль опушки в сторону дороги перебегают... Поймал в прицел одного, присевшего за кустом, сбросил предохранитель, подвел шеврон прицела, потянул спуск. СВД грохнула, лягнулась, человек неловко завалился. Не убит, наверное, но ему хватило, пусть еще и им занимаются, если не бросят, конечно. Поводил стволом еще, дважды выстрелил в бегущих, кажется, даже задел одного, но они бросились в кустарник, растворились.

Откуда-то заработал пулемет, но неточно, пули метрах в десяти, наверное, бьются в землю. Поводил прицелом, через несколько секунд обнаружил дульные вспышки. Пальнул туда четыре раза подряд, пулемет

замолчал, а я тут же сдал назад и отполз в заросли, там уже вскочил и кинулся в обход деревни, искать наших. Тут я уже отвоевал свое, задавая пули по листьям щелкают со всех сторон.

Теперь винтовку за спину, автомат в руки. Да, неудобно, но напороться в зеленке на кого-то, имея в руках СВД, еще неудобней. А на автомате еще и глушитель есть.

Резко сменил направление, выбежал из посадки к домам деревеньки Мигуново, что прижалась к Жаднево, прорысил через дворы, нырнул в рощу с другой стороны. Там снова резко вправо, перешел уже на быстрый шаг, чтобы силы экономить. Черт, голова все равно гудит, и в ушах звон, в легких такое, что можно подумать, будто последние десять лет ни одной папиросы не выкурил, не вымочив предварительно в машинном масле.

Наших нашел быстро, точнее — они меня первыми увидели, подали знак. Подобрался к ним, сидящим в кустах, присел рядом на колено.

— С Лехой на связь выходили?

— Да, он у моста, — кивнул Николай.

— Кого вы там сожгли?

— Сороковой. Что дальше?

— Здесь не наблюдали никого? — спросил я и, дождавшись отрицательного ответа, сказал: — Банда в пешем порядке продвигается по зеленке вдоль дороги. Бэтээр спалили, у них несколько РПГ.

— Сам как?

— В ушах только звенит, — я сплюнул в траву, стараясь избавиться от мерзкого привкуса. — Жить буду.

— План какой?

— Идти по зеленке по этой стороне, параллельно. По живой силе пока работаем мы с Мартыном, из СВД. Вы с границами подключаетесь в случае появления техники. И все время меняем позиции, нигде не тормозим, действуем парами.

Идеально бы тройками, снайпер, гранатометчик и пулеметчик, но народу мало. К тому же Димыч перегружен, хоть и здоровый, тащит ПКМ и РПГ, для боя это не очень на самом деле. Надо было ему автомат хватать, наверное.

— Короче, пара снайперов, — внес я поправки. — А вы пока за тягловую силу. В случае появления техники бросайте лишнее, подберем.

Пройдя за Мигуново, уперлись в ручей с широким заболоченным руслом, взяли левей. Перебежали дорогу, ушли в лесной массив на противоположной стороне, там аккуратно направились к опушке. Димыч с

Николаем подотстали, а мы с Мартыном выдвинулись вперед, подыскивая позиции для наблюдения и стрельбы. И толком не нашли ничего, потому что трава в поле высокая, если только из положения «стоя» стрелять. Мартын обхватил веревкой ствол дерева, просунул в кольцо винтовку, зафиксировал. Я тоже проделал подобный трюк, но винтовку в руки пока не брал, наблюдал в бинокль.

Нанести как можно больше потерь, обременить ранеными, заставить сомневаться во всем, запутать, задержать. Подкрепление подойдет точно, из Ржева, там остались разведчики Котова с ним самим во главе, подтянутся. Должны подтянуться.

По деревне идут вроде, по Жаднево... есть какое-то движение... но за домами. Похоже, что они хотят нашим же маршрутом пройти и как раз в этот массив. Так, а там, где ручей, пройдешь не очень, только по дороге его пересекать, и там разрыв в зарослях.

— Меняем позицию, — сказал я, сдергивая с дерева веревку и подхватывая СВД, и тут же меняя ее местами с автоматом. — Тут они прямо на нас выпрут.

— Понял. — Мартын освободил свою винтовку, и мы кинулись обратно в лес.

Еще переход быстрым шагом. Должны опередить, потому что бандиты двигаются медленно и осторожно. Отойдем до Колокольцево, оттуда отстреляемся, насколько получится, а вот затем придется уходить за мост. Самый трудный момент будет, придется отрываться.

Опять дождик прекратился, лес грибами пахнет. Тут бы гулять, а не воевать. И не помню, когда в последний раз в лесу именно гулял, до Этого Самого еще. С тех пор леса вроде как плохим местом стали, даже в тех местах, где и реальных опасностей не так много. Иногда кажется, что слишком много зла скопилось на недобитой до конца земле, и там, где люди собрались вместе — оттуда оно отступило, но все равно тебя ждет за границами человеческих владений. Бандиты, разбойники... да не так их и много, возможность случайно напороться, где-то гуляя, куда ниже, чем попасть под метеорит, и все равно...

Кто знает, когда страну почистят от всякой сволочи, может быть, и лучше станет, исчезнет это нелепое, в сущности, ощущение. Зло не только существует само по себе, оно еще и заражает все вокруг просто фактом своего существования. Оно разъедает саму ткань этого мира, как самая мерзкая гниль, как проказа. Его надо уничтожить, извести, выкорчевать, сжечь, а землю над кострищем засадить чем-то хорошим. Пусть вот леса грибные вырастут, они все растворят.

Вот дорога. Мартын, шедший «головой», присел за кустом, присмотрелся, затем махнул рукой, мол, пробегайте.

Перебежали разом, кучей, по-одному это делать риска больше, а как вдруг за это время бандиты подтянутся. Затем сам Мартын бросился следом, а в голове оказался уже я. Еще кусочек леса, затем уже и Колокольцево. Все как везде, заброшенные дома, заросли, заборы... придется лезть на чердаки, к слову, потому что с земли не разглядишь ничего. Не страшно, мы там оборону держать не будем, привалим кого-то и дальше ходу, не станем ждать, пока нас из пулеметов подавят.

— Тихо идем, — скомандовал я, хоть это и без меня все прекрасно понимали.

Не лезть в кусты, не шуршать травой, не выходить на открытое, осторожно обходить углы. Это не правила, это инстинкт, я так даже в городе хожу, ловлю себя на этом и все же не смеюсь. Так лучше. За пятнадцать лет с Этого Самого осторожность стала частью даже не души или сознания, а самого существа. Я тот, кто ходит осторожно. И поэтому до сих пор живой. И у меня есть цель, поэтому неплохо бы и дальше пожить, хоть смерти и не боюсь. Я только одного боюсь — уйти на тот свет с тем, что я успел, хотя сделать смогу куда больше. Жизнь должна как-то беречь меня, наверное, потому что я ей полезен. Я ее защищаю.

Стоп!

Я поднял руку, присев на колено, остальные сделали то же самое.

Шуршание рядом, шаги. Громкие, даже сквозь мою тугоухость прорвались. Не один человек. Где-то впереди. Взять на прицел угол забора, изготовиться, стать бесшумным, желательно даже вообще не дышать.

Птицы, птиц много, мешают слушать, и звон в башке опять же...

Из-за поворота человек с автоматом, появился, как в замедленном кино. Высокий, в камуфляже, волосы длинные, усы и бакенбарды.

Я выстрелил ему в грудь короткой, а затем длинной прочертил забор направо, услышав крик. Сивый, а это был именно он, свалился вперед, с хрустом придавив куст репейника, которым был густо обрамлен подгнивший дощатый забор. Затем, сжав усики, рванул с наплечного ремня РГД-5, метнул в проход и кинулся назад, забегая за покосившийся сарайчик. Бахнуло, вспыхнуло в сером облаке, повалились гнилые доски, а я добил туда же весь магазин, стараясь целиться пониже, выдернул из «лифчика» следующий, заменил с подбивом, дослал патрон, прицелился туда же.

Оттуда донеслись крики, в которых я ни черта не разобрал, через угол забора перелетела граната, упав за углом дома передо мной, рванула там

бесполезно, исхлестав осколками забор. Я показал рукой засевавшему дальше с пулеметом Димычу, куда смотреть, и сам кинулся в обход дома, стараясь выйти на линию с противником. Дом небольшой, я его за пару секунд обежал. Дернул вторую гранату, кинул из всех сил за угол, даже не глядя, присел, стараясь оказаться как можно ниже. Дождался взрыва, выглянул, успел разглядеть кого-то за разваленной поленницей, быстро обстрелял его, заставив залечь, а потом пальнул в еще одного, выглянувшего из-за дальнего угла забора. Тот дернулся назад, но неловко, и я пустил пару короткий очередей прямо сквозь забор, рассчитывая попасть, и попал, потому что тело вывалилось обратно.

Шаги за спиной, но это наши, я слышал, откуда, только сказать успел:
— Он за дровами! — и тут же туда полетела граната.

Спрятались, после взрыва высунулись, увидели окровавленного человека, пытающегося медленно уползти на четвереньках, открыли по нему огонь в два ствола, убив на месте.

Откуда-то слева прилетела очередь, треснула по гнилым бревнам, разбрасывая труху и щепки, я почти наугад выстрелил в ответ, а Мартын, это был он, открыл туда огонь одиночными, явно кого-то заметив.

— Назад, отходим!

Тут лабиринт настоящий, вся война будет исключительно на удачу, кому больше повезет, и за спину к нам пройти труда не составит. И из защиты все больше заборы, которые любая пуля шьет легко и запросто, а нас тут всего четверо.

Кинулись назад, Димыч полил все у нас за спиной из пулемета, пробивая заборы и что попало, дал нам отбежать дальше, упасть на колени, прикрывая уже его самого, перебежал сам, Николай уже контролировал боковой проход на задах дворов. Где-то за домом, откуда мы ушли, рванула граната, причем «эфка», судя по звуку, то есть наш маневр никто не разглядел, Мартын заставил их спрятаться.

— Прикрывай!

Опять мы в перебежке, до очередного забора и оттуда направо, до угла. За него — никого.

— Пошли!

Николай с Димычем рванули, пробежали вперед, снова сменили направление в сторону зеленки. Мартын снова несколько раз выстрелил одиночными, ухмыльнулся довольно, сказал:

— Минус, — и тут же выстрелил снова, трижды.

Я тоже перекинул переводчик на одиночные, патронов не так уж и много с собой, весь запасной боекомплект сгорел в бронетранспортере, так

что воюем тем, что есть, экономим. Это сблизил очередями палить пришлось, деваться некуда, а раз оторвались, то вот так, тщательно целясь.

— Пошли!

Наша очередь. Подхватились, бросились дальше, опять свернули за дом, насквозь через двор, теперь уже я присел за поленницу, а Мартын занял позицию за углом покосившейся избы. Стрельбы нет, немножко оторвались...

— Пошли!

Николай с Димычем, запыхавшиеся и возбужденные, пробежали мимо, уже до зеленки, рухнули там в кусты, взяв на прицел сектора за нами.

— Пошли!

Теперь мы. Винтовка за спиной болтается неудобно, но и хрен с ней, главное — бежать, бежать и топать как можно тише. Мартын в десятке метров за мной, слышу его шаги и дыхание. Мокрые кусты, капли воды с листьев, проломился насквозь, добежал до первого дерева с толстым стволом, развернулся, присел, автомат к плечу. Вторая пара подхватила, пронеслась мимо нас, заняла позицию сзади.

— Я в голове, идем на мост, бегом марш, — подскочил я.

Тут нас видно быть не должно, так что ходу прибавим, уходим отсюда. Разведка бандитов успела подтянуться, а нам в ближний бой нельзя, нас мало, зато две СВД, нам дистанция нужна, тогда мы еще ого-го, а так вот никуда не годится, как сейчас, хотя четверых заминусовали. А неплохо, неплохо...

Вон опушка, дальше мост просвечивает сквозь кусты.

— Леха!

— Здесь! — Наш радист бежал в нашу сторону, виляя между деревьев.
— Славян где?

— Погиб Славян. Все, не ждем, рывком на ту сторону! Связь была с кем-нибудь?

— «Верба» вышла, выдвинулись в нашу сторону.

Как бальзам на душу, все же мы не одни. Все же нам помогут, хотя им ходу из Ржева... долго еще ехать, час, не меньше.

— В другой раз расцелую! Бегом давай!

Волга тут узкая, да мост длинный, потому что она внизу течет. Метров сто бежать, а укрытием только высокий бордюр из нетолстых бетонных плит, прикрывающий только лежащего. Дорога за спиной, к счастью, с двух сторон зарослями зажата, чтобы нас видеть чисто, на дорогу нужно выскочить, иначе нет сектора.

— Мартын, прикрываем поочередно! — Я на ходу опять начал менять

оружие. — Ходу, ходу!

По скользкой траве из низинки вверх на дорогу и оттуда на мост со всех ног. Отбежав от края метров на двадцать, я упал на выбитый асфальт, прижался левым боком к бортику, приложился. Они если и появятся, то слева, дистанция будет от двухсот до трехсот, я думаю, меня сразу не заметят, а я уже отдышусь. А по-другому на мост подняться нельзя, только вот так, на меня с фронта.

Пусто, пока никого, а голову над бортиком специально не поднимаю, чтобы осмотреться, я тут сюрпризом лежу, тихо надо, неподвижно.

— Пошел!

Перекатом не получится в сторону, автомат за спиной мешает, пришлось вскочить, отбежать на противоположную сторону, освобождая сектор Мартыну, и там уже рванул со всех ног, даже не пригибаясь, лишь бы скорей.

Грохнула винтовка, раз, другой, я как раз пробежал мимо, упал сам, взяв на прицел дорогу, увидел там корчащегося человека, провел прицелом по зеленке, но не разглядел никого.

— Пошел!

Мне дальше надо было перебегать, но раз уж залег, то пусть Мартын бежит, я прикрою. И бочком, бочком ближе к бордюру.

Где-то поодаль раздался хлопок, а затем метрах в десяти передо мной на асфальте разорвался «вог». Черт, у них еще и подствольники есть... И бьет довольно точно, навесом. Подствольники дефицит, их в войсках не так уж и много было, новая вещь, у нас с собой ни одного такого, кстати.

Хлоп опять, на этот раз перелет, кажется, в речку ушел с другой стороны моста. Так себе положение, если честно...

— Пошел!

Опять рывок, уже до конца моста, Мартын там лежит, остальные ждут в зеленке у дороги уже с той стороны, в безопасности... хотя, безопасность у нас очень временная штука. Это ненадолго, безопасность эта самая.

— Давай, не жди, уходим! — крикнул я, пробегая мимо.

Два раза говорить не пришлось, он подскочил сразу. Сзади разорвался еще один «вог», но далеко, стрелок по старой позиции долбит.

А вот как тут располагаться, я вижу сразу.

— Мартын, в зеленку, слева от дороги, а я справа! Занять позицию. Коля, Димыч, сбрасывайте лишнее возле нас и с границами выдвигайтесь по лесу ближе к мосту, по левой стороне. Леха, по зеленке левой, так, чтобы реку видеть, огня не ведешь, только наблюдаешь. Стрелять начнешь, если подойдут оттуда, по нашему берегу, не раньше, понял?

— Понял.

— Давай.

Вот здесь у нас единственная позиция с хорошей дальностью и узким, в ширину моста, сектором обстрела. И нет у противника такой техники, которую бы РПГ в лоб не взял, а тут дистанция видимости метров триста всего, и никак никакая машина мимо не проскочит. Единственный риск в том, что бандиты в пешем порядке могут переправиться ниже по течению. Выше сложнее, им придется дорогу пересекать, а мы маневр засечем, подготовимся.

— Все, тут держимся, сколько можем! Леха, связь не выключай, слушай!

Связь, связь... жду по этой связи известий от Котова о том, что он со своими разведчиками на подходе, что поддержит. Да, тут сколько-то продержимся, но не могут бандиты не догадаться переправиться на подручных средствах, просто время это у них займет, а время работает на нас. Я уверен, что на нас.

Позиция у меня хорошая, между тонких стволов кустарника, листвой и травой прикрыт, а сектор чисто наблюдаю, идеально, как на стрельбище. Плечо только опять крутить начало так, что словно его сломать кто-то здоровенными ручищами пытается. Ну некстати же, некстати...

Вытащил из кармана носовой платок, снял очки, протер, дыхнув на стекла. Когда с земли поднимал, сцапал их пальцами, отпечатки остались. Так вот лучше. А на мосту между делом еще три «вога» разорвалось. Не надоело там ему еще? Видно же было, как мы бежали. Хотя... если они слева от моста и в низинке, то не было им видно. Поэтому и не стреляли.

Волга здесь быстрая, к слову, местами вода аж волной идет, так просто не переберешься без лодки, придется повозиться. Что делать будут?

Так, активность справа в зеленке вижу, кажется... ветки шевельнулись не в кассу совершенно, вроде как тоже кто-то под куст заползти пытается. Ну-ка...

Не слишком мощный ПСО остановился серединой сетки на движении, зафиксировался. Затихло все, но вроде бы не совсем в тон пятно за кустами... ждать? А если снайпер? Он вот так меня сам выцелит и... И в то же время хочется себя раньше времени не обнаруживать, дать им дальше продвинуться, войти в зону уверенного поражения, а дальше я им устрою.

Бинокль бы взять, но самому лучше не двигаться. Ничто не привлекает больше внимания в лесу, чем движение и прямые линии, а неподвижные предметы глаз часто на автомате пропускает. Если бы ветка не затряслась, то я бы и не заподозрил ничего. Он ее чем-то зацепил, похоже.

Триста, примерно триста, тьфу и растереть... на цель, дыхание, свободный ход... одним бы выстрелом, чтобы не обнаруживать себя... я на триста и из автомата попадаю, без всякой оптики, а тут СВД...

Бах!

Толчок, прыжок прицела, возврат на цель. Светлое пятно, пуля что-то расщепила, никакого движения, но вроде бы немного очертания пятна изменились. Вроде бы. Зато движение правей, суетливое, там кто-то еще был... нет, не буду стрелять, не вижу цели, а она наверняка сместилась, может даже с перепугу.

Скосил глаза на Мартына, тот лежит, как лежал, наблюдает. Все нормально у нас, все спокойно, может, я даже еще какого-то бандита заминусовал, и это хорошо, это просто замечательно, нечего им тут шляться.

Где-то на том берегу заработал пулемет, но куда долбит — не пойму. Подозреваю, что просто наш берег обстреливают, но толку с этого не будет, мы от воды далеко. Опять захлопали воги, уже двое стреляют, кажется. Растеряны они, вот что, не знают, что дальше делать, на мост наступать страшно. Но что-то сейчас придумают, ничуть в этом не сомневаюсь.

Пулемет подолбил и смолк, жидковатые хлопки разрывов тоже стихли. Тихо. Движения в зеленке тоже нет. В таком режиме тишины минут десять прошло, а может и больше. А затем на пределе зоны видимости появились машины, две. Два БТР-152, и я уже знал, что последует дальше. В нашу сторону заработали сразу четыре пулемета. Сначала непонятно куда, вокруг моста, что ли, потом огонь перенесся на заросли вдоль дороги, то есть где мы лежим. Пока неблизко, но обрабатывают методично.

На каждом из бронетранспортеров того пулеметчика, что стреляет с командирского места, просто уронив пулемет сложенными сошками на край брони, видно хуже, а вот те стрелки, что на штатных местах, торчат куда выше. Сперва пригибались, а теперь выпрямились, пытаются попадания пуль своих видеть.

— Мартын, ты левого, я правого, тех что за СГМБ!

Те же триста, может быть чуть больше. У них что, «шестидесятки» нет? Были же в колонне, я сам видел, подбиты всего две... где остальные?

Дыхание, свободный ход, выстрел. Не попал, я даже разглядел, как пуля влетела в пулеметную коробку. Еще раз — есть, попал точно, он дернулся и завалился. А второй нырнул за броню. Стрельба прекратилась, на второй машине то же самое, Мартын снял стрелка первым же выстрелом, а второй спрятался. Но это ненадолго, я думаю.

Правильно думал, два пулемета заработали снова, хоть и не слишком

точно. Одно дело с вертлюга стрелять, и совсем другое вот так, укрывшись, с точкой опоры впереди и удерживая приклад на весу. Мы оба открыли ответный огонь снова, заставив пулеметчиков укрыться. Был соблазн пострелять в щель в водительском люке, но решил не делать этого. Не уверен, что попаду, да и лишний раз обнаруживать себя...

А затем один из бэтээров выдвинулся вперед и, набирая скорость, покати́л в нашу сторону. И тут же следом за ним, уступом, пошел второй. То есть вот что они решили сделать, просто перекинуть десант на эту сторону, прикрываясь броней.

— Мартын, не даем высовываться! Колун, Димыч, готовность! В движки бейте!

Попытку пулеметчика высунуться снова я пресек. Во второй машине стрелок даже не пытался выглядывать из-за брони. Димыч чуть выдвинулся в сторону дороги метрах в тридцати передо мной, продолжая укрываться в кустах, закинул трубу РПГ на плечо. Николай на той стороне дороги проделал то же самое.

Две бронированных туши, медленно набирая скорость, приближались. Слышно было, как рычат их двигатели, даже слышно, как хрустят осколки асфальта под большими колесами. Вот Димыч резким рывком сместился вправо, замер как изваяние, затем реактивная струя ударила куда-то в мою сторону, обдав волной горячего воздуха, и почти сразу же в самой середине решетки двигателя головной машины вспух взрыв. Второй БТР неожиданно резво укрылся за подбитым и тут же начал сдавать задом. Николай выстрелил тоже, но граната оказалась «протухшей». Вяло пролетев метров пятьдесят, она просто упала на землю, чуть прокатилась и замерла. Противник же продолжал двигаться назад. Что-то вылетело через борт, закувыркалось, а затем из этого «чего-то» в две стороны повалил густой белый дым.

Из подбитого бэтээра через задние двери выскочили люди, один высунулся с автоматом, но тут же поймал пулю в лицо от меня, остальные, стараясь прикрываться корпусом, бросились за второй машиной, и мне прямо под днищем удалось выцелить чью-то ногу, а когда обладатель ноги свалился, добить его следующим выстрелом.

С отступающего БТР затарахтели два пулемета, целясь в противоположную от меня обочину, Николай метнулся в кусты, залег, укрываясь от обстрела, дым уже затягивал силуэт уходящей машины. Димыч успел перезарядить РПГ, высунулся снова, но стрелять не стал, с нашей стороны противника уже не было видно. И если бы они решились на атаку прямо сейчас, рискнув и не испугавшись жертв, то могли бы и

прорваться на самом деле, но они не рискнули.

БТР отъезжал все дальше и дальше, спешившиеся бандиты с первой машины бросились в сторону, вниз с дороги, и исчезли из виду.

— Мартын ранен! — крикнул Николай.

Я повернулся к ним. Точно, у Мартына плечо в крови, Николай оттаскивает его в сторону.

— Димыч, помоги! Я прикрываю!

— Понял!

Он положил гранатомет в кусты и рывком перебежал дорогу, на ходу вытаскивая перевязочный пакет. Дальше они пропали за кустами в неглубокой канавке, и мне осталось только наблюдать за дорогой, чувствуя, как накачивает злоба, и гадая о том, что с нашим товарищем.

Надо было грузовик не отпускать, пусть бы ждал где-то в зеленке, а Митя с Васькой сидели бы просто тихо. Как всегда не додумал. Мартын тяжелый, пуля через сустав прошла и вскрыла мышцу сзади, вдоль спины, длинным разрывом. Перебинтовали, вкололи промедол, но Мартын был плох. Николай оставил его за кустами, но даже присмотреть за раненым было некому.

А бандиты замолчали. Движения в зеленке я тоже не наблюдал, никакого. Решил, что отошли назад, размышляют. Даже второй бэтэр ушел. Или у них кого-то главного убило? И почему так мало машин?

Димыч по моему приказу выдвинулся к реке, аккуратно понаблюдал за тем берегом, но тоже никакой активности не выявил. Пусто, мертво. Патроны к СВД пока есть, к автомату что-то осталось, у Димыча всего один короб к ПКМ. Но он, прикрываясь высоким бордюром, дополз до подбитой машины и приволок оттуда еще два.

— Там их до хрена и пулемет лежит, — объявил он. — И на земле два автомата, на жмурах подсумки.

Рискнуть самому? Рискну. Отдал СВД Николаю, у нас каждый в группе из всего стрелять умел мастерски, перебежал ближе к мосту, быстро заполз за низкую стенку и заработал руками и ногами, стирая брюхом многолетнюю грязь с асфальта. Но патроны нужны, я не знаю, что случится дальше, подкрепление еще где-то в пути и когда будет... черт, я даже счет времени утратил, не посмотрел на часы тогда, когда Леха доложил о связи. И связь-то односторонняя была, он их услышал, а они его нет.

Подполз ближе. БТР не загорелся, к счастью, просто встал, а вот дым от нашего я и отсюда вижу. И от «бардака» тоже, кажется, вон грязное облако над лесочком. В машину не полезу, Димыч зря рисковал, а вот трупы осмотрю. Вон прямо передо мной АКС лежит, а из самодельного лифчика у убитого торчат рыжие магазины. Другой калибр, придется и сам автомат подобрать, что уже совсем никуда. Второй лежит дальше, у него... у него обычный АК-74, «весло», но еще магазинов полно. Ладно, все подберу, пригодится. И гранатную сумку вижу на ремне, тоже кстати будет.

Пуля убитому в лицо влетела, возле носа, тут дырка маленькая, а затылка почти нет, вывален весь, мозги студенистой багровой массой вываливаются на землю. Противно должно быть, а мне радостно — еще одного к чертям на сковородки отправил, пусть им объяснительные пишет о том, как же сумел в такую тварь превратиться. А я свое дело сделал, выписал билет вниз.

Второй совсем молодым выглядел, лет чуть ли не шестнадцать, но тоже сочувствия не вызвал. Срезал с него «лифчик», вытащил две гранаты, «эфку» и РГД-5, подобрал автомат и потащил все за собой обратно на ремнях, а потом и со второго трофеи собрал. Худо-бедно, а боекомплекта неплохо прибавилось. А ведь в бэтэере наверняка еще есть... нет, не хочу подниматься с земли, прямо чувствую, что не нужно этого делать. Что взял, того и хватит. Продержимся. Должны продержаться.

Пуля клюнула асфальт справа от меня, тут же донесся выстрел. Снайпер, черт!

Вскочил, прыгнув в сторону, вторая пуля щелкнула в воздухе, услышал выстрел опять. Прикрываясь корпусом подбитой машины, рванул со всех ног вперед, умудряясь удерживать в охапке собранное с убитых, при этом один из автоматов больно бил меня дульным тормозом по колену. Я каждые две секунду менял направление, старясь делать это непредсказуемо, несясь как мог быстро. Снайпер выстрелил еще трижды, но ни разу не попал, да и засуетился явно, каждый следующий выстрел был хуже предшествующего. А затем я слетел с дороги и исчез в зеленке, уже лесочком направившись к своей позиции.

Точно, заметили они, как Димыч в подбитую машину лез, но его обстрелять не успели. А потом уже засекли меня. Правильно, что не стал в ней шарить, вот задница подсказала, иначе и не скажешь.

Свалил автоматы с магазинами в траву, гранаты поделили. Переполз на другую сторону, нашел Мартына, лежащего за кустами. Бледный, испарина, вроде в сознании, но сознанием это назвать трудно, совсем «плывет». Повязка плотная, но кровь все равно уже просочилась, пятно

немалое. Его срочно в госпиталь надо. Пусть у нас каждый и за санинструктора может работать, но этого мало, ему врачи нужны и операционная, срочно.

Стоят оставшиеся бандиты его жизни? Да о чем я... машины-то нет. Не на себе же тащить, все равно не донесем.

— Ты держись, Аркаш, — назвал я его по имени, — скоро помощь будет, обещаю.

Перебрался на позицию. Взял АКС, осмотрел — грязный, причем не свежим нагаром, а старым. Даже чистить нормально оружие не способны, ублюдки. А патроны живыми выглядят, не «перекрут», должны работать. Повоюем еще, повоюем. Мы уже неплохо их положили, уродов, очень неплохо. Нашли с кем связываться, я вас таких уже десять лет даблю без перерыва, жизнь у вас воровская, мать вашу.

Так, мост все же под наблюдением, то есть банда не ушла. Что они так уперлись в это место? Ломились бы другими дорогами, может, и выбрались бы. Будут переправляться? И где остальные машины, вся остальная «броня»?

И где Котов с разведчиками? Вася, где ты? Ты тут нужен как воздух, у нас тут все наперекосяк, у меня друг умереть может, а второй и вовсе погиб. Дуй сюда, пока мы тут все на ноль не перемножились.

В лесу треснула короткая очередь, и тут же в ответ затарахтело сразу несколько автоматов. Переправились все же!

— Колун, держи мост! — крикнул я, отбрасывая СВД и хватая автомат. — Димыч, за мной давай!

Леха метрах в ста, четко на нашем фланге был, так что левой забираем, левой. Стрельба идет, густая, но пули в нашу сторону не летят, так что правильно идем. Приналег, стараясь все же не сходить с ума, выглядывая противника, и вот увидел чей-то силуэт, стоит кто-то за деревом, постреливает. Вскинул АКМС, свалил того двумя выстрелами, укрылся сам, выглядывая другие цели. Димыч упал неподалеку, приложился к пулемету, заработал короткими, патронов по пять очередями. Я сначала не понял куда, потом увидел кого-то перебегающего, обстрелял его, тот укрылся за деревом, но тут же упал, потому что пулеметную пулю дерево не остановило, Димыч перенес огонь на него.

— Держи, иду дальше! Взвод! — заорал я приказ несуществующей армии. — За мной!

Перебежал, увидел крутящегося на земле человека в камуфляжных штанах и брезентовой куртке, всадил в него три пули подряд, тот ткнулся

лицом в землю. Сорвал гранату с подвески, выдернул кольцо, метнул, стараясь просто создать как можно больше шума. Грохнуло, взметнуло листву и сор с лесной подстилки, прошлись бритвами осколки по стволам и листьям.

Снова задолбил пулемет, веером прочесывая огнем возможное укрытие противника. Затрещал автомат, почти справа, это должен быть Леха. Надеюсь. Две темные фигуры убегали от нас, мелькая за деревьями вдалеке. Я дострелял в них магазин, стараясь даже не столько попасть, сколько напугать, перезарядился, а затем мы с Димычем подхватились и кинулись в сторону Лехи, выкрикивая его имя, чтобы самим на пулю не налететь.

Леха лежал за корнем толстого дерева, причем он здесь даже слегка окопаться успел.

— Ты как?

— Нога, блин, — сплюнул он. — И рацию разбили.

— Рация еще есть, сам как?

— Не сильно вроде как.

Еще раненый. Хоть и не тяжело вроде. Пуля прошла сквозь бедро сзади, почти под самой кожей, но крови все равно много. Но так держится, даже бодрый, особенно сейчас, на адреналине.

— Сколько их?

— Рыл пять. Колонной шли, вдоль берега.

— Димыч, ты тут, я к Колуну, — подхватился я. — Могут через мост попереть. Держите направление. Перевяжитесь.

Бегом обратно и не забывать оглядываться, тут ведь еще и обойти могли, лес он везде лес, видимость называется «ограниченная». К автомату патронов мало уже, надо трофейный взять. Выбежал на опушку ровно в тот момент, как Николай дважды выстрелил куда-то из СВД. Я тут же залег, но он прекратил огонь. И ответного не было.

— Что там?

— Наблюдателя засек, кажется. Не попал.

— Хрен с ним.

Я отложил свой автомат, подхватил АКС, выстрелил из него куда-то в сторону противника, проверяя на работоспособность, сложил приклад и закинул на спину. А потом начал магазины в «лифчик» распихивать, выбрасывая оттуда свои.

— Хрен с ним, — повторил, выдохнув.

Залег под знакомый куст, достал бинокль. И вроде как услышал что-то... или в ушах гудит от контузии?

— Коль, слышишь что-нибудь?

— Движки. Движки слышу, оттуда, — он показал пальцем в сторону дороги от Ржева.

Точно, движки. «Броня» идет. И побей меня бог, если это не наша «броня».

— Хан отделился от колонны и решил уйти другим маршрутом. — Кононенко взял со стола кружку с чаем, но пить пока не стал. — Остальные пошли дальше и попали в засаду, там их и покروшили. Так что если бы вы на месте не остались, Хан со своими ушел бы.

— А почему они так в этот мост уперлись? — спросил я. — Уходили бы дальше проселками. Сделали бы крюк больше.

— Когда они налетели на вас, то решили, что их обложили со всех сторон. Так сам Хан показал на допросе.

Четверо из банды угодили в плен. Попытались уехать на том самом приметном уазике с железной крышей и колпаками, но когда выбрались на дорогу из леса, наткнулись прямо на разведвзвод Котова, шедший на четырех бронетранспортерах. Им тут же выбили двигатель, а дальше взяли всех, кто сидел в машине. С основной засады тоже с десятков пленных набиралось. Сколько-то бандитов ушло пешком, но немного, да и все порознь.

— А в Вышнем что?

— Вышний взяли почти без стрельбы, никто там нас не ждал, — сказал Константинов. — Почти весь криминал арестован, сколько-то положили. Город наш, отходит Торжокскому району. Войска окрестные деревни прочесывают, выбивают «зеленых».

Мы сидели в кабинете секретаря райкома. Хозяин, Плотников, во главе стола, в разговор не вмешивался, просто слушал. Из наших я и еще Николай, а так начальник райотдела, из оперов Михаил, два незнакомых военных из центра, майор и капитан, которые представились, но ни имена, ни должности мне ничего не сказали. Военные, не эмвэдэшники.

— Как сотрудники ваши? — вдруг спросил у меня секретарь.

— Алексей Петраков в порядке, с палочкой уже ходит, — назвал я Леху полным именем. — У Аркадия Мартынова состояние тяжелое, но стабильное. Пока в Торжке останется, в госпитале. Смогут спасти руку или нет — пока никаких гарантий врачи не дают.

— Когда у них были?

— Да вот прямо перед тем, как сюда прийти.

— Насчет тела Зинкевича распорядились?

— Да, — ответил за меня Николай. — В Грязовец повезем, там

похороним.

— Плохо, когда хорошие люди гибнут. — Плотников вздохнул. — Мало людей, каждый на счету, и на такую сволочь их изводить... слов нет. Что с арестованными дальше? — повернулся он к начальнику милиции.

— Всех в Вышний отправили, там следствие и суд.

— Кто пока порядок поддерживает?

— Мы, — сказал Константинов, — но надо формировать местный райотдел и гарнизон.

— Идеи есть?

— Есть, — кивнул капитан. — Товарища Бережных на эту должность хотим. Только он сомневается что-то.

Да, разговор у меня был и с Константиновым, и с начальником райотдела Максимовым. Они настаивали, но ответа я пока не дал. Не потому, что ответственности боюсь, просто планы у меня другие. Место почищено, тут службу налаживать надо, и у начальника горотдела будет куда больше бюрократии и хозяйственных забот, чем оперативной работы.

— Вы же из Грязовецкого отдела уволились, так? — секретарь посмотрел мне в глаза.

— Так точно.

— Вы с какого года член партии?

— С семьдесят девятого.

— Так вот я настаиваю на том, чтобы вы приняли должность, — он слегка хлопнул ладонью по столу. — В порядке партийной дисциплины. Рано вам увольняться, даже по возрасту, до пенсии далеко еще.

— Боюсь, что меня неправильно поняли, — возразил я. — Начальника хорошего из меня не получится, не мое это. Я оперативник, всегда занимался борьбой с бандитизмом и на этом собаку съел, без ложной скромности. Не вижу смысла из хорошего оперативника делать руководителя. Это как гаечным ключом гвозди забивать. Вроде и получится, но лучше делать это молотком.

— Ваше мнение? — Плотников повернулся к Максиму.

— У нас людей на должность начальника сейчас нет. Пусть принимает горотдел временно, формирует отдел борьбы с бандитизмом, и тогда его переведем. Приказ на зачисление на должность у меня готов.

— Слышали?

— Слышал, — кивнул я. — Но сейчас момент острый, по району много бандитов разбежалось, взяли не всех. Их ловить и уничтожать надо. Я бы лучше с этого начал.

— А вот партия считает, что вы нужны там, где нужны, — отрезал

секретарь. — Принимайте отдел, остальное от товарища Максимова слышали. И с этим закончили. Или просто вставайте и выходите из кабинета, тогда нам обсуждать нечего. Сколько вам времени нужно на то, чтобы все дела свои закончить и уехать в Вышний Волочек?

— Дня три, — не стал я возражать дальше, раз уж Плотников вопрос настолько ребром поставил. Так да, брыкаться сложно. Хоть и зря они на этой должности настаивают, я свои способности хорошо знаю.

— Жилье выделим.

— Да я снял домик у Монгола, по оперативной надобности, — усмехнулся я. — Вперед уплачено.

— Вот его и выделим, — сказал Максимов. — Монгол сидит, и все остальные с ним.

— Тогда сегодня оформляйтесь и через три дня езжайте принимать должность. С этим все. — Плотников снова хлопнул по столу ладонью, словно ставя точку. — Горком уже формируется, зайдите сразу туда, познакомьтесь. Воеводина Иван Борисыча туда направили, умный человек, работать умеет, окажет любую поддержку. Главу города завтра назначат. Со следствием по арестованным бандитам что?

— Направили трех следователей, — ответил Константинов, — уже работают.

— Хочу напомнить, что суд должен быть знаковым. Чтобы ни у кого сомнений не осталось в нашей серьезности. И граждане должны увидеть, что бандитская власть закончилась.

— Райсуд с выездной сессией туда отправится, — сказал Максимов. — Жалеть никого не будут. Среди арестованных — трое бывших военнослужащих, дезертиры, они под военный трибунал идут.

— В Тольятти отправляем, — пояснил Константинов.

— Как по закону положено, так и делайте. Где арестованные содержатся?

— В здании бывшей женской тюрьмы. Бандиты ею пользовались, вместо зиндана была, теперь сами сидят.

— Так, по национализации хозяйства. — Плотников заглянул в тетрадь с повесткой. — Масленикова нет, — он упомянул председателя райисполкома, — подробности с ним отдельно, но вкратце скажу: создается межведомственная комиссия, будут оценивать все производства, что и как кому досталось. И какими методами управлялось. Все, что приобретено преступным путем или преступно управлялось, идет в общественную собственность. Владельцы будут со следователями объясняться.

— Все основные местные капиталисты под арестом, — сказал

Константинов. — Пока выходит, что только владелец новой лесопилки нормальный. Сам нашел где-то оборудование, вывез, поставил, люди на него не жалуются. Артелью работали. Проверяем, но претензий пока нет, толковый мужик и работяга.

— Может быть, его тогда и на старую лесопилку директором? И объединить?

— Не наша епархия, сами понимаете.

— Да, это к Масленикову. Вроде бы все обсудили? — спросил секретарь, подводя итог. — Хорошо, тогда расходимся. А мы, чем можем, — посодеествуем.

У подъезда райкома меня ждал уазик, переделанный вояками. Как тогда Сеня пошутил, так и вышло, мне его вроде премии отдали... Теперь вот в задумчивости, на чем дальше ездить: на «пырзике» или на нем. УАЗ жрет намного больше, но как-то удобней, да и привычней, сколько лет на таком проездил. Что-то одно продать надо, все деньги, что мы «выручили» во время операции, уже сданы под отчет, не считая разве тех, что мы взяли с тел прокоповских, так что я если не снова с тем, что раньше в кошельке было, но... И подходящий с партвзносами со всего уплатил.

За спрятанными в лесу уазиком и ГАЗ-52 мы сгоняли вчера вместе, Коля, Димыч и я. Отыскали все там же, где и оставили, никто не нашел и никто не тронул ничего, к вечеру уже пригнали в Торжок без всяких проблем по дороге.

«Козла», которого из Старицы перегнали для нас в Торжок, они решили забрать в отдел в Грязовец, а грузовик пока на улице стоит, у дома Сергеевны. Саша в отъезде, не успел его порадовать.

— В столовку сгоняем? — спросил Николай, когда мы вышли на улицу.

— Давай. Димыча с Лехой только прихватим.

— Они уже там, наверное.

— Тогда проверим сначала.

Я завел машину и воткнул передачу.

До рынка на Володарского от райкома рукой подать, доехали за две минуты. И там у столовой увидели наш «козлик», из чего сделали вывод, что Димыч с Лехой уже здесь. Я приткнул УАЗ рядом, мы вышли.

Опять дождит сегодня и ветер прохладный. Хорошо, что до этого пара

дней сухих была, хотя бы машины не вязли по дороге. Протопали по крыльцу, сбивая грязь с сапог, я потянул скрипучую дверь на пружине. В столовой пахло вкусно, сразу есть захотелось.

Наши сидели за угловым столиком, наворачивая борщ за обе щеки, а кроме борща на столе еще и графинчик с водкой. Расслабляются.

— Сергей! — окликнул меня женский голос.

— Ой, здравствуйте, — заулыбался я, увидев Свету и Оразгуль в другом конце зала. — Садись, Коль, сейчас подойду.

— Давай.

Николай отправился за столик к нашим, а я подошел к женщинам.

— Как вы? Как устроились?

— Присядете? — предложила Оразгуль.

— Если на минутку только, я с товарищами. — Я отодвинул стул. — Рассказывайте.

— Я в госпитале, медсестрой, — сказала казашка. — Свету в школу берут. Лика уехала домой с колонной, Наташа тоже. Виктор водителем устроился с тем грузовиком, они с Полиной нам все свои деньги отдали. Полина здесь работает, кстати, — Оразгуль показала на окно выдачи кухни.

— Жанна с собой покончила, — сказала Света. — Повесилась.

— Царствие небесное, — я ощутил острый укол боли под сердце. — Не спасли. Да, для вас у меня тоже новости. Прокопа со всей бандой убили. Малец, работорговец главный, задержан, ждет суда и расстрела. Многие ждут.

— Это хорошо, — грустно кивнула Света. — Про то, что Волочек взяли, весь город уже говорит, мне даже там работу предложили, а про Мальца и Прокопа не слышали. Это точно?

— Это точно. Прокопа я сам убил, банду его мертвыми своими глазами видел. Прапор дадут лет двадцать на торфе, так что воли ему все равно не видать. Почти все бандиты из города или убиты, или арестованы. Так что рассчитались мы за Жанну и остальных, хоть это ее и не вернет.

— А вы сами здесь остаетесь? — спросила она.

— Нет, меня в Вышний направляют, там в милиции служить. Через три дня уеду.

— Может, и мне согласиться?

— Не тяжело вам там будет? Воспоминания нехорошие, все это вокруг...

— Воспоминания у меня и здесь никуда не делись. — Она посмотрела мне в глаза, и я увидел ее слезы. — Каждую ночь воспоминания. А там я хоть буду все время видеть, что сволочи эти за все, что нам пришлось

пережить, рассчитались.

— Ну, это вам решать, — сказал я осторожно. — Но мне знакомое лицо будет там приятно видеть, честно скажу. Туда много людей сейчас набирать будут, как я понимаю.

Работы там много, самой разной. Местных перед наймом на ответственные должности проверять будут, так что костяк новой системы набирается из Торжокского района, от всех городов понемногу.

— А в милицию мне устроиться никак?

— Вы же учительница? Учителя тоже нужны.

— У меня это личное теперь, понимаете? Я с автоматом у кровати сплю, и кошмары все время. Опыта нет, но меня научить можно.

— Я на Белинского живу пока, восемьдесят пятый дом. Если вас отпустят, то зайдите, дайте знать, вместе и поедem. А там решим, на месте уже.

— Хорошо, я зайду.

— Спасибо за компанию, но я к своим за стол пойду. — Я поднялся. — Они уезжают завтра, нескоро уже увидимся.

— Да, конечно, спасибо, — ответили они почти хором.

Я перебрался за наш стол, уселся.

— Борщ тебе заказал и пельмени, — сказал Николай. — Ты как насчет по чуть-чуть?

— Положительно, если именно по чуть-чуть, — кивнул я. — А так дел еще полно.

— Серый согласился идти в шерифы в Вышнем, — он с усмешкой кивнул в мою сторону. — В добровольно-принудительном порядке. Секретарь райкома уговорил в порядке партийной дисциплины.

— Ну ты глянь! — Димыч быстро плеснул водку в четыре стопки. — Вот так и увольняйся в одном месте, чтобы в другом повысили.

— Я исполняющим обязанности, потом на ОББ пойду.

— Вот, старого волкодава двор охранять не поставишь. Давай за волкодавов, — он поднял рюмку.

Принесли борщ и нам, причем Полина принесла, поздоровалась радостно. Ну и я за нее счастлив, если честно. Когда видишь людей, которых тебе когда-то удалось спасти, понимаешь, что все же не зря живешь.

— А супруг как?

— Ой, шоферит почему зря уже. Домик нам выделили, так он еще и в ремонте с утра до вечера.

— Ну и замечательно, рад за вас.

— Пусть и у вас все хорошо будет.

— Спасибо, Поля.

Следующий тост за Славяна подняли, не чокаясь. Признаться, где-то в глубине души я немножко порадовался тому, что теперь не моя обязанность сообщать семье сотрудника о его гибели. Раньше все это на мне лежало, а теперь Николай пойдет.

После обеда они уехали в расположение части, готовиться к отъезду, а я покатил в райотдел, где в кабинете у Максимова написал, что от меня требовалось, а он бумагу завизировал и сразу же отдал в кадры.

— Сеня с тобой поедет тоже. Матчасть вся на месте, там с бандитов много и машин, и оружия взяли, на горотдел хватит. Под отдел усадьбу Хана отдали, там располагайтесь. Связь там и так есть, дадим одного связиста отсюда, и сам решай, как быть с этим Васей. Мое мнение — проверь его и как-то к делу приставь, он вроде бы чистым выходит, на зарплате там сидел. И сотрудничал без принуждения. Сам решай, в общем.

— Обдумаю, — кивнул я. — А вообще что со штатом?

— Формируем. Только ОББ создать у тебя не получится в том виде, что ты привык. Разведвзвод пока туда перекидывают, с ними работай. У нас тут так принято.

— Я понял.

— И работай как начальник, не как опер. Времени у тебя мало, отдел должен начать работать. Главное местных пофилтровать, кто во что был замешан и кто чем жил.

— Из одних местных нормальный отдел не создашь, — возразил я. — Там же милиции отродясь не было.

— От всех отделов района понемногу людей подкинем. Те «штирлицы», с какими ты там познакомился, тоже в отдел переходят, они там на многих материал собрали, долго в городе сидели. Ну и комендатура помогать пока будет. Дерзай, в общем, рассчитываем на тебя. Я тоже из оперов, к слову, а теперь вот так, и хозяйство, и политика, и личный состав пинками гонять. Кто-то же всем этим должен заниматься. Давай по плану пробежимся, надо заранее срабатываться.

У Максимова просидел часа три, разбираясь с планом, потом сходил к операм, пообщавшись с Сеней, который сообщил, что из райотдела еще четыре человека едет с нами. Потом скатался в часть, пообщался с

Котовым, договорился о том, что поедет одной колонной. И уже оттуда поехал домой, заглянув по дороге на базар, потому что еды в доме нет, да и Васька, наверное, колбасы от меня ждет. Водку брать не стал, купил еды, папирос, пачку цикориевого кофе и две пачки чая.

Когда подъехал к дому на Белинского, увидел возле него медицинскую «таблетку» с красными крестами и кучку людей, среди которых разглядел Лиду, жену Саши. Остановился рядом, вышел, спросил у нее:

— Что случилось?

— Сергеевна преставилась. Сердце, похоже. — Женщина тихонько плакала. — Пришла с работы и прямо в калитке упала, я из окна увидела. Пока звонить бегала, пока «скорая»... скончалась, в общем.

Из калитки вышли двое с носилками, на которых лежало накрытое с головой тело. Загрузили в машину, та завелась и уехала, разбрызгивая лужи. Я покопался в сумке, вытащил оттуда ключи от грузовика, протянул Сашиной жене.

— Мужу отдайте, это ему грузовик, — показал я на «газон».

— Он завтра к обеду быть должен, — ответила она, машинально взяв ключи.

— Зайду тогда поздороваться. Вы пока положите дома, хорошо?

— Хорошо.

Во дворе все, как и было, луазик стоит в дальнем углу, дверь в дом распахнута. Зашел, услышал горестный мям. Нашел Ваську в комнате хозяйки, растерянно топчущимся у кровати. Все он понял, что случилось.

— Вот так, Вась, и ты осиротел, — сказал я, выкладывая продукты на стол. — Жалко Сергеевну, хорошая у тебя была хозяйка, земля ей пухом. Покормлю вот сейчас. — Я развернул колбасу и достал нож. — А потом... потом мы с тобой в Вышний вдвоем поедет, потому что ни у тебя, ни у меня никого в этом мире не осталось. Я буду там злодеев ловить, а ты мышей во дворе и масть держать среди окрестных котов. Так и будем жить.

За спиной раздались шаги, я обернулся. На пороге стояли две пожилые женщины, глаза у обеих от слез блестя.

— Здравствуйте, — сказала она из них, — вы квартирантом тут будете?

— Квартрантом.

— А мы соседки, вещи пришли собрать, чтобы Наталью Сергеевну обрядить, значит. Не помешаем?

— Нет, что вы, проходите.

— Хорошо о вас отзывалась Сергеевна. Мы сейчас к батюшке пойдём, чтобы отпел покойную, так вы приходите.

Отпевают теперь не на третий день, а на следующий, а завтра я здесь еще буду. Поэтому сказал:

— Приду обязательно, спасибо. За чей счет похороны?

— Да соберем по-соседски, не беспокойтесь.

— И от меня тогда возьмите тоже, — я полез в кошелек, набрал там сто рублей, протянул ей.

Она не отказалась, лишь поблагодарила.

— И котика мы заберем, — сказала вторая, показав на грустного Ваську.

— Котика я забрал уже, простите уж. Со мной поедет.

— Ну и хорошо, все к доброму человеку попал, — закивала она. — Хороший котик, с Сергеевной душа в душу жил.

— Я знаю. Но за него не волнуйтесь, все с ним хорошо будет.

К доброму попал? Может, и так. Только когда отпуск возьму, надо чтобы кормил его кто-то, а я съезжу Семеныча зарезать. Вот тогда точно все, всех вывели.

Март 2017 г.